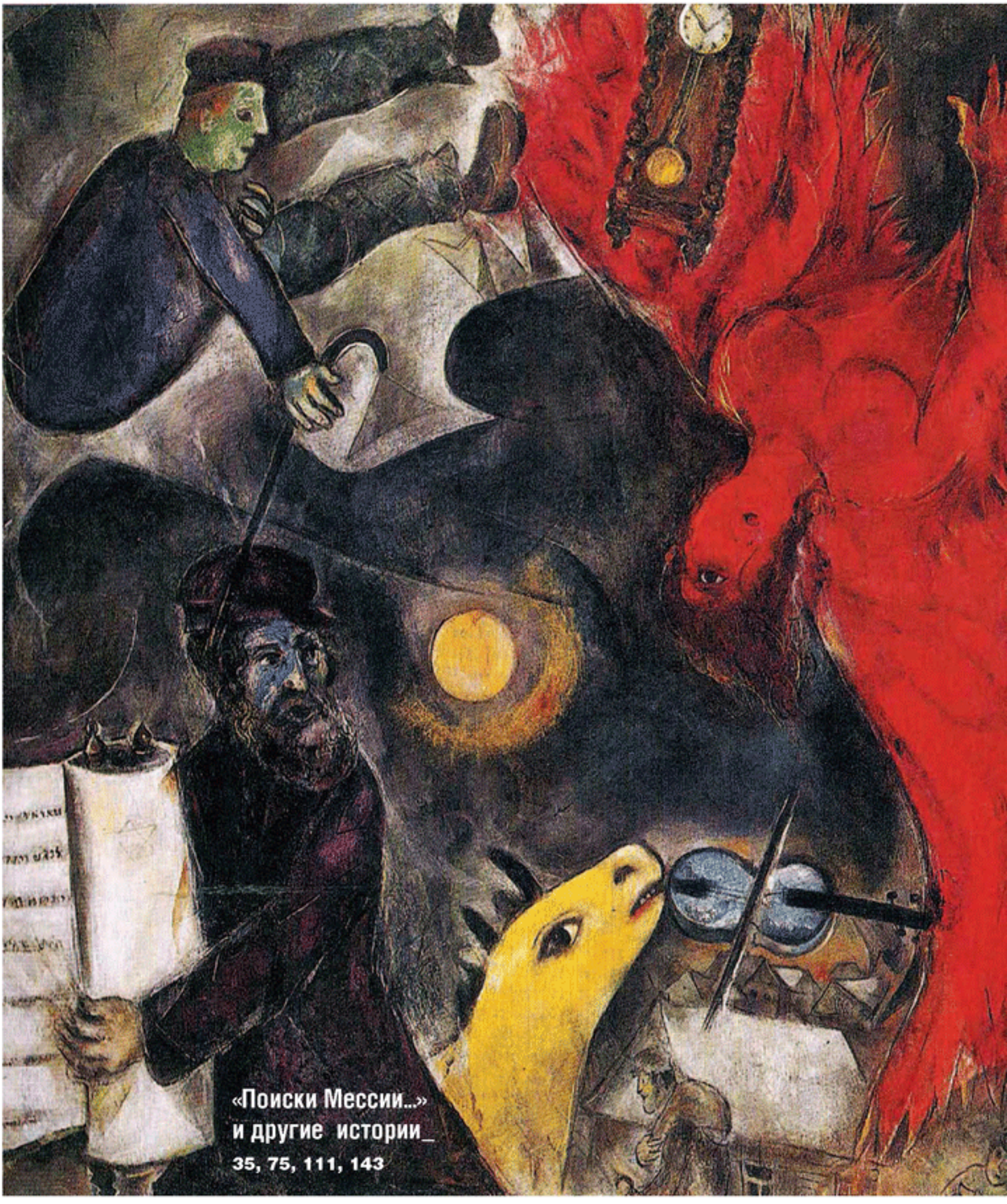
ИСКУССТВО КИНО 12

№12 **ДЕКАБРЬ 2016** www.kinoart.ru

ЮРИЙ АРАБОВ. ПРОДЮСЕРСКАЯ МОДЕЛЬ – ЗЛО ИЛИ БЛАГО?_**5**

ИГОРЬ МИШИН. ПОВОРОТ К «СЧАСТЬЮ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ»_**15**

ЕЛЕНА ГРЕМИНА. ЧАСТНЫХ ИСТОРИЙ НЕ БЫВАЕТ_**25**



«Поиски Мессии...»
и другие истории_
35, 75, 111, 143

Последний номер года по традиции представляет современную драматургию. Три сценария и пьеса, написанные людьми разных поколений, погружают в полярные миры – проблемные, исторические, стилевые, покрывают необозримые расстояния – от белорусского местечка эпохи Холокоста до Чукотки наших дней. Сближают публикуемые тексты, которым предпосланы предисловия-комментарии «заинтересованных лиц», значительность конфликтов, их актуальность сегодня, «здесь и теперь», способность авторов увидеть историю частного человека в нерасторжимости связей – и с реальностью конкретного времени, и с типологией неизменных смыслов, сюжетов, мотивов («Чтение»).

По-разному понимают неотменяемость этого единого контекста социальной жизни и личной биографии основатель и директор «Театра.doc», драматург, режиссер Елена Гремина и продюсер Игорь Мишин. За аргументами они обращаются и к опыту своей работы, и к творчеству коллег – таким образом, мы косвенно вновь подводим итоги Года российского кино. О нем и – шире – о состоянии отечественной киноиндустрии, о тупиках ее новой модели откровенно говорит в беседе с Никитой Карцевым Юрий Арабов («Здесь и теперь»).

На обложке: Марк Шагал. «Падение ангела». 1923–1933–1943

СОДЕРЖАНИЕ **ИСКУССТВО КИНО** №12 (декабрь) 2016

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

5 ЮРИЙ АРАБОВ:
«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»
Беседу ведет Никита Карцев

15 ИГОРЬ МИШИН:
«ПРО НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ТРУДНЕЕ СНИМАТЬ»
Беседу ведет Даниил Дондурей

25 ЕЛЕНА ГРЕМИНА:
«ЧАСТНЫХ ИСТОРИЙ НЕ БЫВАЕТ»
Беседу ведет Нина Зархи

ЧТЕНИЕ

35 АРКАДИЙ ЯХНИС
ПОИСКИ МЕССИИ, ИЛИ КАК ИИСУС ПОМОГАЛ ЛОШАДИ НАЙТИ ЛЬВА
Сценарий

75 НАНА ГРИНШТЕЙН
МАШИНА ЛЮБВИ
Сценарий

111 ЕЛИЗАВЕТА СИМБИРСКАЯ
ПО ИДЕЕ ФИЛИППА ЮРЬЕВА
СЕЗОН ОХОТЫ
Сценарий

143 НАТАЛЬЯ МИЛАНТЬЕВА
РЕБЕНОК ДЛЯ ОЛИ
Пьеса

164 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2016 ГОД

SUMMARY

Yury Arabov:
"Authorised person only"
Conversed by Nikita Kartsev.

Igor Mishin:
"It is more difficult to make films about normal life"
Conversed by Daniil Dondurei.

Elena Gremina:
"Private stories do not exist"
Conversed by Nina Zarkhi.

Arkadiy Yakhnis
In search of Messiah, or How Jesus helped a horse to find a lion
A script.
Preface by Rustam Ibragimbekov.

Nana Grinstein
Machine of love
A script.
Preface by an author.

Elizaveta Simbirskaya
(idea of Filipp Yuryev)
Open season
A script.
Preface by Natalya Riazantseva.

Natalya Milantyeva
A child for Olya
A play.
Preface by Kristina Matvienko.

Index IK-2016

© Sergey Chalyy

Юрий Арабов:

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Беседу ведет Никита Карцев

Никита Карцев. Первый вопрос – про этот несчастный Год кино. Кажется ли вам, в принципе, рабочей ситуация, когда объявляется Год культуры, литературы, Год российского кино? Или это очковтирательство, просто какое-то исполнение номера? Что это такое?

Юрий Арабов. Это исполнение номера, по вашей терминологии. Ритуальный поклон в сторону «важнейшего из искусств». Тут не идет речь об «очках», поскольку все было решено в 2008–2009-м и больше «втирать» нечего. У нас в 2008-м перевернули весь кинематограф: создали модель, которую не удосужились обсудить на очередном съезде кинематографистов. «Не хватило времени». Вспомните, что тогда было. Началось со шторма по поводу первого секретаря, избирать ли Михалкова, хорош ли он, достоин ли и т.д. Шторм этот довольно бессодержательный. Дело в том, что любой человек, который бы возглавил Союз, должен – уже тогда это было понятно – входить во власть и выходить из нее. Михалков для этого кандидат идеальный. Нужно было «обязать его» большинством голосов съезда затыкать дыры в новой реформе. То есть выполнять волю рядовых кинематографистов РФ. Но здесь разразился второй шторм, который стер все надежды на разумный итог, – изгнание «североатлантиста» Виктора Матизена из рядов Союза за то, что критик «брал деньги Госдепа». Цитата не точная, но смысл ряда выступлений был именно такой. Мне тогда крайне не повезло: я подхватил атипичную пневмонию, так называемый «птичий грипп», и четыре месяца умирал, с удивлением наблюдая издалека, как почтенные люди сами роют себе яму. Дымовая завеса, то есть вопросы, не относящиеся к сути дела, не позволили моим

←
Юлия Ауг, Валентин Самохин. Читка на «Любимовке»-2016. «Неодушевленная Галина номер два» Олега Колосова, режиссер Евгения Беркович

коллегам увидеть, что предпринята попытка своеобразной приватизации кино. И сегодня мы можем сказать, что проведена она с блеском. После съезда обсуждали что угодно – например, то, что нет хороших сценариев и нужно приглашать американцев (причем здесь тогда «североатлантизм» Матизена?..), что ВГИК «не тот», что молодежь в кино «не та» и т.д. А главную проблему замалчивали. А ведь именно тогда, в 2008-2009 годах, под прикрытием разговора о зрителе был произведен переворот. Он выразился в том, что были назначены посредники между киногруппой и государственными деньгами. Их назвали продюсерами.

Никита Карцев. Мейджорами.

Юрий Арабов. Хоть горшком назови… сущность от этого не изменится. Думаю, продюсер в строгом смысле – это тот, кто может привлечь частные средства. Таких у нас один или два из десяти. Все остальные являются директорами картин, посредниками, под которых дают деньги. Они с этими деньгами делают картину и, как сказал мой друг Сергей Сельянов на совещании в министерстве, «хорошо оплачивают собственный труд». Со мной один крупный продюсер даже хотел судиться, когда я назвал его коллег директорами картин. Скажите, а что тут оскорбительного? Я знал этих директоров советских времен. Они получали 120 рублей – зарплату, плюс постановочные и выполняли примерно ту же роль: посредников, организаторов процесса. Они делали все, чтобы государственные деньги воплотились вот в эти 24 кадра в секунду… Проблема в 2008 году была в том, что среди «новых директоров» – продюсеров, на мой взгляд, был лишь один человек, работа которого была удачной. А именно Сергей Сельянов. Он действовал мудро, удачно как организатор – в 90-е годы и нулевые он производил балабановское кино, ценимое критиками. Оба «Брата» попали, видимо, в какую-то болевую точку, обнажив самое плохое в нашем постсоветском человеке. Снятые одаренным парнем, эти картины и сегодня по-своему интересны. Были у Сельянова и другие успешные работы – фильмы Рогожкина, например. То есть у Сергея в послужном списке было картин десять удачных с художественной точки зрения. Но и потенциально с коммерческой, просто кинозалов тогда почти не было… Так вот, чтобы продюсерское кино действительно получилось, нужно было вырастить класс продюсеров (людей, искушенных в экономике и гуманитарной области, то есть класс Сельяновых) и изменить экономическую модель в государстве, когда частные средства, отпущенные на кино, не облагались бы налогом. Этого сделано не было, и произошло то, что должно было произойти, – угроза массовой безработицы и житие во стрессе… Упразднили «агентство Швыдкого – Голутвы», которое давало работать практически всем, и появился посредник со специфической ролью. Мало того, что он думал за зрителя, культурный потенциал которого оценивал крайне низко. У него, у посредника, появилась и другая роль, о которой не говорилось…

Никита Карцев. И вы не скажете?

Юрий Арабов. Почему же? Я долго не мог понять причины слома 2008–2009-го. И наконец понял: «высокооплачиваемый» посредник должен превратиться в цензора. Он и превратился, вольно или невольно. У нас построена система, когда деньги сами себя цензурируют. И продюсер цензурирует то, что ты делаешь, – блистательная модель для контроля над кинопроизводством! Модель «Медведев – Швыдкой – Голутва» породила «новую волну» талантливых молодых российских режиссеров: Буслов, Звягинцев, Серебренников, Прошкин-младший, Германика, Лебедев, Сигарев, Хлебников… Их не менее двадцати. В кинодраматургию пришли Соболев, Родимин, Родионов, Потапова… Неплохой результат работы «неправильного агентства»!.. Международные фестивали, премии стали «нашими» – вспомните, например, «Оскар» Саши Петрова… Повторяю, этот высокий результат был достигнут только за счет относительной распахнутости киномира. Новая же модель привела к тому, что стали работать избранные. Те, на кого пало око посредника, который заботится об удовлетворении «низких потребностей простого зрителя» и о том, как бы «не снять не то». Вспомним: «агентство Швыдкого» ругали, в частности, за то, что львиная доля выпускаемых картин известна лишь по названиям. Но сейчас ситуация-то все та же, и это при том, что построена масса новых кинозалов. Большинство картин, как и раньше, никто не видел. Спросите критиков. Дай бог, чтобы примерно из восьмидесяти картин, производимых в год, они бы вспомнили тридцать (по названиям, естественно. О том, чтобы посмотреть все, никто и не мечтает). Режиссерской доблестью стали считаться странные вещи, например тот факт, что фильм снят за семь дней, как «Коллектор». По-моему, нужно скрывать такие факты, потому что они говорят о крайней убогости.

Никита Карцев. Системы или фильма?

Юрий Арабов. Системы, конечно. Я фильма не касаюсь, я знаю, многим он нравится.

Никита Карцев. Его, кстати, снимали без государственной поддержки, на свои деньги.

Юрий Арабов. Молодцы, что сняли без государственной поддержки. Я не оцениваю то, что получилось, но вообще такие факты лучше скрывать. Потому что они говорят о том, что люди не могут сегодня, в силу объективных причин, снимать конкурентоспособное кино. Моноспектакль со звездой в главной роли мы произвести можем, так как здесь нужны небольшие средства. А все остальное уже из области фантастики… К кормушке не допускаются те, кто может снимать проблемное кино. Посторонним вход воспрещен. По-прежнему, как и во времена Швыдкого, мечта нашего продюсера – чтобы картина ушла в ноль, никто не мечтает о прибыли. И картина, на которую тратится миллиард, и картина вроде «Коллектора»… Вот бы уйти в ноль! Как нам уйти в ноль?.. А очень просто – работаем методом пирамиды. Берем у государства следующий проект и на отпущенные средства закрываем дыры прежнего. Однако пирамида Мавроди в итоге

«Рай», режиссер Андрей Кончаловский

рухнула. Рухнула и пирамида ипотеки в ряде стран. Хочу пожелать, чтобы русская пирамида не рухнула никогда… я же хочу еще поработать!.. Только такого не бывает: коготок увяз – всей птичке пропасть!.. Государству эта ситуация выгодна. Управление кино стало более или менее легким и предсказуемым. За результат отвечает один конкретный человек – посредник, названный продюсером. Его можно приблизить, а можно и описать его имущество за долги… Он на крючке. Все остальные становятся «пролетариями умственного труда», батраками у продюсера, который и сам не знает, что с ним будет через несколько часов – то ли «Ника», то ли пика в бок... Модель эта не обсуждалась и, более того, скрывалась от кинематографистов. Тогда говорили: «Мы заработаем деньги на зрительском кино и пустим полученные средства на авторское». Народ в массе безмолвствовал, делая вид, что верит.

Я говорил о проблеме в 2009 году во всех интервью, всем начальникам, до которых мог дотянуться. Министру культуры тогдашнему, вице-премьерам: «Вы на этих рельсах уничтожите авторское кино, а зрительское кино не создадите. Точнее, на создание последнего уйдут долгие десятилетия». Одни молчали стыдливо, другие смеялись в лицо. «Вы не понимаете, что за этим стоит», – сказал мне один умный высокопоставленный человек. Сегодня я знаю примерно пять продюсеров, которые помогут фильму сделаться и добрести до утреннего сеанса в московском и петербургском кинозале. В каком-нибудь городе Кольчугино Владимирской области его вообще никогда не покажут. Потому что прокатчики крайне индифферентны к российской картине как таковой, и у них для этого есть основания: почти любая голливудская поделка бьет наотмашь российский фильм. Чтобы показать российскую картину на российском же экране, требуется вложить

«Ледокол», режиссер Николай Хомерики

миллионы в рекламу и «дать» лично прокатчикам, чтобы половину выручки они бы оставили в итоге себе… Эффективная модель, не правда ли? Как можно было запускать реформу, не отрегулировав прокатный вопрос? Может ли такая модель киноиндустрии в будущем обрести какие-либо более разумные очертания? Может. Но не знаю, сколько на это потребуется времени и сил. Сколько времени нужно, чтобы класс продюсеров-посредников созрел, чтобы иметь адекватное представление о гуманитарной основе фильма, литературной например? Здесь ведь речь идет о новой прослойке людей, целом классе культурных управленцев. Они, безусловно, появятся в итоге, но за время их становления многие люди привыкнут обходить кинозалы стороной. Так как там будет сидеть аудитория, искусственно заточенная под то, что у нас производится, например под «комедии для дальнобойщиков». Вы скажете, что так обстоит дело во всем мире. А я скажу: похоже, но не так. Одно дело, когда в год делается тысяча картин, и другое – когда производится в десять раз меньше. Почувствуйте разницу. В десять раз меньше – это значит в десять раз меньше шансов сделать что-либо пристойное.

Никита Карцев. Но «Левиафан» же получает «Золотой глобус». Найшуллер снимает в Америке фильм на английском языке. Кончаловский берет призы в Венеции…

Юрий Арабов. И слава богу. Если картину сделает Звягинцев, Сокуров или Кончаловский, к этому фильму будет интерес за рубежом. Но их локальный успех не определит ситуацию внутреннюю – она абсолютно ненормальная. Мне, правда, говорят, что та же самая киномодель использована в ряде развивающихся стран. Когда делается «бедное зрительское кино» для бедных со спецэффектами а-ля Америка… Но я почему-то никогда не считал Россию развивающейся страной… Во

всяком случае, в культурном плане она была в XIX веке, да и в XX, передовой... Выходит, я ошибался.

По поводу наших зрительских картин… Я считаю, что «Экипаж» Коли Лебедева не хуже фильма Митты. А может быть, даже и лучше. Российские реалии в «Экипаже» вполне увлекательны и «смотрибельны», монтаж динамичен, актерские работы на высоте. У Машкова появилась голливудская харизма, и костюм на нем сидит идеально. Правда, любовная линия невыразительна и бледна, ну и ладно, не в ней соль. Но как только начинается землетрясение в неизвестной загадочной стране (по которой ездят венгерские «Икарусы» из того же города Кольчугино), фильм начинает плыть. Достоверность на экране теряется, спецэффекты выглядят много беднее американских… И посмотрев все это, я делаю открытие для себя: Коля, по-видимому, идеальный режиссер острой социальной драмы. И не оттого, что ему неинтересны фильмы-катастрофы, а оттого, в частности, что в «катастрофы» нужны иные материальные вложения… То же самое было и с оригиналом Митты: про советскую бытовую жизнь режиссер знает все, а про «катастрофы» – только американские лекала. Но, к сожалению, ради пожара и землетрясения все и снималось… А выглядят они бедновато. И есть еще одна тонкость. У американцев внешняя катастрофа происходит как следствие социальных конфликтов и психологических противоречий внутри героев. Это, можно сказать, почти античный и шекспировский подход. В наших же образцах катастрофа приходит извне – просто так получилось: погода была плохая, Обама попался нехороший, «пятая колонна» постаралась и т.д., – и фильм в итоге теряет какой-либо гуманитарный сюжет.

Никита Карцев. При этом, как и в случае с Миттой, «Экипаж» Лебедева – единственный успешный с точки зрения проката фильм в 2016 году.

Юрий Арабов. Потому что он на голову выше отечественных аналогов. Коля Лебедев, кстати, мой «крестник». Он учился заочно на киноведческом, а мы с Андреем Смирновым легализовали его режиссерские амбиции. Мы тогда возглавляли «Дебют» на «Мосфильме» и дали Коле снять первую картину – триллер по сценарию Наташи Чепик. Короткометражку, после которой он уже сделал «Змеиный источник». Вот вам – в тему, еще раз о модели в кино. Когда дают пробовать силы тем, кто хочет, тогда и появляется Лебедев. Если бы он начинал сегодня, то, боюсь, все было бы трудней и печальней.

Никита Карцев. В этом году был еще «Ученик» Серебренникова.

Юрий Арабов. «Ученик», насколько мне известно, снят на частные деньги. Да, в картине затронуты реальные проблемы нашего времени. У меня есть к ней претензии, но, поскольку Кирилл мой товарищ, я не хочу их озвучивать. При чем здесь, однако, Год кино? До Года кино был Год литературы, он отшумел, и о нем уже никто не помнит. Сейчас начинается Год экологии, и он будет столь же успешным, как два предыдущих года. На последнем Каннском фестивале был выстроен огромный русский павильон, презентующий наши кинематографические успехи.

Но в основном конкурсе не было ни одной русской картины. Вот это более наглядная ситуация, характеризующая предмет, о котором мы говорим. Год кино – это презентация. *Одна* картина Лебедева, успешная в коммерческом плане, – это та реальность, которая не может быть признана успешной.

Никита Карцев. Что делать-то будем с кино? И до этого все работало не слава богу, и сейчас не лучше.

Юрий Арабов. Теперь многие говорят – и это на самом деле так – о расцвете документального кино. Последний фестиваль под руководством Виталия Манского продемонстрировал природу этого явления: мало денег и нет цензуры, государство не вмешивается. Поэтому практически каждый режиссер снимает то, что хочет. И что может. Ряд картин действительно если и не художественные – в высоком смысле слова, – то хотя бы публицистические, и на том спасибо.

Что нужно делать сегодня в игровом кинематографе? Первое. Нужно отказаться от модели продюсерского кино. Если звучит слишком революционно, то есть другая формулировка: нужно серьезно ее скорректировать. Нужно все отдать в руки режиссера и отчасти сценариста. То есть возвратиться к модели «агентства Медведев – Швыдкой – Голутва». Эта модель нивелирует преференции, которые, как выяснилось, мало что дают в коммерческом и художественном смысле. Второе. Частный бизнес нужно освободить от налогов при условии, если предприниматели вкладывают деньги в искусство, и в кино в частности. Мне говорят: «так они будут отмывать деньги». И хорошо. Пусть отмывают в России, а не в оффшорах. Третье. Государство сохраняет контрольный пакет акций на заказные картины. Вот сейчас конкурс сценариев о несчастной Зое Космодемьянской, Царствие ей небесное!.. Пусть он будет, и пусть будет о Зое еще один фильм, если мало фильма Арнштама. Я жил, живу и, наверное, умру в ситуации, когда делаются фильмы госзаказа. Была, например, такая советская картина «Вкус хлеба», четыре серии. Актер Рыжаков играл, как говорили, молодого Брежнева. Сняли, показали. По-моему, чуть ли не Госпремию картина получила. И всё, забыли. Никто сегодня ее и не вспомнит. Но если государство хочет так, то пусть делает, никто этого запретить не в силах. Но дайте людям сделать еще что-то, то, что они считают нужным. Наши мелкобюджетные – в сравнении с Америкой – блокбастеры проигрывают во всех смыслах даже англо-американской ТВ-продукции. Мы же не анализируем опыт таких сериалов, как «Шерлок», «Винил», «Молодой Папа» или «Во все тяжкие», где явился абсолютно новый герой. Герой, в котором перепутаны отрицательные и положительные черты, когда протагонист становится одновременно и антагонистом. Эксперименты, которые до этого делались в литературе, сейчас делаются на канале HBO. И это здорово. Сейчас на Западе телевидение стало лабораторией большого кино. В ней находят новое. И одновременно эту же продукцию смотрят миллионы людей по Интернету. Четвертое. Отечественный прокат нужно любыми средствами переориентировать

на российскую продукцию. По-видимому, государство должно платить прокатчикам за прокат российских картин.

Никита Карцев. Я вот «Монах и бес» в iTunes посмотрел, все официально, взял в аренду.

Юрий Арабов. Можно и так. Но это не решает проблемы кинозала. В эти годы был хороший пример, который не стал системой. Это очень долгое прокатывание картины, которую непросто смотреть, – «Трудно быть богом» Германа. За счет пиара и долгого проката она собрала полтора миллиона долларов. Пусть это маловато по сравнению с тем, сколько на нее было потрачено, но ведь картина крайне сложна для восприятия. Значит, можно что-то делать даже с «трудным» кино. Но желания нет. В руках у людей деньги, оборотные средства, которые позволяют «высоко оплачивать собственный труд». Обратной связи со зрителем не больше, чем во времена Швыдкого. А призов на международных фестивалях меньше. А приток молодых еще меньше, при том что у нас работают чуть ли не тридцать киношкол… Система костенеет. И бюрократической грозностью по отношению к нам, наемным батракам, проблему не решить. Так же, как ее никогда не решат коллективы безграмотных сценаристов, пишущих «блокбастер» по американским учебникам, причем плохо переведенным. Сами американцы в основном смеются над этой писаниной. «В «третьем мире» все съедят». А мы… Мы что, «третий мир»?.. Сложившаяся у нас практика не дает никаких шансов прежде всего молодым на творческое раскрытие. Понимает ли это кто-то? Естественно, понимает. Я знаю, что Сокуров на встрече с Путиным говорил не только о политических репрессиях, но и о нашей ущербной модели кино. Хочется ли мне работать в такой модели? Да не особо. Я свои фильмов тридцать сделал, из них – четыре-пять, которые мне нравятся. Можно продолжать? Можно. А можно и не продолжать. Другое дело, что кино, конечно же, повторяет то, что происходит в общественной жизни. В общественно-социальной жизни – тромбы. Тромбофлебит у государства, кровь не идет. Точнее, движется с трудом по каким-то не совсем «легальным» капиллярам. Их приходится прокладывать, так как основные артерии забиты. И в кинематографе этот тромбофлебит весьма ощутим. Во всяком случае, покуда не будет частных средств – а они появятся только тогда, когда введут льготное налогообложение, – ситуация останется безнадежной.

Никита Карцев. Власти и не скрывают правила своей игры. Все появилось одновременно – реформа и слова Мединского: пусть растут сто цветов, а мы будем поливать те, которые нам нравятся.

Юрий Арабов. Это – право министра. Я знал за свою жизнь, наверное, десяток руководителей кино, и нынешний министр не худший. Он просто артикулирует то, что хочет от него услышать вышестоящее начальство. Может сказать «будем поливать сто цветов», а может не сказать. Мединский, кстати, помогает многим проектам, и моим в частности. Его любят критиковать, но, как возникает проблема, бегут именно к Мединскому. Например, докудрама «Мой друг Борис» – о Борисе

Немцове. Картина взяла международные призы. В ней открыто критикуется президент и его политика. Тем не менее она получила разрешение на прокат. Ее не берет ни один кинотеатр, поскольку все боятся. Но разрешительное удостоверение у нее есть. Так что, к сожалению, не в минкульте здесь штука. Корни проблемы глубже, они – в наших коллегах, которые рады за вознаграждение делать практически все что угодно. Во всех сферах – и в кино тоже. Раньше все были коммунистами. Потом все стали либералами. Теперь все ходят в патриотах-государственниках, в империалистах. А какие мы на самом деле? Да никакие. Просто грешные люди с многочисленными болезнями. Видите, чем кончается разговор? Ведь «других писателей у нас нет», как заметил однажды товарищ Сталин. Правильно, нет. Но «умной» системой можно и хромого научить опираться на костыль.

Никита Карцев. Я хорошо помню события 2008–2009 годов. Помню раскол в среде продюсеров, конфликты между теми, кого включили в этот так называемый список мейджоров, и теми, кого не включили. А потом этот конфликт рассосался, сошел на нет. Все потихоньку примирились, утешились. Все развивают теперь зрительское кино.

Юрий Арабов. Это называется «разделяй и властвуй» или «покупкой». Суть модели-то от этого не меняется. Повторяю, продюсеров хороших мало. И кино осталось примерно такое же, как раньше. За исключением того, что появились крупнобюджетные картины. Но сократилось наше участие в международных фестивалях. А наши «крупные бюджеты» – ничто по сравнению с голливудскими. Все говорят о миллиарде «Викинга». А этот миллиард – всего лишь 20 миллионов долларов. То есть *малый* бюджет для коммерческой американской картины. Вот и вся правда. Хорошо, что остается театр, до которого еще не добралась какая-нибудь реформа во имя «интереса простого зрителя».

Никита Карцев. По-моему, уже добирается.

Юрий Арабов. Значит, остается только документальное кино, поскольку там вообще за копейки можно снимать: берешь мобильный телефон – и вперед!..

Никита Карцев. Документальное кино в целом пока не тронули, но до «Артдокфеста» добрались же. Так что хорошо сейчас никому не живется.

Юрий Арабов. А хорошо никогда и не жилось. Но были какие-то надежды. И потом, когда говорят о советской власти, непонятно, что имеют в виду. Например, та же политика в кино. Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев – абсолютно разные эпохи внутри одного и того же государства. Послевоенное кино закуклилось в малокартинье, когда снимали несколько кинематографических семейств. Хрущев открыл двери военному поколению, которое завоевало мировые фестивали. При Брежневе все стало безразлично, но Тарковскому дали деньги на «Зеркало». При Горбачеве снова началась «движуха»: например, «Покаяние» Абуладзе стояло на всех полках видеомагазинов Запада. Сейчас – тромбы, которые перекрывают ход прежде всего молодым.

Никита Карцев. А молодые научатся на айфон снимать.

Юрий Арабов. Я несколько лет назад на айфон и рассчитывал. Но понял, что айфон работает лишь в документальном кино. А наша игровая «штучка», к сожалению, требует материальных вложений и эксперимента. Айфоном здесь не обойдешься. Особенно сегодня, когда американское кино подошло вплотную к созданию виртуальной реальности. Традиционное кино, которое мы сейчас обсуждаем, останется в мире, так же как остался театр. Я формировался в 1960-е годы, и тогда бытовало мнение, что театр должен умереть, поскольку кинематографу доступно все. Но театр не умер. И кино – вот то, «квадрат экрана», черно-белое, цветное – оно выживет. Но вместе с этим будет жить нечто абсолютно новое. Авторы займутся созданием иного мира – осязаемого, волнующего, будоражащего воображение. То, что сейчас грохочет в примитивном образе на компьютерах, все эти игры останутся в памяти как каменный век, предтеча настоящего параллельного мира. Будет ли это хорошо для человека? Да нет, конечно же. Для человека, в общем, все нехорошо, кроме Нагорной проповеди. Но тут мы ничего изменить не можем.

Никита Карцев. Вот параллельная реальность и отметет все эти условности в виде Госкино, Министерства культуры, государственной поддержки и продюсеров-мейджоров.

Юрий Арабов. Я думаю, что не отметет. А кто, кроме Мединского и Тельнова, даст деньги на параллельную реальность? Да никто. Но это будет «наша параллельная реальность» – со всеми вытекающими.

Никита Карцев. Тогда нас спасет Илон Маск и «Тесла».

Юрий Арабов. Маск, «Тесла»… Не смешите. Американское кино не зависит от правительства. Более того, американское правительство зависит от американского кино. Нам же, при нашей системе, рассчитывать не на что. Естественно, будут находиться люди, которым «светит звезда», как светит, например, Андрею Звягинцеву. Они будут что-то делать, это «что-то» мы будет обсуждать, так же как обсуждаем «Левиафан». Такие люди будут появляться, но они не сделают погоды.

Никита Карцев. Значит, подождем, пока тромб отвалится.

Юрий Арабов. Тромба рано или поздно не будет, но вместе с ним может «отвалиться» и весь организм. Я боюсь этого больше всего. ◆

Игорь Мишин:

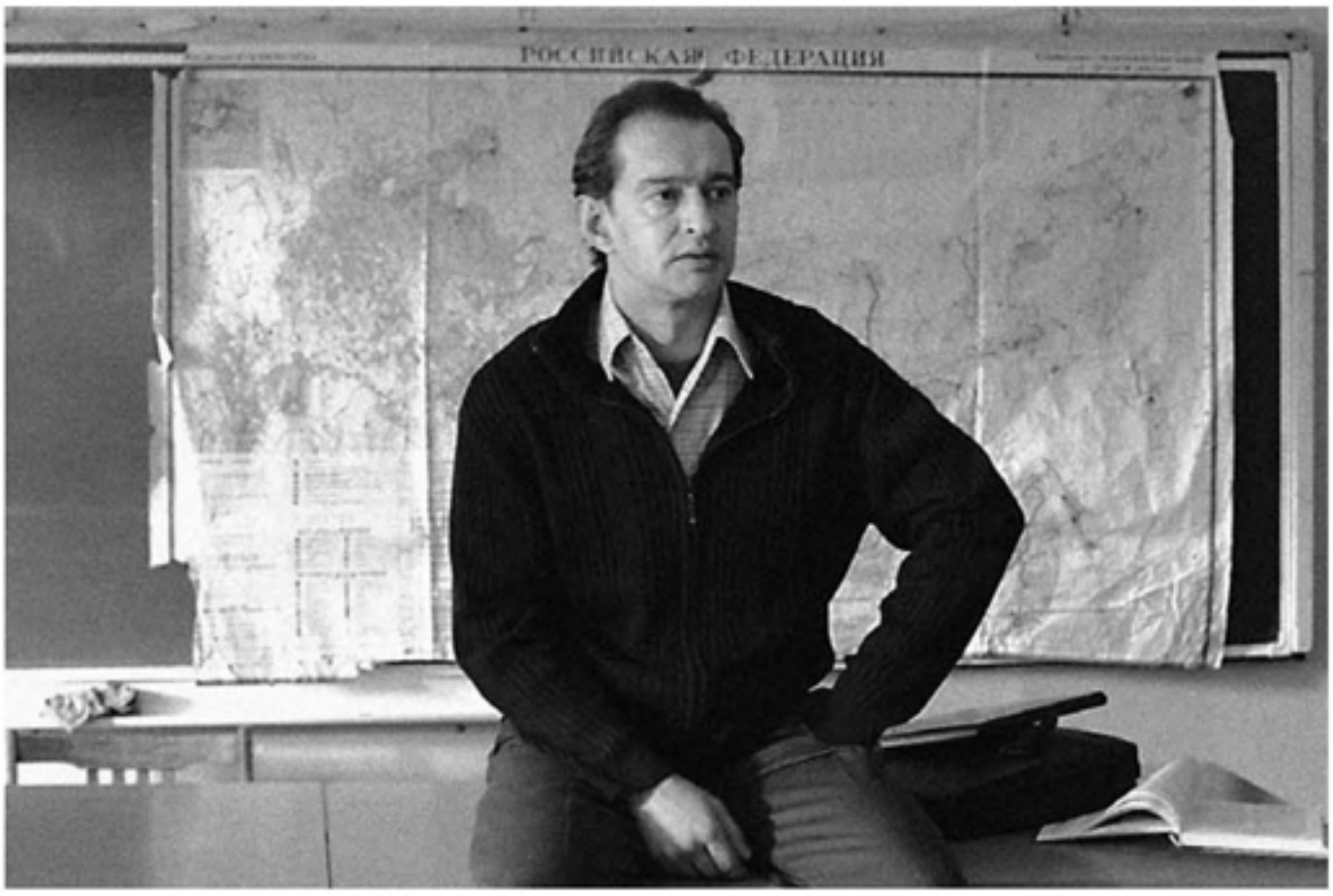
«ПРО НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ТРУДНЕЕ СНИМАТЬ»

Беседу ведет Даниил Дондурей

Даниил Дондурей. Хочу спросить о том, что это за координаты в последние годы появились, в киноконтенте и в телеконтенте: одним из новых трендов стала «счастливая жизнь в России». Какая-то чудная, милая, смешная версия того, что существует под прикрытием слова «кризис». А что происходит на самом деле? Снимается несметное количество сериалов, но при этом после 2012 года возник другой тип сознания. У вас две профессии: вы кино- и телепродюсер. Как вам кажется, что в последние три года произошло? Это касается и вашего самоощущения, и вашей работы в кино, поскольку она перешла в «ящик» и там активно живет. Но и, конечно, вашего общего понимания происходящего.

Игорь Мишин. Искать какой-то вселенский или всероссийский заговор – мол, кто-то придумал поставить теперь всем продюсерам, режиссерам и авторам такую задачу – не стоит. Ее можно поставить в информационном поле, в новостях. В создании кино есть такая штука, которая называется «желание поговорить на тему». Обычно у ярких и талантливых людей это желание, скорее всего, страстное. Все-таки контрольные смысловые узелки некоей общественной конструкции определяют люди, которые работают со страстью. Представить, что с тремястами авторами, сегодня активно вовлеченными в киноиндустрию, кто-то поговорил, поставил какую-то задачу, – невозможно.

Мне кажется, ничего ужасного не происходит. Идет естественный процесс, маятник ведь качается из стороны в сторону. Если даже смотреть на программы «Кинотавра», понятно, что последние лет шесть-семь мы подробно говорили о том, как плохо живем. «Волчок» когда-то получил главный приз. Депрессивная, безысходная картина, приговор обществу в целом и отдельно



«Географ глобус пропил», режиссер Александр Велединский

каждому проживающему в нем индивиду. Потом, спустя несколько лет, Гран-при получает «Географ глобус пропил». При всех вопросах к главному герою, с точки зрения того, является ли он героем нашего времени, – это все же позитивная картина. Она оставляет светлое чувство. Видимо, слишком долго разговаривали на тему «как в России трудно жить». Этого продукта стало много, и зритель, мне кажется, не хочет уже ни смотреть его, ни идти в кассу и платить за билет, ни голосовать за это кнопкой пульта телевизора. Поговорили на эту тему – и все.

Некую точку в разговорах о том, как в России плохо жить, поставил «Левиафан», и на этом, в принципе, все как-то подсознательно закончилось. Рядом вышли «Дурак» и «Левиафан», где про одни и те же смыслы художники рассказали разным языком. Призывать: «а давайте еще глубже расковыряем то, как мы отвратительно живем» – не нужно. Более талантливо это все равно никто не сделает. В этом движении маятника, естественно, есть просто желание поговорить на другую тему, которую пока обсуждаем мало. И может, в этом появляется новая профессиональная конъюнктура. Во-первых, вероятно, в это трудно поверить, но действительно довольно много людей психологически живет счастливо. Люди начинают понимать, что у обострения каких-то агрессивных внешних факторов, которые можно назвать общим словом «кризис», – в экономике, в смыслах, в общественных ценностях, во времяпрепровождении каком-то – у всего этого есть и обратная сторона медали.

Они начинают более внимательно и тщательно относиться к кругу самых близких: муж – жена, родители – дети. Этот первый круг родных по крови людей приобретает совсем другое значение. Если мы посмотрим на сериалы или фильмы, в которых раскрывается, что в России жить не так уж и плохо, то станет ясно: это обычно не анализ

общественного среза, не рассказ о развитом гражданском обществе – на эту тему никто не врет. Все фильмы или сериалы о том, что в России жить можно – про отношения в ближнем круге. Для автора сценария и режиссера психология этих отношений, вопреки любой внешней агрессии – социальной, экономической или политической, – важнейший предмет для исследования. Авторам именно это интересно.

Как люди не теряют человеческое лицо, сохраняют способность любить и быть любимыми – вот темы, которые интересуют художников, работающих в любом жанре, в любом веке, в любом роде искусства. Живопись, музыка, кино, театр. Это сохраняется, и мы просто наблюдаем движение маятника, который качнулся в сторону «давайте разберемся, что такое счастливая жизнь» в нынешних обстоятельствах. Этот предмет не менее интересный, более сложный, чем исследование черной социальной действительности, из которой нет выхода. Даже самые выдающиеся произведения на эту тему, мною упомянутые, «Дурак» и «Левиафан», в принципе, рассказывают об одном и том же, просто разными средствами. «Дурак», кстати, на мой взгляд, уже был мостиком в сторону нового тренда, потому что оставляет надежду.

Даниил Дондурей. Но, Игорь, согласитесь, многие люди живут тяжело, бедно. У них океан проблем.

Игорь Мишин. Хотите сказать, что среди небогатых людей нет счастливых?

Даниил Дондурей. Конечно, есть. Я просто спрашиваю о том, как действует социальная психологическая жизнь. Ее депрессивные условия, отсутствие денег на лечение, безработица – не влияют?

Игорь Мишин. Это просто проживание жизни, в этом ее смысл – в текущем проживании. Со всеми горестями, радостями – хоть ближнего круга, хоть внешнего социума. Сегодня возможностей для реализации себя в отношениях, в профессии, в выборе места жительства в сотни раз больше, чем раньше. Я очень много езжу по стране и прекрасно понимаю, о чем говорю. Приезжайте на Алтай, поговорите с теми, кто там живет, на берегу озера. Кто-то метеорологом на станции работает, кто-то охотой промышляет. Поговорите с ними и скажите им, что они несчастны. Да они не видели ни одного фильма из тех, что мы с вами обсуждаем. И при этом они абсолютно гармоничны и адекватны в рамках своего места, малой родины, своих отношений в ближнем круге. Про это не снимать – значит быть нечестным по отношению к зрителю. Счастливая жизнь реально существует независимо ни от каких бытовых обстоятельств. На мой взгляд, это еще более важный предмет для анализа, потому что на эту тему в разы сложнее снять интересный фильм, который удержит зрителя, чтобы он не вышел из зала или не переключил канал. Про нормальную спокойную жизнь труднее снимать талантливо.

Безусловно, в работах «про счастье» есть лубок – глянцевый, вылизанный. Особенно в сериальной продукции. Он рассчитан главным образом на женщин возраста «40 плюс», которые включают телевизор ровно с той же целью, с какой американские зрители ходили в кино во

время «великой депрессии». Эти женщины хотят посмотреть, как бы они могли жить. «Пусть не я, но вот хотя бы героиня…» Люди очень нуждаются в сказке. Аудитории двадцати-тридцати лет, находящейся в разного рода поисках, нужен откровенный разговор. И в этом смысле тот же эфир канала ТНТ этим запросам отвечает. Они видят себя, близких им героев, свои отношения, какие-то модели выхода из знакомых ситуаций. Потому что это все действительно так происходит с моими соседями, в моей семье… и именно про это им показывают. Есть вариант показывать это очень жестко и безысходно, но это возможно только в кино. Потому что если телек начнет жестко показывать правду жизни, то исчезнет аудитория, она будет уходить на другие каналы. Когда ты искренне рассказываешь про здесь и сейчас, но не смакуешь негативные стороны действительности – это трудно.

Даниил Дондурей. Можно в связи с этим сказать, что работает процесс компенсации, процесс невидимой мифологизации – все то, что по сути заменит реальность?

Игорь Мишин. Кому-то подменит, а для кого-то это, наоборот, возвращение в реальность. Народ стал смотреть на жизнь более трезво: никто ничего не обещал, гарантий никаких не давал, но как-то надо реализовываться. Быть счастливым самостоятельно, не сильно полагаясь на общественные смыслы и государственную помощь. Происходит некое отрезвление.

Люди готовы смотреть те же сериалы, в которых есть истории «социального лифта», рассказы о преодолении себя, когда люди попадают в тяжелые внешние обстоятельства, у них психологические драмы. Это становится интересно, потому что это разговор на тему того, как быть счастливым в ситуациях, когда иллюзий больше не осталось. Мы же все пережили период расставания с иллюзиями. Вторая половина нулевых и начало 10-х – время расставания с ожиданиями 1990-х годов, когда всем казалось, что пришествие капитализма, рынка, свободы и вот еще чуть-чуть – и кто-то будет счастлив. Как бизнесмен или не как бизнесмен. Государство тоже многое сделает. А потом наступило отрезвление, поняли, что каждый должен сам беспокоиться за построение своего существования.

Даниил Дондурей. Но это было одновременно и обучение технологии жизни.

Игорь Мишин. Да. Как реализоваться, когда государство тебе не помогает, а общество повернулось к тебе спиной. Как быть? На эту тему почему бы не разговаривать? Это действительно и есть жизнь. К тому же у этого точно есть конъюнктура зрительского спроса. Любой успешный сериал, про что бы он ни был, – социальное кино, потому что выполняет функцию некоей социализации, работает как рецепт. Вспомните, пару лет назад на «Кинотавре» был фильм про двух девочек, которые приехали к отцу и поменялись ролями. Дебют Саши Бортич как актрисы, продюсером был Толстунов.

Даниил Дондурей. «Как меня зовут» Нигины Сайфуллаевой.

«Как меня зовут», режиссер Нигина Сайфуллаева

Игорь Мишин. Да! Там угаданы поведенческие коды вот этих двадцатилетних девчонок, которые вообще не будут думать про социальный аспект.

Даниил Дондурей. Я хочу с другой стороны зайти. Не кажется ли вам, что это каким-то образом связано с общенациональным убеждением в том, что в России вообще ничего изменить нельзя?

Игорь Мишин. Это неправда. Нет такого убеждения.

Даниил Дондурей. Ты должен сам встроиться, приспособиться, найти свою дорожку, линию поведения.

Игорь Мишин. «В России ничего нельзя, нет никаких шансов и возможностей» – апологеты этой идеи рано или поздно уезжают из России, реализуются где-то на других территориях. Тем более что сколько ребят интересных уехали поучиться, остались, поработали лет пять-семь в Америке, получили квалификацию, набрались опыта и вернулись в Россию, реализуются здесь. Сейчас эмиграция для двадцати-тридцатилетних, особенно для не обремененных семьями, воспринимается абсолютно иначе. Для них границы размыты, их не существует. Для русского человека это важные достижения – свобода перемещения и подоходный налог 13 процентов. Делай что хочешь, платишь государству маленький подоходный налог – и у тебя «белые» деньги. Мне нравится, что на эти темы снимается чуть больше фильмов, чем раньше. Нельзя сказать, что такое кино теперь преобладает, но есть тенденция.

Даниил Дондурей. Зайду с третьей стороны. Художников, особенно российских, воспитывают по традиции как людей, которые исследуют язвы. И чем сильнее социальное напряжение, тем легче им что-то делать, придумывать. Иначе они в каком-то смысле теряют некий драйв,

«Страна ОЗ», режиссер Василий Сигарев

а заодно и мастерство. Русские «позитивные» произведения не приглашаются на международные фестивали.

Игорь Мишин. Я понимаю, о чем вы говорите.

Даниил Дондурей. Они не встраиваются в эти контексты. Что бы там ни говорили про Кирилла Серебренникова, он не получил в Канне значимой премии.

Игорь Мишин. Но участник основного конкурса – это статус. И «Особого взгляда» – тоже. В России больше всего артовых фильмов-высказываний, где исследуют то, как человек борется с внешними обстоятельствами. Но интересно рассматривать еще и психологию отношений, а не только преодоление этих обстоятельств. Потому что если ты разберешься с решением собственных психологических проблем, то и внешние препятствия будешь легче преодолевать.

Даниил Дондурей. Происходит какое-то творческое не то чтобы обесточивание, но нет больших достижений в том, о чем вы говорите.

Игорь Мишин. Ответ содержится в вопросе. Есть школа, она все равно незримо присутствует на каком-то генетическом уровне – сложного социального ви́дения кино. Это никуда не уходит. Какой-то приз дали в конкурсе короткого метра фильму, где отец убивает сына, а затем совершает самоубийство.

Даниил Дондурей. «Забелин» Ники Барабаш и Андреаса Костандакеса – фильм важный. Приз ему не дали, но мы все отметили очень странный жанр, русский хоррор. Там герой говорит своему напарнику, что очень любил мать этого мальчика. Мы не знаем, убил ли он ее или что-то еще произошло. Фильму, по-моему, критики дали диплом, все это обсуждали.

Игорь Мишин. Вот пока отмечают такие фильмы, даже пока их отбирают в конкурсную программу, будет продолжаться жизнь этой школы, этих традиций. Молодежь видит: все умерли, все уроды, выход из этой

жизни – только могила. Тогда пусть все цветы расцветают и не надо переживать, что русские авторы любят снимать про все «черное», тяжелое, про социальную безысходность и прочее. Раз мы это приветствуем. И метки даем студентам. И критики работают в этом направлении, отмечают. Приз получите, на фестиваль поедете.

Даниил Дондурей. Но ведь очень важно, что мир не фиксирует российский поворот к тому, чтобы изучать технологии счастливой жизни.

Игорь Мишин. Не счастливой жизни, а преодоления себя. Возьмите «Класс коррекции». Картину можно было бы поставить на одну полку с «Волчком», но финал – может, чуть сказочный, пусть, ведь это художественное произведение – выводит ее в другой ряд. Автор дает знак зрителю: это фильм светлый, он не про безысходность. Вот, пожалуйста, пример. И хорошо, что Твердовского стали везде чествовать, мы на ТНТ его показали и, кстати, получили приличную долю.

Даниил Дондурей. Вы ведь показывали и «Страну ОЗ» Сигарева. Как он прошел?

Игорь Мишин. Прекрасно. В девять вечера, в прайм-тайм, доля под 15 процентов.

Даниил Дондурей. При том, что это комедия, Сигарев – автор отнюдь не позитивного взгляда на мир.

Игорь Мишин. Кто из его героев несчастен? Назовите хоть одного. Они счастливы в этой жизни! Не решайте вы за продавцов в киосках, парней, которые сидят в компьютерных играх, балбесов – детей героини Инны Чуриковой. Они все – счастливы!

Даниил Дондурей. Как у Джармуша в его выдающемся фильме «Патерсон». Зритель идентифицирует себя с героями Сигарева, включая детей Чуриковой. Чудно, весело, все – прикольные люди.

Игорь Мишин. «Страна ОЗ» – позитивная, светлая картина. В том-то и дело. При всей абсурдности, жесткости, неудобстве, дикости – и с социальной, и с бытовой точки зрения – всего того мира, который там показан, практически все люди там позитивны… Сказки есть и будут всегда для женщин «40 плюс». Если мы берем активную часть населения в возрасте двадцати-сорока, которым сказки не нужны, а нужна реальность, то вот она. Художники – Сигарев, Твердовский – не изменили себе, не приукрасили жизнь в России. Они просто показали, как в ней можно быть реализованным. Потому что даже если героине Яны Трояновой будут платить маленькое пособие, это не выбьет ее из седла.

Даниил Дондурей. Как человек, управлявший телевидением, чем вы объясняете тот факт, что в России пять-семь больших каналов и сетей, кроме ТНТ, не показывают российское кино? А вы знаете, сколько у нас снимается фильмов? Сто тридцать.

Игорь Мишин. Я не могу отвечать за всех руководителей каналов, у каждого своя логика. ТНТ показывает российское артовое кино, в основном артмейнстрим – правда, после очень тщательного отбора. Я, например, долго объяснял Кате Шагаловой, почему мы не берем ее

фильм «Берцы»: не может ТНТ показывать фильмы, которые не дают надежды. Приговаривают наше общество как объединение дебилов, уродов, у которых нет будущего. Но мы показали другие сложные фильмы, даже «Племя» Слабошпицкого показали.

Даниил Дондурей. На ТНТ прекрасная ночная программа авторского российского кино.

Игорь Мишин. В свое время мы два года отбирали в открытый показ кино, которое действительно дает надежду, не приговаривает общество. За год показали где-то сорок два – сорок три российских фильма, из них – двадцать три премьеры.

Даниил Дондурей. Это говорит о том, что рядом с вами – патриоты-идиоты, которые этого не делают.

Игорь Мишин. ТНТ показывает арткино в нерискованное для доли и рейтингов время, в час ночи. Но, из-за того что долгое время ночью существовал открытый показ, мы смогли показать «Страну ОЗ» и «14+» в девять вечера. Еще год или два назад такие фильмы бы провалились.

Мы таким образом раскачивали аудиторию. И принимали, казалось бы, рискованные решения. Просто у нас мало достойных фильмов. Мы с трудом набрали эти двадцать три премьеры, хотя были готовы и пятьдесят показать. Просто нет фильмов. Нужно же качество, чтобы не провалилась доля даже ночью. Чтобы и при этом не было смертельного приговора стране.

Даниил Дондурей. Ваш фильм «Орлеан» – фильм невероятно серьезный. И почему вы решились как продюсер?

Игорь Мишин. Для меня это черная комедия. Не надо относиться ко всему серьезно. Здоровая доля иронии еще никогда не была лишней.

Даниил Дондурей. Есть ли шансы у вас снять еще такое же кино, как ваши знаменитые «Овсянки»?

Игорь Мишин. Нет.

Даниил Дондурей. Что это значит? Это же чудесный фильм. У вас была огромная работа с режиссером, мощный продюсерский вклад.

Игорь Мишин. Работая на этом фильме, я пытался найти ответы на два вопроса. Что ты чувствуешь, когда расстаешься с любимой женщиной в результате ее смерти? Это очень заботило меня в тот период жизни, потому что тяжело болела мама и было понятно, что она уходит. И именно в тот момент мне в руки попал сценарий «Овсянок». И второй момент, тоже очень важный. В фильме героиня умирает от того, что ее мужчины, оба, не смогли сделать ее счастливой. Один любил ее тело, любил как объект вожделения физически, страстно; а второй – как икону, боялся даже за руку взять, не то что позвать с собой. Ни в том ни в другом варианте женщина не реализована. Тоже, кстати, утрированная позиция, потому что сколько женщин так живут и как бы счастливы. Это специальный художественно усиленный прием. Только животная страсть или только платоническое восхищение не делают женщину счастливой. Должна быть

«Овсянки», режиссер Алексей Федорченко

полноценная реализация в браке, в семье. Мужчины должны это понимать.

Даниил Дондурей. Женщины, кстати, тоже.

Игорь Мишин. В тот момент мне это тоже было интересно, потому что касалось и меня лично. Я начал осознавать, что спустя двадцать лет совместной жизни я вдруг начинаю открывать жену, чуть ли не заново с ней знакомиться. Это было очень сильным впечатлением. А когда я попытался проанализировать с этой точки зрения семьи родственников, друзей, коллег по работе, то увидел, что очень часто мужчины до конца не понимают, с кем они живут. Мне показалось, что это очень интересные вопросы, они необычные, о них никто в кино не размышляет. Поэтому я увлекся этой историей. Но такое повторение вряд ли еще раз возможно в моей жизни.

Даниил Дондурей. «Овсянки» получили кучу призов на Венецианском фестивале. Что в нем есть такое, чего нет во многих фильмах сегодня?

Игорь Мишин. Я уверен, в картине есть что-то, чего нельзя объяснить, какой-то мистический сакральный смысл. Она реально случилась как память… Как жертвоприношение…

Даниил Дондурей. Такой магический реализм.

Игорь Мишин. Да, точно! Как это сделать еще раз? Если бы все знали, как «магический реализм» спланировать, таких картин было бы больше. Поэтому я говорю: повторение невозможно, химия творческого процесса была у нас уникальная. Мэри Назари моя коллега, режиссер Алексей Федорченко, Денис Осокин, автор сценария, безумный специалист по финно-угорской культуре, оператор Миша Кричман с его пониманием того, как эту историю визуально представить.

Даниил Дондурей. А что делать со зрителями, которые, в сущности, кино и сериалы не различают?

Игорь Мишин. Ничего не надо с ними делать.

Даниил Дондурей. Пусть так и живут?

Игорь Мишин. Мы бы хотели, чтобы в Москве было море, но его нет. Но мы же здесь живем.

Даниил Дондурей. У нас 800 названий сериалов в прошлом году снято, а для фильмов аудитории нет.

Игорь Мишин. Не уверен в столь категоричной оценке. В любом случае процесс идет и он позитивный.

Даниил Дондурей. Но телеаудитория не будет «Овсянки» смотреть. Это для нее сложно, слишком тонко, мучительно.

Игорь Мишин. А что, нет художников, выставок или картинных галерей, которые пользуются узким спросом, а не массовым? Музыку Губайдулиной или Шнитке все будут слушать с тем же удовольствием, что и «Битлз»? В каждом виде искусства есть разворот на 180 градусов. От талантливого масскульта недалеко до элитарных произведений, которые являются в некотором смысле метками, развивают жанр, дают какие-то экспериментальные решения. Посмотрите взглядом среднестатистического зрителя «Криминальное чтиво» при уровне насмотренности публики в 1994 году. Это же чистый артхаус. А теперь стиль и методы Тарантино или Линча – сплошь и рядом, они стали общедоступны. А сколько художников все эти приемы, которые были новаторскими и артхаусными, освоили, и они теперь присутствуют в масскульте?

Вот она, жизнь, во всех ее проявлениях, в такой широкой динамике. Все нормально, не надо переживать.

Даниил Дондурей. Мы говорим о том, что хороший артхаус нужен и для того, чтобы он потом выращивал мейнстрим.

Игорь Мишин. Огромная армия людей смотрит артхаусное кино дома, скачивая его с торрентов или со специальных сайтов, которые все больше развиваются. И можно в спокойной обстановке, без трейлеров перед фильмом, без рекламы, без чавкающих соседей, без мобильных телефонов отдать себя на два часа сложному художественному произведению. Конечно, это удобнее делать дома. Или в специальных кинотеатрах, которых даже в Москве мало.

Мне, как автору и продюсеру, все равно, что «Овсянки» до сих пор бесплатно качают с торрентов и я с этого ничего не получаю. Я делал эту картину не ради прибыли. ◆

Елена Гремина:

«ЧАСТНЫХ ИСТОРИЙ НЕ БЫВАЕТ»

Беседу ведет Нина Зархи

Нина Зархи. В этом году – даже на «Кинотавре», выставке достижений отечественного кинематографа, – профессионалы, да и зрители, фиксируют плачевное состояние дел в хозяйстве. Пытаются понять его причины. Описать приметы. Заходят для этого с разных сторон.

Многим, и мне в том числе, кажется признаком опасной творческой и человеческой апатии, даже стагнации, отсутствие интереса к социальной реальности. К осмыслению времени, в котором мы живем. Почти нет таких сценариев, еще меньше фильмов. А вот Игорь Мишин, авторитетный продюсер, в материале, который мы публикуем, оценивает это равнодушие как момент положительный: наше искусство, считает он, устало от социальности и наконец занялось тем, чем должно заниматься, – частной жизнью человека, отношениями в семье и т.п. Но разве личный мир и социальный существуют автономно? Разве действительность не пронизывает насквозь, не определяет всегда новую, особенную сущность таких вечных сюжетов, как отцы и дети, любовный альянс, мезальянс, треугольник?.. Я не про политическое кино говорю, не про публицистику. Понятно, кто «Болотное дело» на экран пустит...

Елена Гремина. А вы у нас в «Доке» «Болотное дело» смотрели? Это получилась по сути семейная история – про то, что любовь побеждает, она выше государства. Человек находит спасение в семье.

Нина Зархи. Да. Но эта семейная история с сегодняшним временем в тесном контакте. В общем контексте.

Елена Гремина. Так и «Страдания молодого Вертера» тоже происходили в «сегодняшнем» времени – когда писались. Вечным, на все времена произведением они стали благодаря гению автора. Я думаю, автор делает актуальный сюжет вечным, оформляет частную историю

«Док.тор», режиссер Владимир Панков. Фото Владимир Майоров

в миф. Но вообще-то в другую эпоху эта история, может, просто не была бы написана. Как мы знаем, Наполеон прочитал «Вертера» то ли четырнадцать, то ли семнадцать раз. Тогда это писалось – а уж воспринималось точно – именно как вызов. Личная жизнь была вызовом. То есть на самом деле тут очень трудно вычленять какие-то сухие понятия – личный, частный сюжет и социальный, злободневный. Одно с другим переплетено.

Нина Зархи. У Мишина, соавтора таких несхожих художественных миров, как «Овсянки» Федорченко и ТНТ Дулерайна, есть еще одно соображение, которое я хочу с вами обсудить. Он считает, что тревога за, условно говоря, российского «господина Лазареску», за тех, «кому на Руси жить» нехорошо, не имеет под собой оснований. То есть социальная реальность не только неинтересна, она уже неактуальна как материал. Люди, например в провинции, живут счастливо. Мужчины рыбу ловят – семью кормят...

Елена Гремина. Знаете, я соглашусь с Игорем. У нас был театральный документальный проект-исследование – «Мотовилихинский рабочий». Наши авторы ездили в Мотовилиху сначала до кризиса, потом в разгар кризиса. Все думали: вот сейчас приедем, увидим, как все изменилось. Приехали, беседовали с рабочими. Выяснилось, что из-за кризиса люди стали работать три дня в неделю, стали соответственно получать меньше. Но при этом они говорили, что совершенно счастливы, потому что теперь могут проводить больше времени с семьей, на рыбалку как раз ездить. Счастье вообще сложная категория и от многого зависит. Иначе бы в благополучных странах не знали, что такое депрессия, не было бы такого количества самоубийств.

Нина Зархи. Конечно. Но «Мотовилиха» – я видела одну часть этого вербатим-спектакля – свидетельствует именно о том, что перемены в частной жизни определила социальная реальность. Кстати, было бы очень

интересно продлить проект и посмотреть, как чувствуют себя сегодня те мужчины, вынужденные, к счастью вроде, годы и годы сидеть дома без работы.

Елена Гремина. Разумеется, все взаимосвязано, даже смешно об этом говорить. Ведь, скажем, и пьесы Чехова...

Нина Зархи. ...где люди в лото играют или пьют чай...

Елена Гремина. ...современникам говорили очень многое об их жизни, о, скажем так, устройстве окружающей действительности. Просто сегодня чеховские вещи освободились от этих примет времени – внутренних и внешних. Или, если мы сейчас берем, например, «Пять вечеров», – мы ставим пьесу как вне времени существующую, рассказываем вечную историю, и люди ее так и воспринимают. А зрители или читатели Володина тридцать-сорок лет назад видели в ней то, что было для них актуально именно тогда. Вопросы, темы, настроения людей.

Нина Зархи. Но из «вечного»-то каждое время свое – актуальное – вытягивает. Насколько точно угадывает режиссер, что именно Шекспир или Володин помогают понять про день сегодняшний, зависит от таланта, конечно. От желания-умения лезть на трудную глубину. Я вот «Иванова» посмотрела Тимофея Кулябина – не видела его оперные спектакли, это все же совсем другой тип отношений с временем и миром, иллюзорная реальность, как говорит Дмирий Черняков. В «Иванове» современную интерпретацию представляет в основном не рефлексия, а не отстраненные способом подачи «аксессуарные» приметы. Пошлая попса застолья у Лебедевых, работница ЗАГСа в сцене бракосочетания Иванова и Саши, облысевшая от химиотерапии Сарра. На последнюю встречу с мужем она приезжает из-под капельницы – руки в пластырях, закрывающих следы от катетров. Агрессивные «артефакты» затмевают проблемы, которые могли бы открыть многое в нашем социуме. То есть созвучность времени понимается как «костюм в тренде». Может, и прав Игорь Мишин, говоря, что творцам сегодняшняя реальность вообще неинтересна.

Елена Гремина. Не знаю, может, они просто не хотят связываться с цензурой. Вот, например, громкое дело Вари Карауловой, осужденной за связь с террористом. Это же тоже частная история, семейная. Про молодую красивую девушку, которая мечтала выйти замуж. Была очень одинока, хотела любви. Родители развелись, она была брошенным ребенком. Это про общество или нет? Это что – только личная история? А другие реальные события недавние – детские самоубийства, синие киты? Подростки, брошенные матерями, которые сутками вкалывают, чтобы выжить. Как тут личное отделить от социума?! Один пацан может пойти учиться, другой – нет, твой сосед попал в банду, а ты не попал. Есть личный выбор или нет его в нашей реальности? «Бригада», «Брат» или, скажем, сериал «Глухарь» так популярны именно потому, что реальность в них достоверна, достоверно показана как раз зависимость личного мира человека от времени и места. Особенно связь человека, его семьи и социума заметна сегодня, когда так обострилось расслоение общества.

Нина Зархи. И новый тип коммуникации – важнейшая тема, рождающая новые конфликты или обострившая вечные: отношения поколений, одиночество и т.п. Театр, новая драма за это берется, кино – нет.

Елена Гремина. Ну в кино же деньги нужны. А что такое пьеса? Написали, послали на «Любимовку», вас заметили, фестиваль купил вам билет в Москву – есть шанс влиться в сообщество. Найти свою среду.

Нина Зархи. Вот чего в кино вообще нет.

Елена Гремина. Так художник в кино не существует как самостоятельная личность. Только через продюсера. Это, мне кажется, главное.

Нина Зархи. Да, но ведь и дебютанты... например, курсовые – там все можно делать. Но им, они говорят, интересно только про собственный внутренний мир.

Елена Гремина. Знаете, если дебютант – лорд Байрон, мне его внутренний мир такие миры открывает... Или современный поэт Андрей Родионов... Тогда это и мне интересно. Но это конкретного художника надо знать. Может, он чувствует в себе что-то. А может, просто ленивый и нелюбопытный и ему ничего, что за окном, неинтересно. Или неуверенность в себе. Болезнь...

Нина Зархи. Герметизм...

Елена Гремина. Сейчас уже кто-то должен был бы делать фильм про псковских подростков...

Нина Зархи. На фильм никто денег не даст, хоть бы на телефон курсовую сняли.

Елена Гремина. У кинематографистов выкручены руки.

Нина Зархи. Но у многих, я говорю, и желания нет. Хотят утешать народ. Зачем, считают способные режиссеры, вчерашние «авторы», а не только продюсеры-прагматики, умножать страдания и нагонять тоску на зрителя? Ему и без того тяжело живется, а тут еще и на экране грязь, гной.

Елена Гремина. Что значит грязь? История про то, как девочка стала переписываться с террористом, в поисках любви бросилась черт знает куда и сломала себе жизнь? Где здесь грязь и гной? История брошенного юного поколения – жгучая проблема. И уверена, зрителю все эти коллизии были бы интересны. Конечно, продюсерам не хочется рисковать – бросаются делать то, что проверено телевизором: тяжелая женская доля – муж ушел к любовнице...

Все дело, по-моему, в продюсерской воле. Циники они или у них все же есть серьезные амбиции и стремление делать смелое и сложное кино. Ответственность.

Нина Зархи. Есть еще одно сомнение – у режиссеров и продюсеров. Они говорят: вот сегодня мы сделаем актуальную вещь – про митинг, про то, как людей кидают в автозаки... про Варю Караулову, наконец. А завтра кому это будет нужно? Хочется для вечности снимать. Злободневность уйдет... У ваших «доковских» спектаклей, кстати, короткая жизнь?

«Однушка в Измайлово», режиссер Зарема Заудинова. «Театр.doc»

Елена Гремина. Наш «Доктор.док» или «Док.тор», спектакль Володи Панкова по пьесе Лены Исаевой, лет десять шел, потом они фильм сняли. А теперь его Панков для ЦДР восстанавливает. А уж если к Варе Карауловой вернуться... Это вообще история вечная, архетип женщины, ради любви идущей на все. Миф, Медея... И при этом невероятно личная история, подробности частной жизни во враждебном социуме. Новая жена отца активно помогала Варе, стала ей близким человеком, хотя до этого они не общались. Семейная драма: сначала отсутствие любви и семейного тепла сломало девочке жизнь, а потом семья сплотилась – на почве общего несчастья.

Нина Зархи. Нет, сегодня в цене фильмы про «хороших мальчиков», сделанные «хорошими мальчиками и девочками» для такого же зрителя.

Елена Гремина. Мне кажется, это пакт заключен – между государством, продюсерами и творцами. Всех все устраивает. Кроме публики, которая всем этим нашим баснословно дорогим блокбастерам предпочитает голливудские. Ну зритель, который хочет чего-то другого, может пока документальным кино удовлетвориться. Или театром – сейчас очень много правды, достоверности, актуальной реальности в театре. И новых форм подачи, новой коммуникации со зрителем. Свидетельские спектакли, иммерсивные. У нас 12 февраля будет конференция «Свидетель на сцене». Когда рядом с актерами – реальные участники событий.

Если говорить о телевидении, то только ТНТ делает шаги в сторону реальности и одновременно в сторону зрителя. Своего зрителя Александр Дулерайн, продюсер, идеолог ТНТ, хорошо знает. И формирует. Я с ним, кстати, работала, и он говорил: для того чтобы сериал стал событием, автор должен не сочинять, а опираться на собственный опыт, прямо приносить в сценарий пережитое им самим. «Реальные пацаны» – отличный пример такого сериала, некоторые другие их

«Болотное дело 1», режиссер Елена Гремина. «Театр.doc»

проекты, мне, например, «Наша Раша» нравится. Они не лабораторные, не высосанные из пальца, а взятые из реальности. Я как театральный продюсер тоже поняла: чтобы документальный проект состоялся, он должен быть для создателей чем-то большим, чем спектакль.

Знаете, бытует такое представление об этих наших делах. Вот есть грант, надо поехать в некий город, порасспросить народ, что-то разузнать о событии или нестандартном каком-то явлении, человеке, потом за неделю слепится спектакль. Иногда выходит очень мило, но это действительно сиюминутная фишка, у нее короткая жизнь. Документальный театр, если он настоящий, – это долгая, нудная и кропотливая работа, в которую надо вложить часть себя. И работа большой мотивации: человеку это должно быть почему-то очень нужно.

Вот, например, Зарема Заудинова, ученица Миши (Угарова. – *Н.З.*) и Разбежкиной. Недавно она дебютировала в «Доке» как режиссер. А история такая: у нас долго лежала пьеса молодой дагестанской журналистки Эмилии Казумовой «Однушка в Измайлово» – про ее собственную жизнь. Мы ее сами заказали – очень понравилась история – живая, подлинная, про то, как девушка из традиционной семьи, совершенно благополучная, посмела нарушить незыблемые национальные установки: сбежала со свадьбы, поняв, что любит другого, – за него и вышла замуж. Стала изгоем в семье, ее пытались убить, она вынуждена была скрыться в Москве. И написала пьесу о том, как спаслась и как потом выживала в столице среди таких же отверженных девушек с Северного Кавказа. Четыре года у нас никто не мог поставить эту хорошую пьесу, хотя подступались очень способные режиссеры. И наконец появилась Зарема, она наполовину чеченка, хорошо знает эту реальность, и буквально за полгода родился очень сильный спектакль. Потому что для Заремы эта работа была не просто проектом. Большой мотив – для меня это сегодня самая большая ценность. Почему именно

«150 причин не защищать Родину», режиссер Елена Гремина. «Театр.doc»

эту книгу я должна читать? Этот фильм или спектакль бежать смотреть – когда кругом столько всего делается? Понимаю, что меня волнует именно мотивация автора.

Нина Зархи. Хорошая формула – сильный мотив.

Елена Гремина. Да, я подумала: почему люди читают блогеров? Не книжку, которая за демонстрацию внутреннего мира автора получила пять каких-то премий, а неизвестного товарища из компьютера? Потому что блогер предъявляет свой невыдуманный мотив, свое «не могу молчать», свой опыт проживания сегодняшней жизни, приспосабливания к времени.

Нина Зархи. Это актуально, это находит отклик – «у меня то же самое» или, наоборот, «надо попробовать»...

Елена Гремина. Страсть автора побеждает зрительское или читательское равнодушие. «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган: здесь большой мотив – демонстрация внутреннего мира, но вы это тоже прочтете. Вообще, если говорить серьезно, частных историй на самом деле не бывает...

Нина Зархи. «Душечка» любимая...

Елена Гремина. ...даже она – о положении женщины в России, социолог вам такой комментарий напишет.

Нина Зархи. Вот и реплика в диалоге с уважаемым Игорем Мишиным: личное и социальное не в разных вагонах едут.

Елена Гремина. «Июльский дождь», «Я шагаю по Москве» – это разве не про время? А вообще, знаете, было бы очень интересно сделать фильм или спектакль про абсолютно частную, интимную, камерную ситуацию. Чтобы времени там вообще не было. Изъять все, что происходит за окном.

Нина Зархи. Даже реакции героев на звуки за стеной. Очень хорошая идея – такая история могла бы тоже стать характеристикой времени.

Вот такая у нас норма. Людей с митинга забрали – мы не знаем, не видим, не слышим.

Елена Гремина. Интересная тема. Но мы сейчас готовим спектакль про сплетение частного с социальным. Закончили играть «Болотное дело 1», потому что вышли все наши герои. Сняли фильм. И теперь Полина Бородина с тем же составом делает «Болотное дело 2» – про людей, которые освободились и вернулись в свои семьи. И оказались в очень трудном положении – пока они сидели, их жены, дети как-то жили. Многие бывшие заключенные, как Акименков, пишут горькие посты про «снежную революцию», про слив протеста, про то, что ничего не вышло. Это частная история – разве нет? Какими вернулись парни, которые ни в чем не виноваты, куда они вернулись? Драматичная история. И разумеется, социальная реальность в нее не может не врываться, даже если ребята в своих интервью говорят только о своих личных переживаниях, о встрече с домом спустя три с половиной года. На самом деле это история для Голливуда. Хит бы был. Никакая не политика. Судьба молодого человека в сложные времена.

Нина Зархи. Но для нашего кинематографа эта тема исключена. Как и эта, скажем, поразительная история про водителей фур – их стояние протестное: чистое кино ведь.

Елена Гремина. Я же говорю – пакт. Между государством, продюсерами и творцами. Я даже не беру вопиющие, скандально конъюнктурные эпохалки, где госзаказ на патриотизм уже ничем не прикрыт, хотя бы для приличия. Говорю о нормальном кино в якобы нормальной стране – вот оно-то тоже разным может быть.

Нина Зархи. Может быть «Сказкой про темноту», а может – «Ледоколом».

Елена Гремина. Личный выбор художника. Каждый, в конце концов, имеет на него право. ◆

ИСКУССТВО КИНО

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
НИКОГДА НЕ ПОЗДНО
ПОДПИСАТЬСЯ
НА ЕДИНСТВЕННЫЙ
В РОССИИ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПО ИСКУССТВУ.
НАС ЗНАЮТ, ПОТОМУ
ЧТО ИСКУССТВО КИНО –
ЭТО ПРОФЕССИЯ
И ДОСУГ, АКТУАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ
О САМЫХ ЗНАЧИМЫХ
ЯВЛЕНИЯХ КИНО
И ТЕЛЕВИДЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ
С МАСТЕРАМИ СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ, УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
МЕМУАРЫ, СЦЕНАРИИ
И ПЬЕСЫ.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС **70400**

2art.ru

www.kino

119002, Москва, ул. Арбат, 35
Телефон (499) 248 28 22
Факс (499) 241 08 52
e-mail: filmart@yandex.ru
www.kinoart.ru

Аркадий Яхнис

ПОИСКИ МЕССИИ, ИЛИ КАК ИИСУС ПОМОГАЛ ЛОШАДИ НАЙТИ ЛЬВА

Сценарий

Аркадий Яхнис – режиссер, сценарист. Родился в 1952 году в Могилеве. В 1974-м окончил Могилевский машиностроительный институт. Работал в конструкторском бюро Минавтопрома (Минск), на автомобильном заводе (Могилев). Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров (1987–1989, сценарное отделение, мастерская Н.Рязанцевой). Режиссер фильмов «Свидание» (1991, к/м), «Прощание» (1992, док.), «Ботинки из Америки» (2001), «Ужас, который всегда с тобой» (2007), «Швейцар» (2014).

В притче «Поиски Мессии...» органично сосуществуют эпическая интонация, фантасмагорическая причудливость и достоверность, присущая рассказам очевидцев.
Аркадий Яхнис подобного опыта не имеет, и реалистическую убедительность рассказанной им истории можно объяснить мистическим опытом еврейской души. И еще тем, что Яхнис-сценарист умело использует подсказки Яхниса-режиссера, мечтающего снять этот фильм, уже почти созданный его воображением.
Мне кажется, что сценарно-режиссерские амбиции Аркадия Яхниса заслуживают поддержки.

Рустам Ибрагимбеков

1942–1943: ноябрь, декабрь, январь. Большое гетто в польском (западнобелорусском) городе N.

Глава 1. Шабтай

Городская площадь у трамвайного кольца. В центре помост, обтянутый красной материей. На помосте стоят еврейские дети от трех до двенадцати лет, попарно взявшись за руки со своими немецкими ровесниками.

Рядом с помостом на трамвайных путях два ярких, раскрашенных цветами железнодорожных вагона, сцепленных между двумя трамваями. Оркестр играет торжественную и радостную польку Штрауса «Праздник огня».

←
Марк Шагал.
«Белое распятие». 1938

Перед помостом с детьми плотная толпа: родители, дедушки, бабушки. Кто-то гладит детей, кто-то целует, кто-то неотрывно смотрит и шепчет что-то ребенку...

Над помостом висят хорошо видные отовсюду огромные, как стены домов, фотографии счастливых детей. Они гуляют по улицам красивых городов, окруженных величественными Альпами.

У многих провожающих, в основном у дедушек и бабушек, такие же – только маленькие – фотографии, и они постоянно вытаскивают их из карманов, сумочек, смотрят и снова прячут...

На помосте за детьми все начальство гетто: пятидесятилетний комендант Рихард Платиц, его восемнадцатилетний сын Лотар, пятидесятипятилетний Хаим Рутковкий, председатель Юденрата, и Абрам Данцвайх, контрабандист лет сорока восьми, главный цеховик гетто. Рядом несколько немецких офицеров, члены правления Юденрата и начальник еврейской полиции Иосиф Кон.

Оркестр играет громче положенного – кажется, чтобы заглушить редкие сдавленные вопли родителей, которые изо всех сил пытаются вести себя соответственно торжественному и счастливому моменту.

Немецкие офицеры вполголоса переговариваются, стараясь быть в тени, всем своим видом показывая, что все решают сами евреи.

В толпе три старика: семидесятилетний реб Янкель; щуплый, похожий на подростка реб Хуна, ему лет восемьдесят пять, высокий, ширококостный; шестидесятилетний реб Залман, совсем малюсенький старичок с большой головой, почти карлик.

Комендант гетто Рутковский играет главную роль и всем своим видом показывает это: стоит чуть впереди во главе всего начальства. Благородный, со сдержанными жестами и покровительственной улыбкой, он смотрит на толпу, на родителей, которые приводят все новых детей и отправляют их на помост, где те берутся за руки с другими еврейскими и немецкими детьми.

Рутковский не смотрит на немцев, он чувствует себя полновластным хозяином. Выходит к толпе к краю помоста. Поднимает руку. Оркестр замолкает. Толпа успокаивается. Рутковский выдерживает необходимую паузу. Толпа не пропускает ни одного его движения. Он невозмутим. Он внушает спокойствие и уверенность. Толпа чувствует его опеку и могущество, и немцы кажутся его подчиненными.

– Сегодня мы уже в третий раз отправляем наших детей в санаторий «Дангейзер» в нейтральной Швейцарии. «Дангейзер» уже принял две партии наших детей, и мы счастливы видеть их здоровыми и радостными! – Рутковский поворачивается к плакатам-фотографиям со счастливыми детьми и удовлетворенно какое-то время смотрит на них. – Мы можем спасать наших детей, потому что мы сила и мы власть. Впервые за две тысячи лет изгнания у нас есть свое государство. Гетто – государство. Мы впервые стали самостоятельной нацией и избавлены от ассимиляторских влияний русской и польской культуры. У нас свое руководство, своя полиция, свой суд, свой бизнес, своя почта... Да, сейчас тяжело всем, но ведь идет война. Вся Европа в огне. Надо запастись терпением. Надо находить общий язык с немецкими властями. Германии сейчас тяжелее других. Она борется на всех фронтах. Всем нелегко – и полякам, и немцам, и евреям... Гетто... Мы должны пережить войну, и мы сделаем это! И воссоединимся с нашими детьми... на Земле, обетованной нам Богом и нашим терпением...

Старики, как и все, затаив дыхание, слушают Рутковского.

– Не он? – нерешительно спрашивает шепотом Янкель Хуну и Залмана.

– Идиот! – обрывает его Хуна.

– Почему? – серьезно спрашивает Янкель.

Рутковский словно не замечает этих красивых, подтянутых немцев в военных мундирах. И совершенно непонятно, какие чувства он испытывает к ним: то ли хорошо скрываемый безумный страх, то ли даже не столько презрение, сколько пренебрежение как к низшим существам, орудиям судьбы, которую сегодня доверено вершить ему. Кто он – ничтожный презренный раб, предатель или всемогущий властелин-безумец, который в состоянии пересилить всё?

...Оркестр снова начинает играть. Под «Марш Радецкого» Штрауса еврейские и немецкие дети идут к разрисованным цветами вагонам. Чтобы не нарушать порядок, полицейские устраивают коридор от помоста к вагонам и не позволяют родителям сбить церемонию: разрешено только смотреть, как трогательно прощаются еврейские и немецкие дети.

Еврейские дети садятся в вагоны. Немецкие остаются на перроне и машут уезжающим вагонам вслед.

Вечер. Улицы гетто. Машина Данцвайха летит вперед. Данцвайх и его помощник Бремер сидят на заднем сиденье.

– В течение недели будут два эшелона из Германии и Франции, – говорит Данцвайх. – Кто еще тебе нужен?

– Инженеры любые, неограниченно... ремесленники: забойщики скота, мясники, молочники, кожевенники, портные, сапожники, пекари, ювелиры... Откроем новые бизнесы и через две недели вытесним поляков с их рынка...

– Не надо резко... не надо их банкротить. Мы постепенно заберем их бизнесы к нам с их оборудованием. Производить будем здесь, а продавать у них. Через полгода начнем поставки в Германию и заберем у поляков всё...

Машина подъезжает к скотобойне.

Они выходят из машины, идут по двору скотобойни. Всюду снуют рабочие, и все заняты своим делом.

Три телеги, запряженные каждая по две лошади, въезжают во двор. Распрягают пять лошадей, уводят в ворота барака. Ворота закрываются. Телеги связываются цугом, в них впрягается оставшаяся лошадь. Телеги мгновенно загружаются полными мешками, и лошадь тяжело тянет их назад к воротам гетто.

– Второй цех закончим к концу недели и сможем перерабатывать до двадцати лошадей в день, – говорит Бремер.

– Отремонтируй мойку и достань новые чаны...

– Уже... Завтра все будет готово.

Они входят со двора в цех, где забивают лошадей.

Туши висят на крюках. Несколько человек работают.

– Пашут как кони! – шутит Бремер. – И спят стоя!

– Увеличь питание до девятисот злотых, – говорит Данцвайх. – Покажи новеньких!

Бремер ведет его дальше.

– Из Гнезно. Два дня как приехали... А этот вообще зверь! – Бремер показывает на Исаака Груниса, молодого мужчину лет двадцати пяти, разделывающего тушу.

Грунис поворачивается. Смотрит на Данцвайха.

– Вы не узнаете меня, дядя Абрам?

Данцвайх молча смотрит на него.

– Я сын Леи Лурье, сестры вашей жены Дворы... двоюродный брат вашего сына Хаима...

– Где они? – спрашивает его Данцвайх.

– Они здесь... почти год уже.

Данцвайх молчит.

– Они сейчас Либенштоки. Тетя Двора вышла замуж прямо перед войной... три года назад... – Грунис вытаскивает из внутреннего кармана письмо, протягивает Данцвайху. – Мама переписывалась с тетей Дворой… здесь адрес, я собираюсь навестить их... письмо месяц назад.

Данцвайх смотрит на адрес на конверте, возвращает его Грунису. Выходит.

Синагога на Вальской. Вечер. Большой общий зал и три просторные несмежные комнаты вокруг зала. В главном большом зале человек шестьдесят. В основном это старики и несколько учеников местной ешивы – ешиботники, молодые люди от тринадцати до семнадцати лет.

Ешиботники учатся попарно, перед каждым том Талмуда. Обмениваются яростными комментариями и злыми выпадами друг против друга.

Несколько стариков тоже горячо учат Талмуд. И среди них Янкель, Залман и Хуна. Но большинство нараспев читают Тору. Кто-то тихо молится. Кто-то шепчет псалмы и плачет тихонько, счастливо. Кто-то вдруг хохочет и так же неожиданно замолкает. Кто-то спит, обняв стендер.

Стоит напряженный мелодичный гул с резкими всплесками споров.

Рав Шабтай читает 66-й псалом, потом поет, закрыв глаза:

К Нему устами своими воззвал я, и восхваляем Он языком моим.

Если бы несправедливость видел я в сердце своем, не услышал бы (меня) Господь.

Но услышал Бог, внял голосу молитвы моей…

Его голос необыкновенной красоты и очарования, и постепенно все замолкают и слушают его пение.

Шабтай открывает глаза, полные слез, говорит с какой-то счастливой экзальтацией:

– Счастливы мы, что дожили до мига сего! Ибо поймем замысел Божий!!! Счастливы мы, избранные!

Рав Шабтай цепенеет, вперившись слепым взором в пространство перед собой, и все замирают. Он встает, ходит, как слепой, ищет, «вглядывается» в каждого, ощупывает. Приходит в себя, останавливается.

– Он кто-то из нас, кто-то из нас! – Шабтай смотрит на одного, на второго… осекается. – Нет! – улыбается мягко, виновато за слово «кто-то». – Каждый из нас! Каждый из нас! – продолжает он и начинает ходить по залу в каком-то восторженном безумии. Подходит к Янкелю, останавливается возле него. – Это ты! – говорит, не сводя с него взора.

Янкель молча смотрит на Шабтая. Тот отворачивается, подходит к Лазарю.

– Это ты! – Потом к Залману. – Ты! – Потом к какому-то старику, потом к следующему… – И ты! И ты!

– Я! – отвечает кто-то. – Я!

– И ты! – указывает Шабтай на другого, третьего…

И они, безумея, повторяют следом: «Я! Я тоже! Я!!!»

Кто-то из «назначенных» начинает молиться, кто-то плачет, кто-то неотрывно ходит за Шабтаем.

Еще несколько человек вовлекаются в орбиту этого ликования. И еще, еще, еще... Скоро их становится большинство.

Другие отстраненно наблюдают за смеющимися, плачущими от счастья людьми. Скептичный Хуна начинает молиться, закрыв глаза. Восторженный Янкель готов броситься в толпу, но, озираясь на друзей, сдерживает себя. И только маленький Залман, не веря, кажется, ничему, бесстрастно и немного презрительно смотрит, смотрит, смотрит… Мойше

не сдерживают даже друзья: он бросается в толпу и смеется, и празднует вместе с безумными счастливцами.

Некоторые бесстрастно, как на что-то привычное, глянув на торжество, возвращаются к своим книгам.

Шабтай останавливается, замирает.

– Нет. Не вы. Это я, – наконец спокойно и негромко говорит он. – Я вижу Тебя, и я иду к Тебе…

Шабтай будто видит себя со стороны чьими-то глазами, словно кто-то смотрит на него из-за шкафа с книгами, и он смотрит в эти «глаза» и устремляется туда, за шкаф, но там никого нет! Потом – тот же «взгляд» из-за приоткрытой двери чулана, и он летит в чулан, открывает дверь, но – никого! Потом – из подпола, и он падает, ползает, ища кого-то сквозь щели пола.

Люди безумеют еще больше. Они бегают за Шабтаем, тоже падают на пол, ползают, глядя в щели…

– Нет…

В безмерном отчаянии Шабтай оседает, и силы оставляют его.

Все бросаются к нему. Переговариваются шепотом друг с другом: «Нет?» – «Что нет?» – «Это не он». – «Не говори глупости!» – «Он так сказал». – «Что он сказал?»

Шабтай медленно встает. Ходит по синагоге, всматривается в каждого.

Абсолютную тишину разрезает резкий скрип: это Янкель, стоящий у шкафа, прикрывает дверцу, которая мешает ему смотреть на Шабтая. Янкель обомлел. Шабтай, а за ним и все, поворачивается к Янкелю. Шабтай идет к нему.

– Ты! – говорит он Янкелю, смотрит на Залмана и Хуну, стоящих рядом, показывает на них: – И ты! И ты!! Вы Его узнаете!

Янкель резко возражает:

– Вчера ты говорил, что только я один!

– Написано в трактакте «Сангедрин»: свидетелей должно быть трое. Здесь нельзя ошибиться! – Шабтай ставит Янкеля, Залмана, Хуну перед толпой. – Вы увидите Его и укажете остальным! – Шабтай поворачивается ко всем. – Только они, только эти трое узнают Его!!!

Толпа молча смотрит на счастливых избранных.

– Как мы поймем? – спрашивает Залман, не дыша.

– Вам снизойдет свыше. Почувствуете еще до того, как исполнится написанное: и ляжет ягненок с волком, и лань с леопардом, и маленький мальчик поведет льва, и воцарится мир на земле…

Офис коменданта гетто штандартенфюрера Платица.

Данцвайх отдает Платицу деньги.

– Это за ноябрь.

Тот пересчитывает. Доволен.

– Больше, чем за октябрь, в полтора раза…

– Бизнес поднимается… – отвечает Данцвайх.

Платиц встает, вытаскивает из сейфа паспорт. Отдает его Данцвайху.

– Это твой паспорт. 25 декабря. Сегодня это выяснилось окончательно.

Оба молчат. Это «новость» для Данцвайха.

– Ты можешь уехать в любое время, как договаривались, – продолжает Платиц.

Данцвайх молчит, потом спрашивает:

– Всех?

– Да, – отвечает Платиц. – Рабочих наших бизнесов я смогу держать до конца. Ну… и старики тоже уйдут последними.

Платиц делает паузу, медлит. Молчит и Данцвайх.

– У нас осталось два месяца, – говорит Платиц.

– Надо продавать длинные бизнесы полякам, пока они ничего не заподозрили.

Улица. Вечер. Данцвайх и Бремер не спеша идут по тротуару. Машина Данцвайха следует за ними.

– Все мебельные цеха, гончарные, чеканку, кузницу... Янушу предложи, Чеславу... Никакой спешки: если поляки поймут, почему мы продаем, они всё приобретут за копейки. Мол, не успеваем всем заниматься, у нас людей все меньше, типа делимся с друзьями... Когда погибли Зингеры и Цадок, доставка дуба и черешни прекратилась... Ну не мне тебя учить. Всех рабочих из этих длинных бизнесов, когда продашь, переводи в короткие: скотобойни, молочку, пекарни...

Вечер. По Канёвской в сторону Галтиньской идут Хуна, Янкель, Залман. Янкель плетется позади всех, глазея по сторонам… «Не отставай! Мы и так опаздываем!» – кричит ему Залман. И Янкель бросается догонять друзей.

Дорогу позади них с лаем перебегает собака. Старики оборачиваются. Следом за исчезнувшей собакой с той же улицы медленно выходит старая черная лошадь.

– Это Дормана, – говорит Янкель. – Сошла с ума и убежала. Теперь не может дорогу домой найти.

– Лошадь? – спрашивает Хуна.

– Собака. Собака Дормана. Лошадь Кофмана, – объясняет Янкель. – Собака сумасшедшая. Лошадь слепая.

Лошадь поворачивает в сторону стариков, равняется с ними, и они идут с ней бок о бок.

– Она слепая. Она ослепла, и Кофман ее выгнал, – рассказывает Янкель Хуне. – Зачем слепая лошадь дома?

Янкель смотрит на лошадь. Она по-прежнему идет рядом со стариками.

Старики и лошадь идут дальше вдоль трамвайных путей. Впереди на путях стоят те же два солнечно раскрашенных цветами вагона между двумя трамваями. Водитель трамвая и двое полицейских безуспешно пытаются перевести стрелку, чтобы свернуть с Канёвской на Галтиньскую...

За составом вынужденно стоит городской трамвай «Marszałkowska – Wielki», курсирующий через гетто безостановочно, ожидая, пока путь будет свободен. Красивые люди беззаботно сидят в нем, кто-то читает, кто-то разговаривает друг с другом, не глядя по сторонам.

В вагонах дети прильнули к окнам и смотрят на проходящую мимо лошадь.

Лошадь у вагонов нагоняет человек, удивительно похожий на Иисуса Христа с икон, с картин живописи Возрождения… Он берет лошадь под уздцы, останавливает ее.

– Вы не знаете, где здесь можно найти льва? – спрашивает он у стариков.

Неловко улыбается им, кивает, уходит вперед с лошадью. Зачарованные старики стоят и смотрят ему вслед. Первым приходит в себя Янкель.

– Это Хаим Левенталь из Толочина. Он что... помогает лошади найти льва?! Откуда он знает, что лошадь должна найти льва, Кофман рассказывал это только мне...

Старики, свернув на Галтиньскую, медленно двигаются за лошадью и «Иисусом», все дальше уходящими от них.

– Кофман, хозяин, ей сказал, своей лошади: принесешь льва, живого или мертвого, пущу домой и буду кормить снова, – продолжает Янкель.

Залман и Хуна бесстрастны и молчаливы: они привыкли к фантазиям друга.

Ярко освещенные вагоны с детьми появлются позади, обгоняют сначала стариков, потом и лошадь с Хаимом. Следом проезжает залитый светом трамвай «Marszałkowska – Wielki» с красивыми людьми.

– Она, эта лошадь, хорошая, – продолжает Янкель. – Хозяину нужен лев, она его и ищет. Он тоже хороший, Коф-

ман. Если она приведет льва, возьмет ее обратно слепую... И этот Хаим тоже, получается, хороший. Без него она льва не найдет.

Машина Данцвайха обгоняет стариков.

Вечер. Данцвайх выходит из машины. Входит в подъезд, поднимается на третий этаж. Находит дверь. Стучит. Женщина лет сорока открывает дверь.

– Здесь живет семья Либеншток?

– Входите, пожалуйста...

Женщина робеет перед Данцвайхом. Он входит в квартиру.

– Я Броха Либеншток, – говорит женщина. – Давид, муж Дворы, мой брат. Их забрали четыре месяца назад, а сын исчез сразу и больше не появлялся...

Проходят в комнату, садятся за стол. Она продолжает:

– Они спорили все время. Давид ее уговаривал: «Иди скажи ему...» Вам то есть... «Твоему бывшему мужу... он не знает, что его сын здесь, он такой человек, он его спасет, ему это ничего не стоит...» А она все твердила: «Не могу, не могу, не могу... я так перед ним виновата...» И так каждый вечер. Давид ей: «Ты обязана!» А она: «Не могу, не могу, не могу...»

– Это не его сын, – говорит Данцвайх.

– Что? – пугается женщина.

– Она говорила, это не его сын.

– Да... – машинально поддавшись его силе, испуганно проговаривается женщина. – Вдруг начинала плакать... «Это не его сын, он знает, что он не его, это не его сын». Давид успокаивал ее, смеялся: «Если только ветром надуло, ты ж ангел...» Она святая была, вы же знаете.

Данцвайх никак не реагирует. Потом спрашивает:

– Как он выглядел? Сын... Хаим...

– Я его ни разу не видела... только со спины... Среднего роста... Света ведь нет, а он приходил поздно ночью и уходил рано утром. Он скрытный, нелюдимый, я ни разу не слыхала его голоса. Родители трепетали перед ним. Как только он входил, они переставали разговаривать и ходили на цыпочках... Вот там его комнатенка, мимо они даже ходить боялись. Они его обожали...

– Как его найти?

– Они из Вижницких. Из Вижницких хасидов. Он ходил в синагогу на Вальской... Ну а фамилии и имена они оставляли сразу... меняли. Вы знаете.

Данцвайх встает, намерен уходить.

– Хотите посмотреть его комнату?

Данцвайх входит в крохотную комнатку. Рассматривает ее...

Синагога на Вальской. Она полна народу сейчас. Все пронизано ожиданием, экзальтацией и уже привычным безумием...

Данцвайх входит тихонько. Стоит в стороне. Следом входят его шпики и незаметно рассеиваются по синагоге.

Старики Янкель, Хуна, Залман, назначенные «узнавальщики» Мессии, переходя от одного к другому, присаживаясь прямо перед каждым, заглядывая в глаза и незаметно касаясь то плеча, то руки, придирчиво всех осматривают...

Шабтай стоит у доски. На ней беспорядочно написаны буквы еврейского алфавита. За столами ученики Шабтая – а это простолюдины, бедняки, нищие и просто безумцы – не спускают глаз с учителя. Шабтай говорит:

– Нужно 236 умножить на десять тысяч небесных сфер и разделить на суммарную гематрию «Велик Господь наш, и велика слава Его».

– «Велик Господь наш, и велика слава Его», – повторяют шепотом старики и пишут на листках бумаги.

– Тогда и получится размер головы, – говорит Шабтай.

Все замолкают. Старики и ешибохеры склонились над листками бумаги и прилежно считают.

Первый шпик Данцвайха подсаживается к молодому парню, тихонько спрашивает: «Ты не из Гнезно?» «Нет», – отвечает тот.

Шабтай ходит меж столами.

– Кто-то посчитал?

Данцвайх смотрит на одного, второго, третьего…

Шабтай берет листок у какого-то старика, читает.

– Нет… – возвращает листок.

– Размер лица… головы до кончика носа пять тысяч элей! – выкрикивает кто-то с места.

– Правильно, – говорит Шабтай. – А рук и ног?

– Тридцать тысяч элей! – кричат из другого конца.

– Да! – отвечает Шабтай. – Правильно.

– Он совсем маленький. Он меньше новорожденного ребенка! – в полном умилении говорит кто-то и плачет.

– Он – как спичечный коробок… – говорит другой.

– Да, он меньше ребенка, – произносит Шабтай спокойно. – Он меньше куклы и меньше спичечного коробка. И Он больше небес.

Какой-то старик подбегает к маленькому мальчику. Смотрит на него, потом на Шабтая. Вытаскивает из кармана спичечный коробок. Смотрит на него. Хохочет…

Данцвайх проходит вперед и подсаживается за стол к Янкелю.

Шабтай продолжает ходить между столами.

Второй шпик спрашивает у следующего парня: «Ты не Хаим?» «Нет», – отвечает тот. «Не из Гнезно?» – «Нет».

– Теперь имена! – провозглашает Шабтай, проходя меж столами, проверяет.

Третий шпик Данцвайха негромко спрашивает у Мойше: «Из Гнезно есть тут кто-то?» «Не знаю, кажется, нет», – отвечает Мойше. «Хаима Либенштока не знаешь?» – «Нет».

Шабтай подходит к Залману. Берет его листок бумаги.

– Адирирон, – медленно, восторженно читает Шабтай. – И это его имя! Адирирон! – Идет к следующему. – А у тебя?

– Заводиил.

Шабтай подходит к Данцвайху, но у того ничего не написано. Они просто смотрят друг на друга.

Шабтай идет дальше – к одному, другому… к следующему.

– У тебя?!

– Ахтриил… Тазаш… Зохарариил… – поочередно выкрикивают другие с мест.

– Адирирон, Заводиил, Ахтриил, Тазаш, Зохарариил… – говорит торжественно Шабтай. – И это имена Всевышнего. И они ничто, а только буквы и только Бог! Вот почему слова человека – это зло. Потому что они всё! А буквы – это ничто, и это добро, и это Бог. – Шабтай замолкает на минуту. – Буквы – это Бог! – говорит он и смотрит на слушающих. Ждет. Возвышает голос: – Бог – это Алеф!

– Бог – это Алеф! – повторяют тихо и нестройно в зале.

– Бог – это Бет! – говорит Шабтай все громче и громче, вводя себя в истерику.

– Бог – это Бет! – повторяют вслед и уже громче люди.

– Бог – это Гимел!

Янкель сидит рядом с Данцвайхом и дирижирует им, и Данцвайх вынужден повторять вместе со всеми: «Алеф, Бет, Гимел…»

Шабтай вдруг останавливается у окна. Все замолкают. Тоже собираются у окон, смотрят наружу.

Пятерых подростков ведут по улице еврейские полицаи Берл Фоссель и Гершон Цейтлин.

– В санатории... – говорит сам себе Залман, не то утверждая, не то спрашивая.

– В санатории... – подтверждает Янкель, стоящий рядом.

Шабтай говорит толпе:

– Души на небесах ждут свои тела. Мы должны успеть женить всю молодежь... всех подростков начиная с тринадцати лет.

Во дворе скотобойни привязано несколько лошадей. Хаим-Иисус ведет лошадь в забойный цех. Одна из лошадей медленно выходит со двора.

Бремер появляется во дворе. Видит уходящую лошадь, догоняет ее, возвращает, привязывает.

Хаим выходит из цеха во двор. Бремер идет к нему и без предупреждения начинает его избивать.

– Привязывай лошадей! Сколько тебе говорить, урод!

Подъезжает машина Данцвайха. Бремер продолжает избивать Хаима.

– Привязывай! Привязывай!

Данцвайх быстро пересекает двор, не обращая внимания на избиение. Бремер замечает его, только когда тот входит в цех. Бежит за хозяином вслед.

Маленький закуток в забойном цехе. Данцвайх и Грунис сидят за столом. Бремер стоит рядом. Данцвайх говорит Грунису:

– У него другое имя сейчас... Приезжие... молодежь... нигде не числятся, фамилии не используют... или меняют, так легче затеряться в этом огромном городе... не найдут... а имена меняют, конечно... (*Длительная пауза.*) Когда вы уехали из Гнезно?

– В 1932-м.

– Тогда Хаиму было шестнадцать. Когда мы расстались с Дворой, ему было двенадцать... Ты его должен помнить лучше. Как он выглядел?

– Да вроде ничего особенного... Но вот там глубоко у горла пятно на языке, – Грунис показывает язык, – если далеко вытянуть, – показывает пальцем. – Слева. Он все время дразнил меня.

Смеется.

Уходя, Данцвайх говорит Бремеру:

– Я его забираю. Сними ему комнату. Купи одежду. Дай немного денег.

Синагога на Вальской. Перед ней небольшая мощеная площадь в окружении старых каменных домов. От площади лучами расходятся три улицы.

Перед синагогой пять свадебных балдахинов. К ним стоят две очереди: одна из женихов в черных костюмах и белых рубашках, вторая из невест в белых платьях и фатах. Это совсем еще маленькие мальчики и девочки – подростки двенадцати, тринадцати, четырнадцати лет. Они торжественны и испуганы. Родители стоят рядом с ними, и матери держат своих дочерей за руки.

Вокруг родственники, друзья. Старики, «опознаватели» Мессии – Янкель, Залман, Хуна, – тоже здесь.

Шабтай и другие раввины сосредоточенно и быстро проводят хупы – свадебные церемонии.

В очереди женихов худой серьезный Арон Кон, рядом его отец, начальник еврейской полиции Иосиф Кон. Жена Иосифа Кона стоит возле их дочери – невесты Сары.

Издали слышится мерный стук копыт по мостовой, и к шатрам свадебных балдахинов приближается белая лошадь.

Новобрачные, забыв о церемонии, разом поворачиваются к лошади, которая идет меж хупами-балдахинами. Дети окружают лошадь, гладят ее.

Хаим-Иисус прибегает запыхавшись. Набрасывает на лошадь петлю.

– Ну куда же ты, ну куда? – отчитывает он лошадь ласково, тихонько развора-

чивает ее, собираясь уводить. – Вы не узнаёте меня? – спрашивает по-арамейски Шабтая, стариков, всех. Шепчет заговорщически детям, улыбаясь смиренно, но и безумно-надменно: – Я ведь обещал, что вернусь. Теперь все будет хорошо. Я уже знаю, где искать льва...

Уходит с лошадью.

Хуна и Залман смотрят на Хаима-Иисуса, и Янкеля словно осеняет:

– Это Он! Не здесь будь помянут... – говорит со страхом. – Он снова... во второй раз...

– Нет! – говорит Мойше. – Второго раза не бывает.

Янкель молчит в задумчивости какое-то время, потом продолжает, размышляя вслух:

– Ты думаешь? Может быть... Он же действительно пришел не ко всем, а только к слепой лошади Кофмана. Но ведь… и к самому Кофману тоже немного... Да-же не немного, а вообще… Но...

– Что ты несешь?! Это же другая лошадь... У Кофмана была черная, – говорит Хуна раздраженно, обрывая друга, и тот послушно замолкает, глядя вслед белой лошади.

Церемония заканчивается, и женихи и невесты стоят уже попарно у входа в синагогу. Раввины заканчивают последнюю хупу, и все устремляются в синагогу.

Рав Шабтай стоит на биме в центре синагоги. Молодожены теснятся перед ним.

Данцвайх входит с Грунисом и теперь без шпиков. Они смотрят на Шабтая, но взгляда на нем не задерживают. Глядят по сторонам. Протискиваются меж людьми, всматриваются, ищут...

Шабтай смотрит на прекрасные детские лица молодоженов, уставившихся на него.

– Наша сегодняшняя недельная глава – «Насо». – Шабтай с высоты оглядывает толпу, теснящуюся от стен к биме. – «Во все дни, на которые он посвятил себя в назореи Господу, – читает из Торы, – не должен он подходить к мертвому телу: прикосновением к отцу своему, и матери своей, и брату своему, и сестре своей, не должен он осквернять»... – останавливается, поднимает глаза на слушающих его. – Почему не написано «сын и дочь», а написано «мать и отец»? – ждет немного, продолжает: – Мы мало любим наших родителей. Любите родителей своих, пока живы, ибо не дано вам будет после смерти обнять их, и плакать, и каяться. И будет это вам наказанием за нелюбовь вашу, и холодность, и жестокость. – Шабтай начинает плакать. – Папа мой… Папа мой любимый… – говорит, спускаясь с бимы, подходит к какому-то старику, берет его за руки. – Папа мой… Папа мой любимый…

Старик пугается и тоже начинает плакать.

Шабтай идет дальше. Подходит к Данцвайху. Обнимает его.

– Прости меня, вернись ко мне, я не могу без тебя и никого не люблю после тебя.

Данцвайх высвобождается. Ему неприятен Шабтай.

Шабтай настороженно смотрит на Данцвайха, перестает плакать.

– Я мало плакал по папе и маме, – говорит он Данцвайху, отворачивается от него, идет дальше. – Поэтому Бог оставил нас: я слишком мало плакал по папе и маме своим.

Его натура невероятной мощи и экзальтации. Слезы, пение, рыдания, хохот, истерика, шепот...

Грунис медленно ходит по синагоге, ища своего двоюродного брата.

Шабтай поднимается бегом на галерею, где находятся женщины – несколько старух и их маленьких внучек, – и, пугая многих, в рыданиях начинает переходить от одной к другой, обнимая и плача.

– Прости меня, мама моя, прости меня…

Он плачет о недоданной любви к своей матери так исступленно, что все старухи и внуки рыдают и плачут вместе с ним.

– Никто после вас не любит меня, только Всевышний мой на Небесах.

Шабтай опускается вниз.

Данцвайх видит в толпе молодого улыбчивого мужчину лет двадцати восьми в серой шапке, и тот мгновенно приковывает его внимание. Данцвайх неотрывно смотрит на него. Но кто-то заслоняет парня, и Данцвайх на время теряет его из виду, пробирается в его сторону, но, подойдя, не находит его. Быстро смотрит по сторонам и видит его совсем рядом, сидящим за столом рядом с Янкелем. Данцвайх останавливается у него за спиной. Стоит. Вместе со всеми следит за Шабтаем.

Шабтай берет Тору, прижимает ее к груди.

– Только ты моя любимая. Только тебя и Всевышнего моего на Небесах люблю, но как прильнуть к Нему, как обнять Его, как поцеловать Его руки, Его губы… И только тебя могу обнять, тебя. Целовать тебя, ты – это Он… Она – это Он. Она – это Он!!! – Это открытие его ведет дальше. – Это ее тело. Ее кровь. И сердце трепещет от моих объятий. Какая теплая грудь и нежная кожа…

В его безумии что-то женоподобное, болезненно-сексуальное в его плаче, шепоте… Останавливается вдруг, мрачнеет, что-то тяжелое, отталкивающее, мрачное исходит от него…

Данцвайх, отвлекшись на Шабтая, снова теряет «сына»: место, где тот только что сидел рядом с Янкелем, пусто.

– Где он? – спрашивает у Янкеля.

– Кто?

– Он только что сидел рядом… вот здесь! Улыбчивый такой… в серой шапке.

– Не знаю.

Данцвайх смотрит по сторонам, снова бросается на поиски.

Шабтай продолжает, обнимая Тору:

– И это моя хупа с Торой, – говорит и замирает торжественно.

Все молчат, смотрят на него.

Он приходит в себя и еле слышно добавляет, обращаясь к новобрачным:

– Миллионы душ на небесах ждут, чтобы мы дали им воплощение. В ваших детях и моих детях. Господь удостоил нас успеть предоставить тела для лучших из них. И вы дадите детей на земле, а я на небесах с моей возлюбленной.

Прижимает к себе Тору еще сильнее.

Янкель подходит к нему и шепчет на ухо, чтобы никто не слышал:

– Ты Мессия?

– Я люблю Его, – говорит Шабтай себе, а не отвечая Янкелю. – Он – как мама и папа мои.

Парень пропал, и Данцвайх быстро ходит по этому безумному собранию, заглядывая каждому в лицо… Но парня нигде нет. Данцвайх взбешен. И уже бросается к Шабтаю.

– Я ищу… мне нужен Хаим Либеншток из Гнезно, ему двадцать шесть лет…

Шабтай тупо смотрит на него.

– Я ищу… его! – яростно набрасывается Данцвайх на Шабтая, который ему очень неприятен. – Хаим Либеншток из Гнезно, ему двадцать шесть лет… Я ищу его!!!

Шабтай не может выйти из транса. Медленно, тихо говорит, слепо озирая толпу:

– Эти люди – евреи…

Данцвайх отходит от Шабтая. А толпа все плотнее сжимается вокруг Шабтая и ловит каждое его слово. Янкель склоняется к нему, снова спрашивает:

– Это ты?

– Нет.

– Когда? Когда Он придет?

– Я еду к Нему.

Янкель молчит, ждет.

– Я еду к ...еру...

– Что он сказал? К кому? – к Шабтаю склонились еще несколько человек, кричат не то ему, не то обращаясь друг к другу: – К кому? К кому?

– К м...у... к схлт... еру... – Шабтай шепчет какое-то имя, но так тихо, что невозможно понять, что это за имя. – Он передает мне власть. Я получаю у него власть над миром...

– К Гитлеру? – говорит негромко кто-то.

– К Гитлеру! – подхватывает другой.

И уже Янкель сообщает остальным громко и официально:

– Он едет к Гитлеру! Забрать у него власть!

– К Гитлеру! К Гитлеру! Он забирает у него власть!

Улица гетто. Трое немецких полицейских во главе с офицером ведут пять пар сегодняшних молодоженов. Четыре пары в обычной, видимо, наспех наброшенной одежде, пятая все еще, как и была, под хупой: он в костюме, она в белом свадебном платье с фатой. Дети держатся за руки.

Иосиф Кон, начальник еврейской полиции, и немецкий офицер Дитрих Хоффер идут позади. Кон говорит что-то офицеру восторженно, тот дружески кивает в ответ. Кон боготворит немца и счастлив от близости к верховному существу, заглядывает ему в глаза с ужасом и смиренным восхищением.

– Это мои. Это Сара, а это Велвл... – Кон бежит, указывая на девочку в одной паре и мальчика в другой. – Это мои. Вот эти. Им больше десяти! – Возвращается к Хофферу. – Им больше десяти! Саре двенадцать, а Велвлу тринадцать! Вам ведь не нужны дети старше десяти! Не нужны?!

– Мы разберемся. Разберемся.

– Вы обещали. Вы обещали.

Хоффер приобнимает Кона, широко улыбается, кивая. Иосиф не в силах перебороть эту улыбку и улыбается офицеру в ответ. Замолкает. Так они и идут. Офицер обнимает Иосифа. Иосиф заглядывает тому в глаза своими безумными счастливыми, плачущими глазами.

– Моему завтра тринадцать. Бармицва.

– О! – улыбается немец. – Совершеннолетие!

Шабтай стоит перед молчащей толпой в синагоге. Ученики, реагирующие на каждое его движение, преданно и рабски смотрят на него.

Залман в сопровождении Хуны и Янкеля приносит стакан кипятка, ставит перед Шабтаем. Он берет стакан, подносит к губам, делает короткий глоток. Толпа делает глоток вместе с учителем.

Данцвайх и Грунис смотрят по сторонам, но не смеют нарушить это торжественное «стояние».

Шабтай говорит тихо:

– Свершилось.

Толпа вслушивается в этот громогласный шепот.

– Гитлер передает мне власть.

В дальних рядах кто-то спрашивает у соседа:

– Что он сказал?

– Он объявил Гитлера низложенным с этой минуты!

– Что?

– Сейчас же едет принять из его рук власть над миром!

– Гитлера?

– Да.

Данцвайх по-прежнему ищет вчерашнего парня, медленно пробираясь в толпе.

– Не видали? Улыбчивый такой... в серой шапке?

– Нет.

– Хаим, Хаим Либеншток...

– Нет, не знаю...

Шабтай говорит торжественно:

– Провозглашаю Царствие Божие на земле! Землю Польши, Белоруссии, Германии, Венгрии, Франции... разделяю на двадцать шесть царств и назначаю двадцать шесть царей, которые будут править миром.

Шабтай садится за стол. Помощники подносят чернильницу, ручку. Подают «Приказы по Царствам». Он читает первый приказ:

– Реб Беньямин Шломо Пинсон.

Пинсон выбирается из толпы, подходит к столу Шабтая.

– Удостоверяет названного во владении землей 1-го царства. Графство Лита, включая Вильно, Ковно, Лемберг и восточную Померанию…

Шабтай подписывает приказ, вручает его Пинсону.

Грунис осматривается по сторонам. Шабтай все более приковывает его внимание. Грунис пробирается к нему сквозь плотную толпу.

Шабтай вызывает следующего:

– Реб Герцель Борух Шлайн.

Шлайн подходит к нему.

– 2-е царство. Бессарабия с землями западного Днестра.

Подписывает приказ. Шлайн забирает его.

– Реб Тувия Иосиф Гиттельман…

Гиттельман подходит к столу.

Данцвайх ищет «улыбчивого в серой шапке».

Шабтай заканчивает раздачу царств. Чернильницу, ручку, бумаги забирают со стола. Шабтай делает глоток кипятка. Встает. Говорит внимающим ученикам:

– Вас оставляю на время. Ждите.

Направляется в соседнюю комнату в сопровождении свиты, но Залман бросается к нему и спрашивает:

– И все сбудется?

– Все изреченное Господом. Все до последнего слова.

– И оживут мертвые?

– Все, которые жили. И войдет в них дыхание жизни, и оживут.

– И станет мир?

– Поглощена будет смерть навеки, и ототрет Господь слезы со всех лиц.

– И волк будет жить вместе с ягненком?

– Да, – отвечает Шабтай.

– И маленький мальчик поведет их?

– Да.

– Куда? Куда им уже идти?

– Познавать Господа.

– Как маленький мальчик.... – смеется Залман, – может познать Господа... или волк и ягненок?

Залмана пытаются одернуть, прервать, но Шабтай терпеливо продолжает:

– Наполнит Господь землю собой, как море водами. И станут все одним, и маленький мальчик, и волк, и ягненок, и Господь, и ты, и я. И не будет вражды ни между людьми, ни между животными.

Залман успокаивается. Шабтай уходит.

– И кем я буду? – говорит Янкель Залману.

Залман смотрит на друга недоуменно. Янкель продолжает, повторяя Шабтая: «И станут все одним, и маленький мальчик, и волк, и Господь, и ты, и я», – замолкает, потом продолжает: – И кто буду я? И лев, и мальчик, и ты? И Господь?! Я не хочу».

Грунис подходит к Данцвайху.

– Это он.

– Кто?

– Он, – показывает на Шабтая. – Хаим.

Данцвайх «не слышит» Груниса: он не хочет, чтобы Шабтай оказался его сыном.

– Ты не видел... улыбчивый такой... – Данцвайх сам улыбается, – в серой шапке?

– Нет, – говорит Грунис.

Платиц сидит за столом в своем кабинете, пересчитывает деньги.

– Каждый лишний день спокойствия... – говорит ему Данцвайх. – Мы удержим розничные цены еще на неделю. И кузницы на Скрольской и Стрешне вот-вот уйдут по хорошей цене.

Платиц убирает деньги со стола в сейф.

– Ну хорошо, хорошо, он, этот твой раввин... Мессия... уедет так, как ты... как он хочет. Два дня я тебе даю еще... Но имей в виду, у меня график и я не могу откладывать бесконечно... – Возвращается к разговору более важному, видимо, ранее прерванному: – Да... кузницы на Скрольской и мебельные цеха на Стрешне?

– Остались только они, их тоже можно продать, но нужно разрешение на работу в гетто рабочих с арийской стороны.

– Сколько и когда?

– Семьдесят человек в течение трех дней.

– Хорошо. Договаривайся.

– И тогда у нас останутся только короткие бизнесы, которые мы сможем держать до самого конца.

Гетто. Торжественная процессия. Шабтай едет к Гитлеру. Потрясающее зрелище! «Опель» с открытым верхом медленно едет по центральной улице. На заднем сиденье стоит невозмутимый Шабтай. Толпы на тротуарах. Безумная экзальтация, восторженные крики, обмороки, счастье...

Еврейские, литовские, польские полицейские, немецкие солдаты стоят по обочинам в карауле, сдерживая толпу.

Параллельно «Опелю» едет та же пара трамваев, и между ними сцеплен товарный вагон. В вагоне, по случаю события открытом в сторону «Опеля», обезумевшие от счастья ученики Шабтая, старики, ешибохеры...

Небольшая свита бежит за «Опелем», прилипнув к нему.

– Это «Опель» коменданта! – кричат из толпы.

– Это «Опель» Гитлера! Он прислал его за ним!

Процессия сворачивает на Гандлёвую площадь перед воротами – границей гетто. Вокруг площади тяжелые пяти- и шестиэтажные дома. Со стороны гетто большая часть квартир с разбитыми окнами пустует, в некоторых, жилых, горит свет.

Немецкие солдаты открывают ворота. Свиту пропускают в «крайнем почтении». Закрывают ворота за Шабтаем, отсекая основную толпу. Облепив ворота, толпа видит, как «Опель» Шабтая беспрепятственно едет по арийской стороне города и скрывается вдали.

Кабинет председателя Общества по борьбе со спекуляцией. Свита Шабтая, семь человек, ждет в коридоре под дверью.

Перед Данцвайхом рав Шабтай. Он не понимает, где он, что с ним. Сбоку у окна стоит Грунис.

– Не бойся, не бойся, – говорит Шабтаю Данцвайх. – Я не сделаю тебе ничего плохого... Ты не знаешь Хаима, Хаима Либенштока?

– Нет, – выдавливает Шабтай.

– Ты из Гнезно?

– Нет.

Данцвайх подходит к нему вплотную.

– Ты меня не узнаешь, Хаим? Я твой отец. Хаим, ты меня знаешь?

Шабтай как-то так поводит головой, что непонятно, «да» или «нет».

– Пусть он покажет язык, – говорит тихо Грунис.

Данцвайх спокойно смотрит на Шабтая, говорит:

– Это не он.

Марк Шагал. «Автопортрет с часами. Перед распятием». Фрагмент. 1947

Дает знак полицейским, и Шабтая выводят.

Шабтая и всю его свиту усаживают в товарный вагон между трамваями, закрывают двери и увозят...

Поздний вечер через три дня. Янкель, Залман, Хуна идут по улице... Они печальны, подавлены. Проходят мимо магазина готового платья. На высоких консолях вывешены на продажу мужские костюмы. Навстречу им идет мужчина лет пятидесяти. Широкий шаг, трость. Щеголеватый, одет с иголочки, напевает что-то себе под нос.

Костюмы широко развеваются на ветру, и один из них рукавом бьет мужчину по лицу. Разгневанный, он вбегает в магазин, расталкивая стариков. В магазине требует хозяина и, когда тот появляется, дает ему оплеуху. Успокоенный, выходит из магазина.

Старики, пораженные и сценой, и внешним видом незнакомца, как по команде поворачиваются и смотрят на него. Янкель машинально делает несколько шагов вслед незнакомцу. Друзья за ним... Незнакомец идет быстро. Старики спешат за ним, но отстают, и тот уже далеко.

Какой-то мужчина, кажется, мертвый, лежит на тротуаре. Старики проходят мимо, а «мертвец» встает на ноги. Уходит. Янкель останавливается пораженный.

– Он ожил! – говорит Янкель.

Старики продолжают путь.

– Он пролежал три дня! – продолжает Янкель.

Старики останавливаются.

– Вы же знаете! Он был мертвый! – Янкель бросается вслед ожившему.

– Это же Абрам с Подгузной! – говорит Хуна. – Он даже Раши прочесть не может...

Янкель останавливается.

– Но он же был мертвым целых три дня, ты сам видел! Мы все видели!

– Лошадь... если поедет в Париж... Если в Париж поедет лошадь, из Парижа вернется тоже лошадь... – говорит Хуна.

Янкель смотрит на удаляющуюся фигуру.

Старики уходят, и Янкель тоже нехотя плетется за друзьями.

Глава 2. Яков

Поздний вечер. Яков с дочерью Евой идут по улице в дальний конец гетто. Останавливаются. Он обнимает, целует свою дочь в губы долгим поцелуем, как мужчина любимую женщину.

Старики, выйдя из переулка, натыкаются на парочку. Прячутся. Выглядывают осторожно, потрясенные.

– Это же его дочь!

Яков и Ева медленно уходят, не заметив стариков.

С уст Янкеля готово сорваться: «Мессия», но он молчит, в оцепенении делает несколько шагов.

Старики крадутся за Яковом и Евой. Те входят в костел.

Старики подходят к костелу. Возле двери груда стульев, стопки книг, ящики, стендеры... Несколько человек вносят все это внутрь. Молча суют старикам в руки по стулу и по книге, и они присоединяются к веренице грузчиков.

Заброшенный костел на границе гетто. В стене зияет дыра от прямого попадания снаряда. Все покрыто слоем пыли, штукатурки, мелких осколков кирпичей. Все скульптуры, мебель, лавки накрыты материей от пыли. Ученики рава Якова – все в головных уборах, бородатые, с пейсами – евреи в костеле, – убирают камни, наводят порядок... Выносят мусор. Моют стены, полы.

Рав Яков подходит к Распятию, стягивает с него материю. Идет дальше, также обнажает скульптуры апостолов, Девы

Марии, ангелов... Дает команду, и ученики начинают мыть скульптуры.

Йосл моет Деву Марию, потом, устыдившись, тихонько откладывает тряпку, идет переносить мусор. Ева берет тряпку, моет Деву Марию.

Янкель, Мойше, Хуна и скептичный Залман ходят и рассматривают все вокруг со страхом, волнением, любопытством.

Яков выходит в боковую дверь. Старики за ним.

Просторная комната. Входят старики. Садятся в уголке. Сам рав Яков сидит и молча наблюдает за учебой.

За столами человек тридцать евреев. Мужчины и женщины отдельно. С женщинами занимается настоятель монастыря ксендз Якуб Горчица, с мужчинами – ксендз Ежи Урбан. Они читают евреям Евангелие и комментируют некоторые места. Рав Яков по-царски наблюдает за занятиями...

Учеба заканчивается, ксендзы подходят к Якову, прощаются. Уходят.

Комнатка в притворе. Данцвайх и Яков с дочерью.

– Его зовут Хаим Либеншток, – говорит Данцвайх.

Яков молчит.

– Ури Ротт, он сейчас Ури Ротт, – добавляет Данцвайх. – Я хочу видеть его.

– Ури Ротт... – припоминает Яков. – Он не из Гнезно?

– Из Гнезно.

Яков хохочет самодовольно.

– Да! Иногда мне кажется, я знаю всё, вообще всё! Да, да... –успокаивается он. – Но у него другое имя. Уже давно.

– Я хочу видеть своего сына, – говорит Данцвайх жестко.

Но Якова это никак не впечатляет.

– Ты хочешь спасти сына. Это вполне понятное желание отца с такими возможностями.

Молчат.

– Отдай мне сына. И я переправлю тебя с дочерью в любую страну, которую ты назовешь.

Яков снова хохочет.

– Вы меня спасаете, пан Данцвайх! Ха-ха-ха!!!

Данцвайх медленно встает и начинает избивать Якова.

Тот, всякий раз поднимаясь с пола, встает перед Данцвайхом и спокойно, презрительно смотрит ему в глаза, и Данцвайх понимает, что Яков сильнее и он ничего с ним не может сделать. Данцвайх снова садится.

Яков вытирает лицо от крови, садится тоже. Смотрят друг на друга.

– Чего вы хотите? – говорит Данцвайх.

– Вы делаете паспорта мне и моей дочери и еще двадцати четырем моим ученикам, и я отдаю вам сына.

Данцвайх встает, чтобы уйти.

– И, пан Данцвайх. Чтобы вы не думали, что вы меня облагодетельствовали... У меня есть и без вас надежные варианты на арийской стороне... – Яков держит паузу, потом продолжает: – Ну и... из моего к вам расположения: если вы узнаете вашего сына с... трех, скажем, попыток, я отдам его вам до паспортов, – говорит он по-барски. – Полагаясь лишь на ваше слово...

Костел. Яков ходит перед толпой. У него кобура с пистолетом на поясе. В руке тяжелый стек.

Здесь старики Янкель, Залман, Хуна.

Данцвайх держится настороженно и отстраненно: слишком все необычно. Посматривает на собравшихся и не спешит, он ведь знает: его сын здесь и он его найдет. Но у него всего три попытки.

Яков останавливается возле Распятия.

– Это Его второе пришествие. Он убил своего отца и теперь пришел уби-

вать нас. Наш Бог Иегова – убийца и предал нас в руки убийце – Иисусу Христу! – Яков отходит от Распятия. – Через неделю мы станем христианами… Как и он, мы уходим от еврейского бога, отрекаемся от своих любимых и убиваем их вместе с Христом. И станем хуже наших убийц: самыми грешными и самыми ничтожными. И пожалеет нас Добрый Бог, и свергнет наших убийц Иегову и Иисуса, и все начнется сначала: и полюбят нас все, и мы полюбим всех! И перестанем быть притчей во языцех и проклятием между народами!

Садится на возвышении пресвитерия.

Реб Кальман, маленький сутулый сухой человечек сорока лет, подходит к нему.

– Если бы Добрый Бог ждал самого ничтожного, он бы давно пришел к тебе! – весело говорит Кальман.

– Ха-ха-ха! – смеется Яков, и смеются следом все в костеле. – Да, да, да!!!

Яков позволяет Кальману всё и с удовольствием ждет продолжения. Кальман бежит от пресвитерия вниз в толпу и поворачивается к Якову.

– «И перестанем быть проклятием между народами, и полюбят нас все!» – передразнивает он Якова. Смеясь, перебегает от одного старика к другому, словно представляя каждого Якову: – И меня! – Подходит к ребу Янкелю. – Хотя я глупый и трусливый! – Перебегает к ребу Шае. – А я некрасивый, толстый, гадкий. – Потом к ребу Йослу. – Я жадный! Я глупый и жадный! – Потом к следующему: – Фу, как смердит! И к тому же я вор! Разве можно меня любить?! – Возвращается к Якову. – Но ты, конечно, их любишь! Нет!? Ха-ха-ха! Лживая душа! – Поворачивается к толпе. – А я – нет! – Показывает на толпу внизу. – Не за что!!! Как можно их любить?! – Подходит к Якову. – Чью же любовь ты призываешь? – Бежит к окнам, показывает куда-то наружу. – Их? – Молчит, и замолкают все на мгновение. – Я не хочу. Их любви я не хочу!

– Ха-ха-ха! – смеется Яков восторженно и искренне. – Хорош! Нечего сказать!

Все смеются.

– И я не хочу, – говорит кто-то из толпы.

– Что?! – спрашивает Яков.

И все замолкают.

– Я тоже не хочу их любви, – повторяет Шимшон.

Яков встает, вытаскивает пистолет, идет в расступающуюся в страхе толпу. Подходит к Шимшону с пистолетом в опущенной руке.

– И этого я тоже не хочу, – говорит ему Шимшон, показывая на стены костела.

– Мой мальчик, – Яков приклоняет его голову себе на плечо и обнимает. – Ты не можешь хотеть или не хотеть чего-то без меня.

Шимшон выдыхает, плечи его опускаются, лицо разглаживается, и он закрывает глаза. Яков стреляет ему в грудь.

К мертвому Шимшону, по-деловому привычно, подбегают четверо человек и уносят тело. Яков возвращается к пресвитерию, Кальман следом, словно ничего не случилось.

– Любить человека! Кто придумал это?! Кто это может? Только Он. Только Он может любить человека. Его и надо любить… – Кальман убегает, прячется в нишу. – Меня надо любить! – громко кричит невидимый Кальман.

Яков оборачивается на звук, но никого нет, а только эхо под сводами костела.

– Меня надо любить! – крик повторяется уже в другом месте, и неожиданно перед Яковом снова возникает Кальман.

Кальман, и без того малюсенький, сейчас, как-то по-шутовски подобострастно сгибаясь, и вовсе превращается в карлика. Он размахивает вечно зябнущими руками в неизменных в любую погоду

шерстяных красно-черных варежках, замотанный вокруг шеи длинный черный то ли шарф, то ли кусок материи волочется по земле. Яков по-королевски смеется и наслаждается своим шутом. Кажется, Якова ничто не может пронять.

– Ты бежишь к ним не за любовью, а от страха, – хихикает Кальман тихонько уже на ухо Якову. – А остаешься с этими недоумками.

Яков хохочет. Манит Кальмана, тоже шепчет ему на ухо:

– Да, я с этими негодяями, недоумками и отребьем... Потому что они со мной, негодяем и лжецом! – Яков берет Кальмана за ухо и больно его крутит. – И Он придет к нам!!! И тогда уже я надеру тебе уши всерьез!

Пригибает «шута» за ухо к земле. Хохочет.

Ночь. Яков поднимается на крышу высокого дома. Колокольня монастыря. Яков садится на стул. Еще один пустой стул рядом.

Старики внизу пытаются карабкаться на лестницу, помогая один другому, но не могут. Садятся под стеной, ждут.

Яков сидит на крыше под звездным небом. Далекий бесконечный мир за стеной гетто. Огни недоступного города. Музыка из парка. Чертово колесо вертится прямо перед ним, и, кажется, можно рукой дотянуться до беззаботных мужчин и женщин, на качающихся скамейках плывущих в небо, и он слышит их голоса и смех.

Но он заперт, унижен. Он в гетто. Он! Свободный человек! Он, величественный и единственный!

Опускается вниз по внешней лестнице на огромной стене.

Старики загодя уходят из-под лестницы, не попадая Якову на глаза. Потом крадутся за ним.

Поздний вечер. Длинный деревянный барак. Паства Якова сидит на стульях, на подоконниках. Те, кому не хватило места, стоят.

Данцвайх у боковой стены: так удобнее высматривать людей.

Яков стоит за дочерью, держится за спинку стула, на котором она сидит.

– Спасемся только я и моя дочь. И те, кто последует за нами. – Яков ходит перед учениками, они смотрят на него во все глаза, и его экзальтация и сила возбуждают их. – И придем к Доброму Богу, который сегодня творит новую землю и новых людей, и будете первыми. Первым Адамом и первой Евой!

Данцвайх забывает о поисках, не спускает глаз с Якова.

Яков останавливается перед дочерью. Смотрит на нее безостановочно, словно впадая в транс.

– Добрый Бог, Демиург и Дева Шхина... это одно. Демиург – это Первопричина всего, Абсолют... Дева, Дева Шхина – это Божественное присутствие, Дух Святой. Дева – это женское в Боге... И Он любит меня. Добрый Бог любит меня... – Яков становится на колени перед дочерью, сидящей на стуле. Начинает целовать ее, ласкать. – Дева – это Шхина... Бог. Это Добрый Бог, Дева – это Добрый Бог... это Добрый Бог в Боге... – заговаривается он все более, не переставая ласкать Еву. – Добрый Бог... Шхина... Дева-Бог любит меня, как моя дочь...

Она закрывает глаза, поддаваясь ему.

Он приходит в себя:

– Все свободны! – резко обращается к пастве. – Братья и сестры, останьтесь.

Все выходят из синагоги. Остаются двенадцать мужчин и двенадцать женщин. Яков смотрит на Данцвайха, легким кивком головы позволяя ему остаться.

Толпа выходит в большущую комнату барака, люди рассаживаются за столы. Многие забиваются в угол, скучившись, прижавшись друг к другу, сжавшись в единое

целое, словно спасаясь от одиночества, страха, неопределенности. Комната становится еще больше и пустыннее. Кто-то учится, кто-то сидит безучастно, кто-то тихо разговаривает.

Старики, печальные, сидят под стеной барака. Они не знают, что делать, куда идти.

– Рав Яков спасет нас. Добрый Бог уже в пути, – говорит Янкель.

– Он свинья, – перебивает его Хуна.

Молчат.

– Он говорит, они с дочерью Абсолют… – Янкель сомневается, спрашивает: – Он говорит: «Она Божественное присутствие… Шхина…»?

– Она проститутка, – говорит Хуна.

Молчат.

– Тот мамзер, которого она родила и отдала своей бабке Хасе-Берте, наверное, от него.

– Он говорит, женщина может быть Мессией, – не сдается Янкель. – Так написано у Барахьи Руссо.

Молчат.

– Женщина главнее, чем Мессия. Иначе у кого бы он спрашивал совета? – говорит Янкель.

В центре барака длинный грубый стол с лавками. Двенадцать мужчин и двенадцать женщин, «братья» и «сестры» рава Якова, его самые близкие последователи, сидят по разные стороны стола: сначала мужчины, потом – дальше – женщины. Вдоль голых стен барака полтора десятка широких лавок-кроватей.

Рав Яков и его дочь Ева сидят во главе стола. На столе перед Яковом пистолет и стек.

Данцвайх здесь же за столом. Его напряжение увеличивается. Он понимает: скорее всего, его сын – кто-то из этих двенадцати мужчин. Они сидят перед ним, и он спокойно и внимательно может рассмотреть каждого.

Давид, служка Якова, с застывшей улыбкой ставит перед каждым стакан. Наливает водку. Они благословляют, выпивают. Давид наливает снова. Выпивают. Яков дает знак, и Шмуэль, сидящий в самом начале стола, сует руку в небольшой глубокий мешок, вытягивает бумажку. Читает:

– Двора.

Двора встает, идет в начало стола, садится напротив Шмуэля.

Давид берет мешок и передает следующему, Симхе. Тот тянет жребий.

– Хана.

Хана встает и садится напротив Симхи.

Давид передает мешок третьему, Гедалье.

– Я не буду, – говорит Гедалья.

– Уходи, – говорит Яков.

Гедалья не шелохнется.

– Я тебя не держу. Уходи.

Снова тишина, все оцепенели.

– Я жду…

Гедалья продолжает сидеть замерев.

Яков берет пистолет, встает. Подходит к Гедалье. Они смотрят друг на друга.

– Я тебя ненавижу, – говорит Гедалья.

– Ну вот! Ха-ха-ха! Ты становишься мужчиной, Гедалья!

– Мы все ненавидим тебя.

– Я знаю, знаю. Хуже было бы, если бы вы любили меня. Я, ты, твое, наше… родственность… Родственность и власть – вот и всё, что есть. Родственность, которая хочет властвовать! Ха-ха-ха! – Яков стоит с пистолетом перед Гедальей. – Уходи, Гедалья. Ты можешь уйти.

Гедалья смотрит на Якова, и, кажется, вопреки словам в его глазах благодарность, ярость… и невозможность избавиться от любви, и мольба о помощи-смерти из его рук.

– Нет, – отвечает Гедалья.

Яков направляет пистолет на Гедалью.

– Это он, – говорит Данцвайх.

Подходит. Встает между Яковом и Гедальей. Яков опускает пистолет.

– Это мой сын, Хаим, – говорит Данцвайх.

– Ты ошибся.

Смотрят друг на друга. Данцвайх отходит. Яков поднимает пистолет. Стреляет в Гедалью. Поворачивается, идет назад к своему стулу.

К мертвому Гедалье бросаются несколько человек, быстро поднимают его и уносят.

Яков уже снова сидит во главе стола. Давид вручает мешок с именами четвертому мужчине. Это Йоэль.

– Дина.

Дина садится к нему.

Пятый мужчина, Менахем, забитый, истощенный человек, вытаскивает из мешка бумажку. Читает.

– Лея, – говорит тихо.

Лея садится напротив. Менахем робко смотрит на нее и неуверенно улыбается. Она взглядывает на него.

За окнами проезжают те самые два трамвая с товарным вагоном между ними. Они оглушительно скрежещут на повороте, и робкий Менахем испуганно отворачивается, закрывает уши, горбится, спрятав лицо.

Яков подходит к Менахему. Ведет его силой к окну. Отрывает его руки от ушей – грохот заполняет все, – заставляет смотреть.

Перед ними медленно проплывает вагон с лицами сквозь щели досок.

– Неужели это интересно, Менахем? – спрашивает Яков спокойно.

Но Менахем весь в зрении и страхе… и не слышит его. Яков неспешно снимает руку с плеча Менахема и резко бьет его наотмашь стеком по лицу. Менахем медленно поворачивается к Якову. Лицо меняется: от ужаса – к блаженной улыбке. Менахем смотрит на Якова с любовью.

По всему лицу косой шрам – от виска через скулу и рот к подбородку – наполняется кровью и заливает лицо.

Яков вплотную подходит к Менахему, улыбается в глаза, гипнотизируя его.

– Там ничего нет. Все здесь, я ведь говорил это много раз. Ты мой самый бездарный ученик, Менахем.

Менахем, кажется, оживает, улыбается Якову в ответ.

– Ну иди, – Яков показывает на сидящих за столом и подталкивает Менахема на место.

Тот идет к столу.

– Стоп! Стоп! Стоп!!! – говорит Яков. – Ха-ха-ха! – смеется он, идет к Менахему, сгорбившись и шаркая ногами, передразнивая его. – Так ты собираешься завоевывать Лею?

Он хохочет. И многие вокруг начинают смеяться. Яков смеется еще сильнее, и хохочут уже все.

– А ну еще раз!

Яков толкает Менахема, и тот идет вокруг стола, стараясь быть увереннее. Яков идет рядом, бьет Менахема по спине.

– Спина ровная! И улыбайся! Улыбайся. Ты сильный, смелый и красивый! – Бьет его по ногам. – Ноги подымай, не шаркай! Ну же!!! Бог послал тебе самую красивую женщину. Как ты собираешься заполучить ее? Кривой улыбкой и горбатой спиной?

Менахема восхищает внимание к нему, он улыбается, ему не больно. С наивной благодарностью смотрит на Якова, на всех смеющихся вокруг, ему хочется сказать что-то хорошее каждому, но он только все более счастливо, восторженно улыбается… и вдруг начинает радостно плакать-рыдать от какого-то неведомого ранее восторга.

Яков усаживает его к Лее.

Менахем перестает плакать, взглядывает на Лею по инерции наивно,

восторженно, открыто. Она на мгновение, улыбаясь со всеми, задерживает на нем взгляд, отворачивается.

Таким образом, все двенадцать мужчин тянут жребий, и выбранные женщины садятся к ним.

Яков смотрит на них долго в торжественном молчании.

– Благословляю вас! И отменяю ваши прежние брачные узы. Вы новые мужья и жены, Добрый Бог только что соединил вас на небесах.

Начинают петь... Все громче. Это уже крик, а не пение.

Данцвайх пьет – напивается – вместе со всеми. Он смотрит на Тевье, сидящего невдалеке за столом.

– Это он, – говорит Данцвайх, но его невозможно услышать в этом пении-крике. – Это он! – повторяет громче, но и это бесполезно. – Это он!!! – кричит, перекрикивая пение.

Все замолкают.

– Это он, – показывает Данцвайх на Тевье.

– Нет, – говорит Яков.

Все встают из-за стола, не переставая петь. Становятся в единый плотный круг, обнявшись за плечи. Танцуют кружась… Поют.

Данцвайх остается за столом один, потом встает и становится в общий круг. Танцует, кружится со всеми. Он по-прежнему переводит взгляд с одного на другого. Ищет... Все поют и танцуют, образовав плотный неделимый круг.

– Это он!!! – кричит Данцвайх, выходя из круга и показывая на Симху.

– Нет, – говорит Яков.

Все продолжают танцевать. Данцвайх в пьяной экзальтации и уже не может остановиться: Яков – вызов для него, Данцвайх не может быть слабее Якова. Данцвайх стоит в центре вертящегося вокруг него кольца тел и лихорадочно всматривается в орущие лица. Бросается в отчаянии к следующему человеку, показывает на него:

– Это он!

Яков останавливается, и толпа останавливается. Перестают петь.

Яков подходит к Данцвайху.

– Это уже четвертый раз.

– Это он! – настаивает Данцвайх и агрессивно бросается к Якову. – Это он!

Яков отворачивается от Данцвайха, дает знак, и толпа мгновенно набрасывается на Данцвайха и начинает избивать его. И мужчины, и женщины бьют яростно, жестоко, пока он без чувств не замирает на полу. Ему связывают руки и ноги и бросают на лавку к дальней стене. Яков начинает снова петь, раскачивая остальных, и вот они снова поют и танцуют в плотном круге...

Первыми от круга отделяются Яков и Ева. Они обнимаются, ласкают друг друга. Следуя им, и другие пары выходят из круга, обнимаются, целуются. Пары недолго задерживаются здесь, уходят на лавки в дальние полутемные углы барака, то ли подчиняясь воле Якова, то ли оставляя его одного с Евой. И те, кто остался в круге, не разбившись на пары, тоже уходят на лавки.

Яков и Ева обнимают друг друга. Она с расстегнутой кофточкой и открытой грудью. Подходят к каждой из «несогласных» пар, и те воспламеняются от воздействия Якова. Давид с бутылкой водки следует за ними.

Вот Ривка и Тевье. Она явно не собирается поддаваться Тевье, сидит напряженная, с неприязнью.

Яков садится к Ривке, и Ева с другой стороны. Яков заставляет Ривку выпить еще, расстегивает ее кофточку, Ева целует ее в щеку, в губы. Яков целует ее грудь, шепчет что-то, ласкает ее...

– Ну смелее, глупенькая ты моя! Ты еще не знаешь своего счастья!

Ривка испугана, растерянна и быстро поддается дьявольским чарам Якова.

Яков передает ее, сомлевшую в его объятиях, Тевье, и она уже отвечает тому.

На другой лавке Менахем и Лея. Он робко пытается ее обнимать, целовать, но Лея никак не реагирует. Яков и Ева подходят к ним, садятся рядом. Яков шепчет Лее на ухо так, чтобы Менахем не слышал:

– Лея, ты ведь была более щедрой и с Велвлом, и с Лейбом, а? А они не особенно-то и… да? А, Лея? Паршивенькие были мужички, но ты бегала к ним от своего Мордки. А Менахем человек. Добрый Бог хочет этого, Лея. Разве Менахем мог чувствовать себя мужчиной со своей Басей? Он мог бы прожить жизнь и не узнать, что такое женщина: такая, как ты! Ты слышишь, что я тебе говорю?!

– Да.

– Он должен быть счастлив. Он хороший человек, очень хороший, это того стоит… Сегодня, сейчас… Это Божеское, поверь мне…

Подходит к следующей паре. Это Пейсах и Фрума. Они тоже молча и неподвижно сидят на лавке.

Яков заходится от хохота и не может успокоиться. Дружески обнимает Пейсаха. Кричит громко:

– Пейсах! И ты туда же! Целочку строишь! Не знаешь, что ли, как ее трахнуть?! Она же твоя любовница! Ха-ха-ха! Все об этом знают, кроме твоей жены! Да?! – Яков поворачивается ко всем вокруг. – Или у тебя вдруг проснулась совесть?! И ты хочешь показать нам, какой ты честный?! Или своей жене Хасе?! Ты боишься, она умрет от ревности и ненависти к тебе! А? Ха-ха-ха! Но она не собирается! Вон она, видишь, у нее все хорошо! – показывет он в сторону. – Ты жил со своей серой мышкой Хасей, скромницей, а смотри, что она вытворяет сейчас с Рувеном! Хочешь посмотреть? Ты не знал в ней такой прыти, а?! Ха-ха-ха!

Яков подходит к Берте и Гиршу, которые держатся за руки, прижавшись друг к другу и оцепенев. Говорит Гиршу: – Берта твоя сестра, родная сестра и досталась не тебе. Хотя ты любил ее всю жизнь и хотел только ее. И сейчас Бог, Добрый Бог и я, я! Даем тебе твое желанное счастье! Добрый Бог хочет этого! Это прелюбодеяние и грех?! Да, да, да! Но это и любовь, и счастье.

Он заговаривает, «заводит» Берту, раздевает медленно, она повинуется ему… и вот она уже в руках у Гирша.

Яков уже у другой пары.

– Я все знаю, Хана. Но мы обо всем договорились. Что бы ни случилось… Ты хочешь мне сказать сейчас, когда камни падают на землю с неба… Нет! Добрый Бог вот-вот придет на землю, и мы счастливы, Хана! Понимаешь! Нет ничего, что заставит нас печалиться! Ничего! – Яков встает, кричит громогласно куда-то наверх: – Я!!! Я с вами! Мы счастливы! Мы свободные, счастливые, мы любим Доброго Бога!

Несколько человек вокруг, а потом остальные, подчиняясь, начинают кричать, выть, рыдать с ним вместе. Он раздевается сам, раздевает Еву. Все раздеваются следом.

– Я, Мессия, и моя дочь, Дева Шхина, соединившись, возродим умершего давно Демиурга. И вы! Вы создадите весь мир! И Добрый Бог придет на землю! – Яков обнимает свою дочь, нашептывает, совращая, как незнакомую, чужую «грешную» женщину: – Ты шлюха, грязная шлюха… И мы создадим новый род, который объединит народы.

Они занимаются любовью… И все в бараке тоже.

Пьяный Давид спит за столом, не выпуская из руки бутылку. Связанный Данцвайх спит на лавке.

Раннее утро. Сумерки едва рассеиваются. Все спят на лавках…

Мертвая женщина лежит на полу у дальней лавки, еще дальше у стены двое повесившихся мужчин.

Данцвайх, положив голову на связанные руки, по-прежнему спит на лавке.

Яков просыпается, встает. Одевается. Накрывает спящую дочь. Медленно обходит барак. Видит мертвых. Идет к Данцвайху. Развязывает ему руки и ноги. Идет к повесившимся.

Данцвайх идет за Яковом. Сообща снимают одного висельника, кладут на пол. Входят Бремер и следом, под его прикрытием, три старика: Янкель, Хуна, Залман. Они тихонько садятся в углу, и Яков не обращает на них внимания. Бремер подходит к Данцвайху.

– Поляки ждут тебя в мебельном на Стрешне. Они готовы покупать на наших условиях.

– Я сейчас, – отвечает Данцвайх.

Бремер выходит. Яков и Данцвайх снимают второго висельника. Кладут на пол. Мертвую женщину тоже переносят к ним, укладывают рядом. Садятся над мертвецами. Яков закуривает сигарету. Вспоминает о Данцвайхе, дает сигарету и ему. Курят оба.

– Счастливые люди, – говорит Яков, глядя на мертвецов.

И Данцвайх, кажется, понимает его. Понимает ли? Молчит.

– И это – я, – говорит Яков.

Входит Бремер.

– Они хотят купить сегодня всё: и мебельные на Стрешне, и кузницы на Скрольской. До девяти часов. Мы должны ехать прямо сейчас.

Данцвайх молчит.

– Завтра это будет в три раза дешевле, – настаивает Бремер.

– Жди там, – говорит ему Данцвайх. – И сюда больше не входи.

Бремер выходит. Яков и Данцвайх курят над мертвыми.

– Он ведь недавно у тебя? – пытается заговорить о сыне Данцвайх.

Яков поворачивается к нему и, кажется, впервые смотрит ему в лицо. Вспоминает.

– Недавно...

Молчат.

– Он хороший, добрый человек... – добавляет Яков.

Прорубь во льду замерзшей реки. Вся паства рава Якова – не только его ближайшие «братья и сестры» – принимает крещение. Ксендзы Якуб Горчица и Тадеуш Ростворовский стоят у проруби.

На почтенном расстоянии – любопытствующая толпа евреев. Не скрываются, но и не подходят близко к проруби. Наблюдают за предателями. В этой толпе и старики Янкель, Залман, Хуна.

Яковисты снимают одежду, кипы, талесы. Остаются в подштанниках. Поочередно окунаются в ледяную воду. Яков и Ева тоже. Ксендзы Якуб и Тадеуш благословляют каждого...

Мокрыми выкресты идут в сторону костела, который виднеется метрах в двухстах за редким перелеском. Большинство идут быстро, кто-то бежит. Несколько человек идут очень медленно, словно хотят умереть. Кто-то останавливается, прислонившись к дереву, остается так стоять, замерзая... Кто-то ложится на землю…

Яков старается идти очень быстро, но Ева замедляет все время ход, и он почти тащит ее. Он пробует взять ее на руки, но она не дается ему и все медленнее тащится в сторону костела...

Костел. На возвышении гроб с телом Евы.

Новые христиане толпятся вокруг гроба. На полу еще несколько гробов с умершими-замерзшими во время крещения.

«Высматривающие Мессию» Янкель, Залман, Хуна тихо стоят у стены. Они в кипах, держатся особняком.

Евреи-христиане отпевают Еву. Как святую, как женское воплощение Мессии, Шхины – Божественного присутствия, как Деву Марию, дающую новую жизнь миру...

Яков говорит:

– Мы стали Иисусом Христом. Мы плоть и кровь Христа. Мы вино и хлеб. И они причащаются нашей кровью. А теперь и мы с ними. Чаша греха переполнилась…

Евреи на деревьях вокруг костела, на столбах, на подоконниках – сквозь окна смотрят на отступников.

Входит Данцвайх. Видит мертвую Еву в гробу и окаменевшего Якова над ней.

Данцвайх выкладывает паспорта на стол невдалеке от Якова. Тихонько садится у гроба.

У последователей Якова полное опустошение. Они просто сидят, как мертвые, ждут, что Добрый Бог смилостивится и придет к ним: ведь они всё выполнили! Они сидят и сидят... Печаль предательства и невозможности вернуться назад.

Данцвайх тихо говорит Якову:

– Я принес паспорта.

Яков как будто приходит в себя.

– Его нет, – говорит Яков. – Его не было здесь никогда.

Подзывает Йоэля. Тот подходит к ним. Говорит Данцвайху:

– Он на Еньской... Мы с Ури ходили в синагогу на Еньскую. Я ушел год назад к раву Якову, а он остался.

Яков говорит Йоэлю:

– Можешь уходить с ним.

Данцвайх и Йоэль встают, направляются к выходу. Йоэль возвращается к столу с паспортами. Находит свой паспорт. Выходит из костела за Данцвайхом.

Еще несколько пар идут за паспортами. Перебирают их. Находят свои. Выходят из костела. Большинство безучастно остаются сидеть вокруг Якова и гроба Евы.

Вечер. Улица гетто. Данцвайх и Йоэль едут в «Опеле» Данцвайха. Йоэль улыбается, вытягивает язык.

– У него родимое пятно там, глубоко... Он, когда хотел посмеяться, говорил: «Смотри, я когда-то... две тысячи лет назад был черным, только это и осталось»...

Кабинет Платица. Данцвайх и Платиц.

– Костел на Подниколье... – говорит Данцвайх. – Их можно забирать.

Платиц записывает... Жмет на кнопку звонка. Входит его адьютант Вилли. Платиц отдает ему листок бумаги.

Похоронная процессия выходит из костела на Подниколье. Похороны Евы. Бритые, стриженые, без головных уборов евреи-христиане.

Евреи молча смотрят на выкрестов, стоя по обочинам дороги.

Два трамвая и вагон между ними быстро едут по улицам гетто. В трамваях полицейские. Останавливаются у костела. Набрасываются на похоронную процессию. Грузят всех яковистов и самого Якова в вагон. Также хватают всех евреев, глазеющих на процессию, стаскивают, сбивают зрителей с деревьев. Увозят.

Глава 3. Еошуа

Синагога на Еньской. Ночь. Площадь. Толпа евреев заканчивает молитву «Освящение Луны». Рав Еошуа и его ученики смотрят на звездное небо с полной луной. Луна такая сильная, что на улице светло и паутина теней от ветвей черных деревьев лежит на земле и на людях.

Янкель, Хуна, Залман, Лазарь тоже смотрят на луну. Не спеша уходят.

Улица. Ночь. Янкель, Хуна, Залман, Лазарь идут по улице. На перекрестке Ла-

зарь, чуть кивнув друзьям на прощание, продолжает свой путь, остальные сворачивают в переулок.

Навстречу этим троим идет сонный сутулый молодой человек лет двадцати. Это Лотар Платиц, сын коменданта гетто. Он одет, как еврей. Улыбается старикам, как давним знакомым. Минуя их, оборачивается. Они тоже улыбаются странному незнакомцу, поворачиваются и, как загипнотизированные, медленно идут за ним следом.

За Лотаром следуют двое телохранителей, не выпуская его из виду и поглядывая по сторонам.

Янкель, Залман и Хуна чуть прибавляют ходу и опасливо крадутся за этой троицей.

Лотар уже догнал Лазаря, медленно идущего по улице с палочкой. Не спуская с него взгляда, идет какое-то время позади сбоку. Обгоняет старика. Заглядывая в глаза, идет рядом. Лазарь пугается, но не подает виду.

За Лотаром и телохранителями неподалеку идут Кон, начальник еврейской полиции, и полицейский Цейтлин с ружьями за плечами.

Лотар отстает от Лазаря и идет с ним нога в ногу, словно повторяя походку, снова обгоняет, вплотную подходит к нему, ждет, пока Лазарь опасливо не поднимает на него глаза, улыбается старику безумно, отстает, продолжая преследовать его, повторяя в точности осанку, походку. Теперь, кажется, это два старика-близнеца идут по улице.

Янкель, Залман и Хуна крадутся за Лотаром и Лазарем. Стариков обгоняют Цейтлин и Кон.

– А ну, брысь отсюда! – злобно шипит Цейтлин.

Старики останавливаются, ныряют в подворотню и бегут по параллельному переулку, в просветах подворотен видя Лотара и Лазаря. Спускаются в подвал.

Лазарь наконец пугается не на шутку и бежит, озираясь на странного преследователя. Лотар настигает его и прижимает к стене. В руке у него нож. Бьет Лазаря в живот. Бьет в грудь…

Старики быстро идут по темному подвалу, подходят к крошечному окошку цокольного этажа, выходящего на улицу, и видят прямо перед собой, как Лазарь задыхается в руках Лотара и оседает на землю. Вперившись взглядом в лицо умирающего, Лотар не выпускает его из объятий. Тяжело дышит от тяжести мертвого тела, опускает старика на землю. Садится над ним. Пристально, напряженно смотрит на него. Вдруг плачет, не выпуская и поддерживая голову Лазаря. Двое охранников стоят поодаль, посматривая по сторонам. Лотар плачет и обнимает убитого.

Охранники подходят к Лотару и пытаются его поднять, но он сопротивляется и не выпускает мертвеца. Охранники силой поднимают его. Лотар кладет Лазаря на землю. Поднимает его палочку. Охранники уводят его.

Лотар приходит в себя. Идет, совсем похожий на Лазаря: выражение лица, осанка, походка с палочкой, дыхание. Сейчас он совершенно спокоен и кажется умиротворенным: «надетая» чужая старость избавила его от истеричности, безумия…

Старики стоят у окна. Перед ними мертвый Лазарь, а вдали уходящая фигурка с палочкой и два охранника.

Лазаря мгновенно облепляет стая беспризорников лет пяти-семи. Кто-то снимает ботинки, кто-то шарит по карманам, быстро снимают пиджак, расстегивают рубашку, вытаскивают ремень из штанов…

– Мертвецкая! – кричит кто-то из детей.

Дети легко поднимают Лазаря и убегают с ним.

На улице появляется огромная телега, запряженная двумя лошадьми. Двое рабочих забрасывают в нее мертвые тела, валяющиеся на обочинах.

Синагога на Еньской. Рав Еошуа стоит на биме в окружении учеников. Рядом с ним Шаул, его лучший ученик.

Шерман, безапелляционный старик, подходит к Еошуа, снимает свои темные очки с резинками на дужках, отдает их ему.

– На!

Еошуа его не понимает, но берет очки.

– Ты увидишь его лицом к лицу! – прикрикивает Шерман.

Еошуа молчит.

– Надень! Моисей чуть не ослеп, ты же знаешь!

– Спасибо... Но это другой свет, Шерман, – мягко, почти виновато говорит Еошуа. – Очки тут не помогут.

– Надень! Ты не должен ослепнуть. Как ты потом будешь сражаться с ними?!

Еошуа надевает очки, распрямляя резинку на дужках за ушами. Очки сильные, и он видит все очень размыто.

– Но я плохо вижу, – говорит он и пытается снять очки.

– Надень! И носи. Ты должен привыкнуть. Здесь же плюс пять.

Еошуа поправляет очки.

– А как же ты? У тебя больные глаза.

– Потом, потом… мы все вылечим потом… и глаза тоже, – бурчит тихонько Шерман, осторожно ступая по ступенькам бимы, и прячется в толпе...

Толпа ждет, глядя на Еошуа.

Данцвайх и Йоэль входят в синагогу. Пробираются сквозь толпу, вглядываясь в лица.

Еошуа молчит какое-то время, потом говорит:

– Солнце превратилось во тьму, а Луна в кровь. Это конец Мира. Это его последние дни! – Еошуа смотрит на толпу сквозь темные очки, но это очень неудобно, и он опускает голову и смотрит поверх очков. – Нам предстоит решающая битва. Написано: «Вооружитесь чистотой, чтобы не разгневался Он и чтобы не погибнуть вам в пути...» И я иду очиститься... поднимаюсь ко Всевышнему каяться за всех нас перед последней битвой.

Гандлёвая площадь. Ограда делит просторную круглую площадь пополам. Площадь быстро пересекает Еошуа в темных очках Шермана. Шаул, Залман, Янкель, Хуна, Мойше и еще несколько стариков и ешиботников следуют за ним. Данцвайх и Йоэль тоже с ними. Останавливаются, прячась за домами. Еошуа подходит вплотную к закрытым воротам. За оградой полицейские – немцы, литовцы, поляки. Еошуа обращается к ним:

– Простите нас. Мы виноваты перед вами. Мы грешили перед вами, обманывали, воровали... Простите нас!

Шаул и некоторые другие в укрытии повторяют его слова.

– Противно... и стыдно... – повторяет сам себе Хуна.

Еошуа берется за решетку ворот, карабкается наверх.

– Мы грешили, злодействовали, сквернословили, простите нас!

Солдаты смотрят на Еошуа. Смеются.

– Мы унижали бедных, оскорбляли слабых, строили козни, простите нас!

Он поднимается все выше и достигает уже середины высоких ворот.

Один из солдат берет длинный шест и пытается сбросить Еошуа с ворот. Но тот крепко держится за решетку, продолжая лезть вверх.

Полицейские смотрят на безуспешные попытки товарища и смеются уже над ним. Второй солдат берет другой шест, и вдвоем они сбивают Еошуа с ворот.

Еошуа поднимается, поправляет очки и снова лезет наверх. Солдаты дают ему подняться выше и сбивают снова. Теперь Еошуа разбивается сильнее.

Евреи из укрытия следят за Еошуа. Шаул бежит к воротам спасать Еошуа, но старики хватают его, валят на землю. Шаул плачет от бессилия, но старики крепко держат, навалившись на него гурьбой.

К воротам подъезжает «Опель» коменданта гетто в сопровождении трех мотоциклов с колясками. Из машины выходят Платиц и его сын Лотар, напряженный, нервный. Лотар сейчас в офицерской форме, и в нем с трудом можно узнать ночного убийцу – охотника на стариков.

Тем временем Еошуа приходит в себя, поправляет очки и снова лезет на ворота. Платиц дает какие-то распоряжения солдатам и подходит к сыну.

– Поехали, – говорит он Лотару. – Нас ждут.

– Езжай. Я сейчас приеду.

Лотар в возбуждении смотрит на человека на воротах. Платиц садится в «Опель» и уезжает.

Солдаты снова пытаются сбросить Еошуа, но Лотар отзывает их, и Еошуа беспрепятственно карабкается вверх. Лотар подходит к воротам и ждет. Еошуа говорит:

– Мы должны каяться перед вами. Я иду к вам... Вы должны простить нас.

Старики следят из укрытия.

– Может быть, это он? – шепчет Янкель Хуне, озираясь, чтобы никто не услыхал его.

– Нет, – говорит Хуна громко. – Мне стыдно, что мы с ним одно.

Шаул продолжает восторженно повторять слова Еошуа.

Еошуа перелезает через ворота. Направляется к Лотару. Он дружелюбен и спокоен. Стоит мгновение перед Лотаром.

Возникает и усиливается скрежет колес по рельсам. Все поворачиваются. На площадь выезжают те же два трамвая с закрытым товарным вагоном между ними. Пересекают медленно площадь, скрываются за домами, где стоят в укрытии старики... Еошуа спокойно провожает взглядом трамваи, пока они не исчезают. Объясняет Лотару дружелюбно:

– Мы виноваты, и Бог убивает нас. Вы убиваете нас... – Еошуа поворачивается в сторону полицейских и, показывая на них, говорит: – Вы – Бог! – и потом Лотару снова: – Ты – Бог.

– Да.

Лотар, подыгрывая, говорит с ним, как с сумасшедшим.

– Ты Бог, ты убиваешь меня: я виноват перед тобой... – Еошуа глубоко кланяется Лотару; искренне, виновато говорит: – Прости меня.

Так же спокойно, нисколько не сомневаясь, что Лотар примет это, широко раскрывает объятия и обнимает его. Лотар невольно сам обнимает Еошуа.

– Прости меня, – повторяет Еошуа и, не выпуская Лотара из объятий, шепчет ему на ухо: – Те несчастные старики, за которыми ты охотишься по ночам...

Лотар замирает, не шевелясь, в объятиях Еошуа.

– ...которых ты убиваешь... Покайся! Тебе станет легче!

Он выпускает Лотара из объятий. Лотар ошарашен, но уже подпадая под обаяние и силу Еошуа.

Полицейские тоже потрясены картиной, но вынуждены пассивно наблюдать за ними.

Еошуа поправляет очки, смотрит на Лотара поверх них. Кажется, ему немного неловко от того, что он сказал.

– Зачем тебе очки? Темно... – Лотар не находит сказать ничего другого.

Еошуа снимает было очки, но быстро надевает их снова, поворачивается в сто-

рону дома, из-за которого друзья наблюдают за ним.

– Шерман... Это Шерман...

Он трогательный, робкий и притягательный.

– Да, конечно, – кивает Лотар.

– Он наконец свел нас! Тебя и меня! – говорит Еошуа и смотрит на Лотара открыто, с искренней симпатией. – Нас! Мы должны любить друг друга! – Еошуа оборачивается к полицейским, поочередно подходит к каждому. – Простите нас. Мы виноваты перед вами. Мы своевольничали, были высокомерными, наглыми, воровали, прелюбодействовали...

И снова сначала кланяется, потом обнимает каждого. Полицейские молча и неуклюже позволяют это, подчиняются ему, оглядываясь на Лотара, который, очевидно, одобряет действия Еошуа и не спускает с него взгляда.

– Простите нас, – обращается Еошуа ко всем. – Мы братья и должны любить друг друга.

Все замерли в недоумении.

– Как тебя зовут? – спрашивает Еошуа у первого полицейского.

– Казимирас.

– Ты ведь из Вейнишкай, Казимирас?

Полицейский в изумлении смотрит на Еошуа.

– Из Вейнишкай...

– Прости меня, Казимирас!

Полицейский смотрит на Лотара, снова на Еошуа. Тот, не дожидаясь ответа, переходит к следующему полицейскому.

– Ты Донатас?

Полицейский кивает изумленно.

– Донатас, мы... Ты и я. Больше никто. Прости нас, мы виноваты перед тобой. – Еошуа быстро становится в круг между Лотаром и полицейскими. – Все это?! Этого нет, не должно быть! Но это есть, просто чтобы мы, глупцы, поняли самое важное: люди не могут не любить друг друга! Человек не может убивать другого! – Еошуа ходит, кружит, широко показывая руками на темные небеса, на дома вокруг... – Бог любит нас всех! И мы любим Его. Так Он учит нас любви. Чтобы мы не возненавидели вас, своих убийц, а покаялись и полюбили! Вот и всё! Когда жертва полюбит не палача, а Бога сначала, а потом и палача из любви к Богу, тогда наступит жизнь вечная, ибо кто может быть ближе жертве, чем палач?!

Очумевшие полицейские, застыв в нерешительности, смотрят на Еошуа.

Хуна быстро выскальзывает из укрытия, воспользовавшись тем, что все держат Шаула, и бежит к воротам. Подходит вплотную к ограде, выкрикивает солдатам:

– Будьте вы все прокляты! Все немцы, которые убивают нас! Все литовцы, которые убивают нас! Будьте вы все прокляты до десятого колена! Все поляки, которые убивают нас! Будьте прокляты! Будьте все прокляты!!!

Залман тоже бежит к воротам. Хватает Хуну за руку, тянет, чтобы увести в укрытие.

Лотар, увидев стариков, настолько возбуждается – это его «тема», – что забывает о Еошуа. Дает команду солдатам. Они хватают Залмана и Хуну. Привязывают стариков к ограде ворот.

Хуна продолжает выкрикивать:

– Будьте вы все прокляты!!!

Еошуа молча смотрит на Хуну.

Лотар вытаскивает пистолет, подходит к Хуне почти вплотную и целится в него, вперившись в него взглядом.

– Будьте вы все прокляты!!! – продолжает кричать Хуна.

Лотар стреляет в Хуну. Старик хрипит, плюется кровью, но продолжает изрыгать проклятия.

Привязанный рядом Залман смотрит на умирающего друга.

Лотар стреляет еще раз, но уже в какой-то прострации. Он в беспокойстве и страхе. Хуна затихает. Лотар ис-

терично хохочет. Резко замолкает. Подходит вплотную к старику. Неотрывно смотрит на мертвого Хуну... Обнимает его, плачет – так же, как он обнимал и плакал над убитым им Лазарем. Потом вдруг улыбается детской – открытой и беззащитной – улыбкой. Успокаивается. Гладит мертвого Хуну.

Площадь. Шаул и старики из укрытия бегут к воротам. Данцвайх с Йоэлем остаются на месте. Смотрят издали.

Старикам никто не препятствует, и они проходят через калитку. Отвязывают мертвого Хуну с ворот. Тело сползает на землю, и Лотар помогает им. Старики отвязывают Залмана. Поднимают мертвого Хуну, и Лотар, как загипнотизированный, не выпускает его из объятий и не спускает с него глаз. К нему подходят два его телохранителя и отрывают от Хуны. Лотар резко вырывается, вытаскивает пистолет и стреляет в одного, потом во второго. Те падают замертво. Лотар наставляет пистолет на полицейских, и они, и без того испуганные происходящим, отступают.

Старики подхватывают Хуну – а Лотар снова обнимает его, – и они уносят тело через площадь в гетто.

Данцвайх ждет, пока толпа с телом Хуны скроется из поля зрения солдат у ворот, и следует за процессией.

Хуну несут Лотар, Шаул, Янкель, Залман, но, кажется, старики только помогают Лотару. Еошуа идет рядом. Процессию догоняют Данцвайх и Йоэль.

Старики со страхом посматривают на Лотара, но скоро понимают, что теперь от него не исходит опасности.

– Как его зовут? – спрашивает Лотар.

– Хуна, – говорит Янкель.

– Хуна… Хуна, Хуна, – безумно улыбается Лотар, – Хуна…

Он ищет взгляда Еошуа, и тот смотрит на него. Шепотом, боязливо, не то утверждая, не то спрашивая Еошуа, говорит:

– Я Хуна?

Еошуа смотрит на него молча. Лотар, не дожидаясь ответа, кивает:

– Хуна… Хуна…

– Он? – спрашивает Янкель Залмана шепотом, показывая на Еошуа.

Еошуа снимает очки, только сейчас поняв, что он был в них. Отдает их Шерману.

Йоэль – он впервые так близко к нему – смотрит на Еошуа без очков.

– Ротт?! – восклицает он. – Ури! Как ты изменился! Я едва узнал тебя...

– Нет, – Еошуа прерывает его, словно не понимая.

– Хаим... Раньше ты был Хаим Либеншток? – не сдается Йоэль.

– Нет, – говорит Еошуа совсем тихо, словно себе самому.

Йоэль сникает, замолкает. Он не знает, верить ли Еошуа.

Кабинет Платица. Данцвайх и Платиц.

– Мой сын ушел... пропал где-то в гетто, – говорит Платиц, молчит, потом продолжает: – Найди его... узнай, что с ним... позаботься о нем.

– Я найду его. Я верну его...

– Он не придет насильно... – говорит Платиц, снова молчит. – Но я хочу его видеть...

Мертвецкая. Ночь. Здесь Янкель, Залман, Шаул. Тело Хуны лежит на столе. Рядом Лотар в немецкой офицерской форме. Смотрит на Хуну, на окружающих. Напротив, через стол, сидит Еошуа, иногда поднимает глаза на одного, на второго… на Лотара...

Йоэль по-прежнему ищет Ротта, но Еошуа все более притягивает его.

Все поглощены только Еошуа и Лотаром: что делать с этим злодеем немцем, явно сошедшим с ума? Его боятся и по-прежнему ждут реакции Еошуа.

Лотар еще не понимает, как себя вести, он только нащупывает в себе Хуну. Смотрит, как Хуна, сидит, как Хуна. Если встречается взглядом с кем-нибудь, спокойно доброжелательно улыбается в ответ. Он становится похож на Хуну манерами, осанкой и, кажется, стареет на глазах…

Еошуа подзывает Янкеля. Тот подходит.

– Одень его, – говорит Еошуа.

Янкель стоит нерешительно.

– В одежду Хуны, – продолжает Еошуа.

Хуну раздевают, закатывают в саван. Его одежду Янкель отдает Лотару. Лотар снимает офицерскую форму, надевает рубаху Хуны, штаны, пиджак, кепку.

– Он Хуна теперь, – говорит Еошуа. – Он стал Хуной.

Янкель, преодолевая себя, тихонько садится с Лотаром за один стол. Они смотрят друг на друга. К ним подсаживается Залман.

Шаул и Еошуа с несколькими своими учениками идут по улице.

Трамваи с тем же товарным вагоном между ними останавливаются на развилке. Водитель выходит и пытается перевести стрелку, но ничего не получается: стрелку заклинило. Полицейский спрыгивает с трамвая, помогает водителю, но и у него ничего не выходит.

Шаул – глаза в глаза с людьми в вагоне – идет к стрелке. Забегает вперед, стоит в свете фар, пытается передвигать стрелку, помогая водителю и полицейскому.

Еошуа бросается на него, сваливает на землю.

– Прекрати! – жестко хватает его. – Он уже с нами! Это не Он, это они! Уже всё! Теперь всё!

Еошуа тащит Шаула от трамваев с вагоном.

Водитель с полицейским всё колдуют над стрелкой, стучат молотком, орудуют ломом.

Несколько человек, раздвигая доски, выскакивают из вагона и убегают в темноту улицы…

Вечером в здание синагоги стекаются люди – в основном старики – с вилами, топорами, кухонными ножами, косами… Старый Зисл идет с лопатой.

В синагоге толпа народа с «оружием». Рав Еошуа сидит в окружении учеников. Шаул рядом. Янкель, Залман… Лотар-Хуна.

Зисл входит с лопатой. Подходит к Еошуа.

– У меня есть лопата. Лопату можно?

– Можно.

Йоэль говорит Данцвайху:

– Это он…

Данцвайх смотрит на него.

– Но он не признается. Я спрашивал… но он…

Данцвайх дает знак, и к нему подходят трое его шпиков. Данцвайх с ними пробирается к Еошуа.

Толпа замолкает, когда встает Еошуа. Он всходит на биму.

– День Господень настал. Всевышний принял наше покаяние. Мы очистились, мы чисты и теперь выходим на последнюю битву с нашим врагом. Сегодня в полночь.

В толпе тихо повторяют:

– День Господень настал! Сегодня в полночь.

– Но у нас всего два ружья, – говорит Залман.

– Написано: «Достаточно двух мечей». Всевышний явится во славе и будет сражаться на нашей стороне! – Еошуа молчит секунду. – Впереди пойдут смелые, потом робкие. Потом женщины и дети.

– А я не знаю, кто я… – говорит Зисл.

– Ты смелый, Зисл, я знаю. Ты пойдешь впереди.

Данцвайх говорит шпикам:

– Позже… ночью на улице.

Полночь. Толпа стариков и старух, толкая тележки со скарбом, во главе с равом Еошуа идет по площади к воротам гетто.

Колеса тележек стучат по брусчатке, стоит невероятный грохот.

Янкель и Залман рядом с Еошуа несут ружья. Зисл идет с лопатой. Лотар-Хуна, в котором Лотара уже не узнать, еще несколько стариков идут впереди с вилами и косами. Большинство безоружных стариков идут позади них, перед женщинами.

Охрана – немецкие солдаты и полицейские, а сегодня это молодые литовцы, высокие и красивые, – завидев идущую на них толпу, замирает за оградой.

Не доходя до ворот, Еошуа останавливает свое «войско». Дает команду Залману и Янкелю. Залман быстро сбрасывает ружье с плеча. Поднимает и целится в солдат. Янкель неуклюже пытается снять ружье, другие старики помогают ему.

Залман нажимает на курок. Осечка. Полицейские смеются.

Янкель никак не может пристроиться к ружью, крутит его так и этак, размахивая во все стороны, и оно вдруг стреляет.

Пуля попадает в Еошуа. Он падает замертво. Полицейские заходятся в хохоте. Толпа оцепенела.

Шаул со стариками поднимают мертвого Еошуа и уносят его. Потрясенная молчаливая толпа возвращается в гетто.

Мертвецкая при кладбище заполнена народом. Еошуа кладут на большую железную кровать в центре огромной пустой комнаты. Янкель и Залман садятся над мертвым Еошуа, ожидая чуда. Они не верят в его смерть.

У дальней стены на лавках ряды неотличимых трупов, завернутых в одинаковые тряпки. Лотар-Хуна идет вдоль лавок, каким-то образом безошибочно угадывает Хуну, уже спеленатого, готового к погребению. Садится над ним.

У ближней стены высокие столы. На них трупы. Два человека идут вдоль рядов, раздевают тела донага; за ними двое других методично заворачивают тела в тряпье-саваны, одно за другим.

Данцвайх и Йоэль подходят к кровати, садятся над Еошуа рядом с Шаулом. Смотрят неотрывно на мертвого Еошуа.

Шаул время от времени склоняет голову к груди Еошуа, слушает его сердце. К Еошуа подходят могильщики, чтобы одеть в саван и его, но Шаул не позволяет.

– Он жив.

Хуну уносят хоронить, и Лотар-Хуна уходит за ним.

Залман и Янкель колеблются, не остаться ли им с Еошуа, но тоже уходят хоронить Хуну.

Оставшиеся устраиваются кто на полу, кто на пустых столах, кто на лавках с мертвецами в саванах... Засыпают… просыпаются…

Данцвайх, Йоэль, Шаул и несколько ешибохеров сидят вокруг Еошуа. Данцвайх посматривает на часы, в окно, снова на часы... Выходит из мертвецкой.

И скоро возвращается, незаметно вводя Платица, его адъютанта Вилли и двух телохранителей Платица. Все одеты, как евреи, и неотличимы в толпе.

Платиц смотрит по сторонам в поисках сына.

Возвращаются старики, Лотар-Хуна и все, кто ходил погребать Хуну.

Лотар-Хуна проходит мимо Платица, и тот не узнает сына. Но когда пришедшие рассаживаются вокруг Еошуа – и Лотар-Хуна тоже среди них, – Данцвайх показывает Платицу на Лотара.

Платиц незаметно подходит ближе к сыну. Вилли и охранники рядом. Платиц смотрит на Лотара. Лотар-Хуна встречается с ним взглядом, но не узнает отца.

Вилли склоняется к Платицу:

– Герр штандартенфюрер, мы должны уходить. Акция начинается через двадцать минут.

– Он умер. Только что. Умер… – шепчут люди вокруг Еошуа. – Вот прямо сейчас…

Залман идет к изголовью. Вытаскивает белый платочек, прикладывает к носу покойника.

Янкель становится в изножье. Приподнимает одеяло с ног покойного, берет покойника за палец правой ноги и склоняется в молитве.

Все замирают. Повисает тишина. Все уставились на Залмана. Тот отнимает платочек от носа покойника. Поднимает его высоко. Показывает всем платочек с явно видимым кровавым пятном посередине. Передает платочек в толпу. Его бережно передают из рук в руки, убеждаясь, что на нем кровавое пятно…

– Мессия, – шепчет кто-то.

– Мессия, – тихонько повторяет другой…

Шепот распространяется и крепнет.

– Он – Мессия!

Еошуа быстро заворачивают в саван. Оставляют тело лежать на кровати.

Вилли явно нервничает, снова говорит Платицу:

– Герр штандартенфюрер, это становится опасным! Вы не имеете права рисковать. Они вот-вот будут здесь!

Платиц дает команду Вилли и охранникам, и они быстро хватают Лотара-Хуну, закрывая тому рот, и тянут к выходу. Платиц следует за ними.

– Хуна! – кричит Янкель. – Отпустите его!!!

– Что вы делаете? – Залман бросается за охранниками, вцепляется в пальто Лотара-Хуны. – Отпустите его! Что вы делаете?

Охранник отмахивается от него. Залман валится на пол. Охранники разбрасывают толпу, тянут Лотара-Хуну, пробиваясь к выходу.

В тишину постепенно врывается тонкий металлический звук и разрастается до грохочущего скрежета, и к мертвецкой, разрывая темноту, подъезжают светящиеся трамваи с вагоном. Из трамваев вылетают полицейские, врываются в синагогу.

– Всем на улицу! Всем на улицу!!!

Полицейские яростно выталкивают людей из синагоги, передавая другим, которые заталкивают всех в вагон.

Вилли и телохранители прикрывают Платица.

– Это комендант! – кричит Вилли полицейским.

Но в этом общем шуме и криках его голос не слышен. Немцы одеты, как евреи, и полицейские не узнают их, хватают всех подряд. Вилли снова кричит:

– Это комендант! Идиоты! Это комендант!!!

Вилли и охранники вытаскивают пистолеты. Полицейские, увидев оружие в руках «евреев», мгновенно расстреливают их.

– Наконец становятся людьми, – говорит полицейский, переступая через тела, и хватает Платица.

– Я комендант Платиц! Я штандартенфюрер Платиц! Я комендант Платиц!

Но и его слова не доходят до полицейских, и один из них с размаху разворачивает ему прикладом челюсть, выбивает зубы. Платиц валится на землю и не может говорить, а только мычит безумно. Кровь заливает его лицо, одежду.

Полицейские хватают людей, вытаскивают из синагоги. Платица вместе со всеми заталкивают в вагон.

– Закрывай! – кричит один из них. – Места нет больше!

Вагон закрывают с трудом, так много там людей, прижатых один к одному.

Залман, Яков, Лотар-Хуна, Шмуэль и еще несколько стариков последними карабкаются в вагон, но их отшвыривают.

– Забери меня, литовец! – спокойно просит полицейского Залман.

– Я латыш! – отвечает тот, продолжая закрывать вагон.

– Латыш! Забери меня, латыш!

– Нет места! – хохочет полицейский. – Это ж первый класс! Завтра, завтра я за тобой приеду специально.

Полицейские смеются. Трамваи с вагоном уезжают.

Янкель, Залман, Лотар-Хуна, Зисл, еще четверо стариков возвращаются в мертвецкую.

Кровать, на которой только что лежал Еошуа в саване, пуста.

Оцепеневший Шаул стоит перед пустой кроватью, как будто прямо сейчас был свидетелем явного чуда.

Янкель, Залман, Лотар-Хуна входят... Также замирают потрясенные.

Шмуэль, спавший рядом с трупами, просыпается, встает. Стоят все долго, безмолвно...

– Шабес... – тихо говорит Залман Янкелю.

Но никто не слышит.

– Шабес... – повторяет он. – Суббота.

Янкель поворачивается к нему. Залман показывает на часы.

– Четырнадцать минут до шкии.

Все спохватываются. Выбегают из мертвецкой.

Шаул быстро идет за ними. Шмуэль замыкает шествие, старается не отстать от других.

Синагога. Суббота. Вечер. Янкель, Залман, Лотар-Хуна, Шаул, Шмуэль и еще семеро стариков, не попавших в вагон, стоят на субботней молитве... За окнами сгущаются сумерки.

Вагон едет. Люди стоят спресованные, прижатые один к другому. Среди них Данцвайх, Йоэль, Платиц. Платиц кричит:

– Я штандартенфюрер Платиц! Я комендант! Я немец! Я штандартенфюрер!

Его лицо в крови, зубы выбиты, челюсти разворочены, и вряд ли даже ближайшие к нему могут разобрать слова в этом страшном мычании.

Вечер. Синагога. Старики. Нищенская трапеза: по маленькому куску хлеба и по стакану воды. За окном уже совсем темно.

Еошуа босиком в бело-серых кальсонах и нижней рубашке бредет по улице и ничего не видит. Подходит к трамвайному депо. Перед ним в тупике ярко разукрашенные – счастливые – «детские» вагоны, но уже без трамваев. Специально отгороженная площадка. Сзади каменная стена.

К стене длинная очередь еврейских детей. Это те дети и это те вагоны, в которых их везли «в санатории в нейтральную Швейцарию». Ими командуют несколько немецких, польских, литовских детей, которые провожали своих еврейских ровесников.

Отбирают из очереди очередную партию. Ставят к стене. Дают команду солдатам, тоже детям, как и они, и те стреляют в стоящих у стены. Евреи падают. По команде «офицеров» к ним подбегают «солдаты», несут к гигантской груде мертвых детских тел.

Еошуа стоит у площадки и смотрит на расстрел.

С другой стороны к площадке подходит Хаим-Иисус с лошадью. Останавливается возле Еошуа. Они смотрят друг на друга.

И видно, что они невероятно похожи друг на друга! Близнецы? Один и тот же человек? Они сами, кажется, потрясены этим сходством...

К стене ставят новую группу... Еошуа и Хаим-Иисус смотрят на расстрел.

Вдруг из еврейской очереди выходят трое мальчиков лет десяти-двенадцати. Гирш, Йона и Шломо подходят к своим палачам-ровесникам.

– Вы неправильно это делаете! – говорит Гирш и дает команду своим друзьям.

Йона и Шломо берут ружья у немцев.

– Надо вот так!

Йона и Шломо целятся в евреев, стоящих у стены.

Гирш дает команду, и они стреляют. Двое у стены падают.

– Вот так надо, – говорит Гирш немцам. – Вы видали? Плечо выше, подбородок ниже... не дышать... и все одновременно: глаз, палец на курке, все тело...

Гирш, Йона и Шломо возвращаются в очередь. Потом становятся к стене со следующей партией.

Немцы стреляют. Евреи падают у стены.

– Мне незачем было приходить... – говорит Хаим-Иисус Еошуа, снимает с лошади веревочную петлю и легонько шлепает ее по крупу. – Я так и не нашел Его.

Но Еошуа берет из рук Хаима-Иисуса веревку и набрасывает ее на шею лошади, не дает ей уйти. Говорит Хаиму-Иисусу:

– Он там. За этой стеной, – отдает поводок Хаиму-Иисусу, показывает на стену. – Через тот проход.

Хаим-Иисус не может поверить.

– И ягненок с волком?

– Да.

– И лань с леопардом? И маленький мальчик?

– И маленький мальчик, и лев. Иди, они ждут тебя.

Хаим-Иисус направляется в проход за стеной.

Еошуа поворачивается и идет по улице за телегой с детскими трупами, словно сопровождая ее. Телега невиданных размеров, и ее тянет длиннющая упряжь лошадей.

Телега едет по пустому гетто: ни души... Минует скотобойню.

Во дворе скотобойни никого. Только пять лошадей привязаны, ждут...

Еошуа идет рядом с телегой.

Вагон. Платиц что-то кричит еще и еще. Он кричит все сильнее, страшнее, и его безумный крик становится слышен в вагоне с полицейскими.

Трамвай останавливается, двое полицейских выходят, открывают вагон, вытаскивают Платица и избивают до полусмерти. Еле живого вбрасывают в вагон. Закрывают.

Евреи в вагоне приподнимают Платица, усаживают его поудобнее, насколько возможно освобождая ему место...

Едут дальше...

Синагога. За первым столом Залман со Шмуэлем учат Талмуд. За вторым Янкель сидит с Лотаром-Хуной. Перед ними букварь иврита с большими буквами. «Реш», – говорит Янкель. И Лотар-Хуна повторяет: «Реш». Янкель показывает на следующую букву. «Син», – говорит Лотар-Хуна. «Шин», – поправляет Янкель, показывает последнюю букву. «Тав», – говорит Лотар-Хуна. Янкель кивает: «Теперь сначала. Сам». Лотар-Хуна переходит к началу, ставит палец у первой буквы, называет: «Алеф... – переходит ко второй: – Бет...»

Янкель встает, садится к Залману с томом Талмуда, время от времени посматривает на Лотара-Хуну, учащего алфавит.

У стены над томом Талмуда одиноко сидит Шаул. За первым столом сидят Йосл и Шая.

– Вор украл быка и продал его. Платит хозяину в пять раз больше, чем продал. А за овцу в четыре... – читает Шая.

– Чем овца хуже? – спрашивает Йосл.

– Позором уже своим заплатил, – раздражается Шая. – Овцу нес на себе, когда воровал, а быка вел бы, как своего!

– Пусть овцу бы вел, как свою...

Шая не знает, что ответить, хватает Йосла за грудки, и они валятся на пол, продолжая молча бороться...

За вторым столом Шмуэль и Велвл.

– Это закон не о земле, а об имуществе... – говорит Шмуэль.

– Нет! – возражает Велвл. – Написано, что, если вода заливает поле ближнего твоего, загороди и спаси. Поле, а не имущество!

– То, что на ней, но не саму землю.

– Ну хорошо. Давай посмотрим комментарии Раши...

Янкель и Залман уже тоже углубились в учебу.

– Если корова бежит между виноградниками, значит, потерялась и ты должен вернуть ее хозяину. Если пасется в поле – не потерялась... – читает Залман.

– Если бежит в поле, потерялась или нет?

– Давай дальше посмотрим, потом будет понятно.

– Я хочу понять сейчас.

Шая и Йосл продолжают молча пинать друг друга, борясь на полу...

Залман продолжает:

– Корова потерялась, если пасется три ночи подряд...

– Почему три, а не две или четыре? – у Янкеля всегда есть вопрос.

– Написано три...

– И почему один час после заката или один до восхода? Час – это ночь?

Залман закрывает Талмуд, говорит:

– Учись один...

Поднимается, пересаживается снова к Лотару-Хуне, сидящему над алфавитом.

Шая и Йосл перестают драться, поднимаются, садятся за стол.

– Синица, – говорит Шая и показывает пальцем вверх.

– Три, – говорит Йосл.

– Две, где ты видишь третью?

– Надо открыть окна и двери, – Янкель и Лотар-Хуна тоже заметили птиц.

– Как влетели, так и вылетят! – говорит Йосл.

– Это ловля! Это запрещено в субботу. Они поймались, как в клетку.

– Клетка! Клетка, если можно поймать. Иди поймай!

– Идиот! Стены... синагога – клетка!

– Поранятся или обожгутся. Надо выпустить, – говорит реб Залман и берет руководство в свои руки. – Шая, ты иди к той стене, Янкель, влезай на стол и маши руками. Давай сильнее! Йосл, ты там не двигайся. Ты их пугаешь.

Синицы перелетают в другое место.

– Лезь наверх! – Залман подталкивает Янкеля со стола на лестницу рядом. – Ее надо выгнать оттуда!

Янкель накрывает синицу шляпой.

– Ты поймал ее! Сейчас же выпусти!

– Нельзя! Нельзя прикасаться к ней!

– Шляпу подними, и всё!

– Теперь и шляпу нельзя!

– Я палкой! – Шая пытается лезть наверх тоже.

– Они не вылетят, они нас боятся. Надо выйти, – говорит Залман.

– И шкаф тоже. Они его боятся…

– Не боятся. Они в нем могут спрятаться…

– Они спрячутся там от страха.

– Здесь нет эрува. Шкаф нельзя выносить!

– Есть, здесь есть эрув с тридцать восьмого года.

Временный ступор, потом все дружно бросаются и выволакивают шкаф на улицу. Кто-то выносит и костюмы на плечиках. Все прячутся за углом, огибая дом. Ждут. Выглядывают тихонько. Янкель

осторожно возвращается. Заглядывает внутрь.

– Ну? – кричит тихо из-за угла реб Залман.

– Всё. Все уже вылетели…

Янкель дает знак, и все возвращаются, втаскивая шкаф обратно. Янкель закрывает дверь изнутри.

Еошуа в бело-серых кальсонах и нижней рубашке босиком бредет по улице. Его настигает трамвай с вагонами. Останавливается. Из трамвая лениво выпрыгивает полицейский. Хватает Еошуа – тот не сопротивляется, – впихивает в вагон.

Синагога. Суббота уже вышла. Солнце село. Сумерки сгущаются за окном.

Старики за книгами. Кто-то спит за столом. Шаул пишет на маленьких листках… откладывает исписанные аккуратно один на другой. Некоторые подходят к окнам, смотрят на улицу, замерев.

Янкель, Залман, Лотар-Хуна, Шмуэль садятся рядом с Шаулом, осторожно берут один за другим исписанные им листки.

Янкель читает: «Общинам Ивье, Толочин, Едвабне, Ляды, Селец, Трезно, Кельцы, Дубровенка… и всем, всем святым, освятившим имя Божие и живым вовечно. И был я, Шаул из Замостья, свидетелем явления Бога Живого, Еошуа из Гнезно. И умер, и воскрес, и вознесся в присутствии учеников: Мойше Клугмана из Кресно, Берла Бродского из Смолич, Янкеля Роша из Оргеева, Залмана Каца из Белынич, Лотара-Хуны Миттельмана из Бельц… и многих, многих… Января 23, года 1942…»

Мойше перебивает его.

– В присутствии Мойше Клугмана… – переглядывается он со всеми. – Я первый стою…

– Он поднялся на небеса, – вставляет Йосл. – Как пророк Элиягу.

Янкель продолжает читать: «И вот Его, Еошуа, слова, засвидетельствованные ими. Смертью, ужасом и страданием невиданным вернул Господь любовь нашу. Ибо нет страшнее цены, чем цена за любовь. И сказал Господь: «Забудьте соблазн слова «любовь» и не говорите «я люблю», ибо только Я люблю и только Я знаю, что такое любовь, а делайте просто добро дальнему своему и ближнему своему, которое хотите, чтобы они делали для вас». И вторая заповедь еще важнее, и в ней всё: «Не варите козленка в молоке матери его». И думайте о ней каждое мгновение своей жизни, и будет у вас и мудрость, и сердце, и рука Моя на вас».

Вагон едет.

Еошуа. Полуживой Платиц на полу. Данцвайх, Йоэль… Лица, лица, лица…

Звучит текст: «И это все Бог ваш, наставляющий вас. Который открывает тебе себя такой ценой, и цена эта велика и страшна, но плата неоценима безмерно: Любовь вечная и лицо Бога твоего перед тобой в каждое мгновение…»

Синагога. Предрассветные сумерки. Янкель продолжает читать записи Шаула: «Страх и низость твоя заставляет тебя любить палача твоего, чтобы заслужить спасение. Но уже любовь! Низкая и рабская, но любовь! И теперь уже вы одно! Одно навсегда! Только жертва растоптанная любит. Молитесь и возносите мучителей ваших и палачей ваших. Молитесь и кайтесь перед ними…»

– Но он никогда не говорил такого! – прерывает его Залман. – Что ты читаешь?!

Но Янкель не обращает на него внимания.

– «…Ты видишь в палаче себя и его в себе. И ужасаешься себе, и жалеешь палача. И бежишь от себя, но некуда!

А только к ближнему – палачу своему и любишь его, потому что страшнее тебе от самого себя, и совестишься и сострадаешь другому, убийце твоему – себе!»

Старики тихонько подходят и, прилипнув к окнам, слушают Янкеля, но больше надеются высмотреть что-то в светлеющих за окном сумерках.

Вдали появляется открытый «Опель» коменданта.

«Опель» то приближается, то отдаляется, огибая холм, ныряет в серый вечерний туман, сгущающийся на глазах, и не совсем понятно, что это за две фигуры сзади за водителем: один стоит, второй сидит.

– Это Шабтай! – восклицает Залман.

«Опель» приближается.

– Везет плененного Гитлера!!! – кричит Янкель.

И в самом деле: Шабтай величественно стоит сзади, Гитлер сидит, согбенный, перед ним.

Старики выбегают из синагоги навстречу машине. «Опель» останавливается. Старики приветствуют Шабтая. Всеобщий карнавал безумия: крики, хохот, плач, ликование, братство, счастье...

Гитлер, безучастный, робкий, посматривает из машины.

Так же как и машина, из тумана выходит Хаим-Иисус с плетущейся за ним лошадью и приближается к ликующей толпе. Он уже ближе... Он наконец прямо перед стариками, и лошадь можно потрогать руками и погладить.

И вдруг! Тишина вдруг! Старики перестали дышать: следом за Хаимом-Иисусом они видят льва, ведомого маленьким мальчиком. Как было предсказано!

Янкель, Залман, Лотар-Хуна, Шабтай, старики, Гитлер в машине – все оцепенели и не сводят глаз с этой чудесной процессии.

– Я же обещал, что найду его, – говорит Хаим-Иисус старикам.

Мальчик, ведущий льва, проходит прямо перед стариками, и они не смеют не подчиниться и идут следом: мальчик со львом, Хаим-Иисус с лошадью, потом толпа.

Янкель оборачивается: забыли Гитлера. Он бежит назад к «Опелю», подходит к Гитлеру. Тот связан веревкой. Янкель развязывает его руки, садится, развязывает ноги. Помогает выйти из машины.

Янкель ведет Гитлера за собой. Они догоняют остальных. Идут вместе со всеми.

Вагон. Еошуа стоит у самой двери спиной к остальным пленникам. Данцвайх и Йоэль стоят у противоположной стены вагона. Данцвайх видит Еошуа. Начинает медленно пробираться к нему. Йоэль тоже протискивается за ним. Данцвайх останавливается за спиной Еошуа. Смотрит на него. Еошуа смотрит на доски вагона прямо перед собой.

Возникает и усиливается трубный поднебесный звук. Протяжный, сотрясающий воздух. Звук шофара, заглушающий стук колес.

Улицы, звук шофара. Маленький мальчик ведет льва по пустынным улицам гетто. Минует стоящие на путях два трамвая с пустым вагоном между ними. Выходит из распахнутых ворот гетто, прежде всегда закрытых и охраняемых полицейскими.

– Он? – говорит Янкель Залману, показывая на Шабтая.

Залман молча поворачивается к нему.

– Или Еошуа?

– Не знаю, – говорит Залман.

Входят, исчезая, в огромный пустой заброшенный барак.

На стенах барака фотообои с видами Швейцарии: санатории в величественных горах, открытые террасы над сияющими вершинами... Те самые огромные фотографии, на фоне которых были сняты счастливые дети, «уехавшие в санатории в нейтральные страны».

Мальчик со львом, потом Хаим-Иисус с лошадью, потом, сбившись в кучку, старики Янкель и Залман, Лотар-Хуна и остальные бесконечно идут по этому счастливому и безмятежному миру гор, террас, лесов...

Вагон битком забит людьми. Молчат. Полутьма.

Кажется, они здесь уже целую вечность и никуда не приедут: всё здесь внутри, ни стука колес, ни света снаружи.

Еошуа лицом к стене вагона. Данцвайх у него за спиной. Йоэль из-за плеча Данцвайха тоже смотрит в спину Еошуа. Еошуа неслышно шепчет, молится. Чувствует, что за спиной кто-то на него смотрит. Поворачивается.

Данцвайх молча смотрит на Еошуа.

Еошуа первым узнает отца.

Показывает ему язык с черным пятном у основания. Прячет. Улыбается.

– Спина, ты помнишь, у меня тоже наполовину черная...

– Да, – говорит Данцвайх. – Я помню...

Они обнимаются. Плачут оба... Успокаиваются.

– Отец, зачем ты меня оставил... так надолго? ◆

Москва, 2016

Нана Гринштейн

МАШИНА ЛЮБВИ

Сценарий

Нана Гринштейн – драматург. Родилась в Баку. Училась в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; после третьего курса поступила на режиссерский факультет ВГИКа, вскоре перевелась на сценарно-киноведческий факультет (сценарная мастерская Ю.Арабова и Т.Дубровиной). Автор сценариев фильмов «Питер FM» (2005, с Оксаной Бычковой; приз кинофестиваля «Окно в Европу»), «Плюс один» (2008, с Оксаной Бычковой). Активно сотрудничала с «Театром.doc».

В «Искусстве кино» опубликован сценарий Наны Гринштейн «Быть» (2009, № 7).

Когда редакция журнала попросила меня написать небольшой текст, представляющий мой сценарий «Машина любви», я растерялась. Однако эта возникшая необходимость очень скоро трансформировалась в сознании в вызов. Вызов, закономерно вырастающий из моей принадлежности к поколению, которое выбрало кино как способ существования (я не случайно не пишу «профессию») не в отчаянные и резвые 10-е, не в обнадеживающие нулевые, а в начале 90-х. В 1996 году я окончила ВГИК, мастерскую Юрия Николаевича Арабова (это был первый набор мастера), а поступила и вовсе в прежней еще стране, в 1991 году. С какими надеждами и планами я вышла из мастерской, каким я предполагала свое кинематографическое будущее? Да никакой конкретики не было, мы были вдохновлены абстракцией, призрачной мечтой, экономически и физически неосуществимой, а потому не требующей умения себя продвигать. И я этому не научилась, как, думаю, и многие мои коллеги-ровесники. При всем своем веселом пессимизме одного лишь подвоха — помимо крутого общественного разворота — мы не могли предположить: стремительного технологического прорыва (Интернет, доступность видеосъемки и монтажа, кнопка «опубликовать» в твоей личной власти), который дал все возможности «делателю», оставив за бортом «мечтателя».

Мы приспособились. У каждого свои этажи компромиссов и амбиций, и на каждом этаже ни в коем случае нельзя обнаружить свою принадлежность и к другому этажу тоже. Радикально изменившееся время сделало из нас, еще молодых людей, свидетелей другой эпохи, которой мы принадлежим не меньше, чем нынешней. И это делает нас старше, чем мы есть. Но чтобы оставаться в профессии, надо быть молодым. Или казаться молодым. И желательно самому себе казаться молодым тоже. Я себя чувствую немного спецагентом на грани разоблачения.

Какое все это имеет отношение к сценарию «Машина любви»? Пожалуй, никакого, кроме того, что этот сценарий находится на моем личном этаже, где я могу забыть о том, что я спецагент. На этаже, где нет компромиссов и амбиций.
Немного о сценарии. Он был написан в 2007 году. Я мало кому показывала его и собиралась снимать сама как режиссер. Этого так и не случилось, хотя не исключаю, что вернусь к этим планам. Все может быть.

Нана Гринштейн

Полулежащая на полу женщина (Марта) протягивает куда-то руки и надрывно кричит.

Марта. Не-е-е-ет! Не-е-ет!

Марта плачет и цепляется за мужчину, который холодными пальцами пытается от нее освободиться. Он хочет прорваться в прихожую, где стоит его большая сумка. Марта продолжает цепляться за него, рыдает. Обессилев, отпускает его, причитая.

Марта. Павлик, не уходи, ну, Павлик, ну миленький... Этого просто не может быть, понимаешь, не может быть, чтобы ты ушел от меня... Это сон, просто сон какой-то, я сейчас проснусь, скажи, что я сейчас проснусь!

Но Павлик молча и холодно надевает ботинки; он спешит.

Марта (*подползая к Павлику*). Павлик, ведь все же было хорошо, ты же любил, ты же любишь меня, почему, почему...

Павлик, не завязывая шнурки, идет к выходу с сумкой. Марта ползет за ним, цепляется за шнурки. Павлик отпирает дверь, выходит за порог, на лестничную площадку...

...Марта продолжает держаться за один из шнурков, но Павлик рывком ноги выдергивает у нее шнурок. Марта остается одна на пороге, она сидит на тряпке, о которую вытирают ноги. Павлик торопливо нажимает на кнопку лифта. Открывается дверь квартиры напротив, оттуда на порог выходит немолодая женщина в ситцевом застиранном халате, у нее в руке ведро с мусором, она замечает сцену, происходящую на площадке, и замирает. Павлик, бросив взгляд на женщину с мусором, решает не дожидаться лифта и бежит к лестнице. Рыдания Марты, сидящей на тряпке, заглушают его шаги. Она плачет, не в состоянии успокоиться. Шарит руками вокруг, как будто пытаясь нащупать хотя бы шнурок Павлика, но ухватиться ей не за что, только за грязные мохры тряпки. Потеребив мохры, она обхватывает руками себя, съеживается, как будто пытаясь вжаться в саму себя, уменьшиться, превратиться в маленькую пульсирующую точку. Шаги Павлика все еще слышны несколькими этажами ниже. Женщина с мусором так и стоит, замерев, она шокирована. Но Марта, лежащая на пороге своей квартиры, ее не замечает. Женщина с мусором тихо, чтобы остаться незамеченной, заходит со своим ведром обратно в свою квартиру. Тихонько запирает дверь. Марта, лежащая на тряпке, остается одна в полной тишине. Долго лежит, не двигаясь. Дверь в квартиру полуприкрыта, от сквозняка она негромко стучит по косяку.

Изнутри квартиры – дверь все так же стучит по косяку. В квартире беспорядок. Обстановка «холостяцкая» – в квартире явно не живут дети, не готовятся борщи. Денег тоже много не водится. Обои двадцатилетней давности с идиот-

ским растительным орнаментом. Много книг. Старинный рояль застелен салфеткой и видно, что его крышку много лет не поднимали, на рояле – допотопный проигрыватель «Аккорд», рядом лежит стопка пластинок. Шторы слегка колышутся от сквозняка. Мигает и гаснет лампочка в пыльной люстре, полной мух.

Дверь по-прежнему тихо стучит по косяку. Из подъезда выбивается полоска света, в которой виднеется плечо и прядь волос лежащей на тряпке Марты. Она не двигается.

Марта дрожит. Ее глаза закрыты. Рука сжимает грязные нитки замохрившейся тряпки. Она дрожит все сильнее. Волосы шевелятся от сквозняка. Наконец, Марта тяжело открывает глаза, смотрит в никуда. Ей ничего не хочется видеть.

Темнота. Марта с ногами сидит на продавленном диване и курит, глядя на часы – большой электронный будильник с зелеными светящимися цифрами. На будильнике 01.35. Марта курит. 01.35 сменяется 01.36. Марта берет с дивана мобильный телефон, находит имя «Павлик», набирает номер. Длинные гудки. Она ждет, замерев. И вдруг резко дает отбой, не дождавшись ответа. Сигарета почти докурена. Не глядя, Марта нащупывает на диване почти полную пачку сигарет, прикуривает новую от предыдущей сигареты, гасит докуренную в пустой чистой пепельнице, затягивается новой. Снова смотрит на часы. 01.37. Цифра 7 сменяется цифрой 8. Марта снова тем же жестом берет мобильный телефон, находит имя «Павлик» и набирает номер. Длинные гудки.

Ночь. Марта сидит все так же на диване, рука дрожит, когда она подносит сигарету ко рту, чтобы затянуться. Лицо искажено. Она задыхается от рыданий. По лицу текут слезы, из красного носа – сопли. Она не вытирает их. Только изредка – рукавом. Снова судорожно затягивается. Другой рукой все это время она набирает смс: «Я не верю, что ты уш...» и стирает. «Как ты мог меня бро...» и стирает. «Павлик! Я не могу без те...» и стирает. «Я люблю тебя. Это не пройдет». Отправляет. Сообщение отправлено. Она затягивается, втягивает в себя сопли, вдруг сильно закашливается. Не может остановиться.

Утро. Окна занавешены, но сквозь щель в шторах видно, что начинает светать. Марта по-прежнему сидит на диване, курит. Смотрит на часы. 07.44. Марта затягивается. 07.45. Раздается звонок будильника. Марта, не моргнув, продолжает смотреть на будильник. Он звенит. Она затягивается. Сигарета укорачивается прямо на глазах – ярко разгоревшись от затяжки, табак моментально превращается в пепел и падает ей на одежду. Будильник звенит. Огонек сигареты почти дошел до фильтра. Марта, не глядя, нащупывает на диване пачку сигарет, шарит в ней – она пуста. Будильник звенит. Марта затягивается в последний раз, гасит докуренную до самого фильтра сигарету в полной окурков пепельнице и выключает будильник. 07.46. Марта закрывает глаза.

В ангаре кипит работа, множество людей в одинаковых робах что-то носят, привинчивают, приколачивают, куют, варят, пилят. Вокруг крутятся бетономешалки. Их десятки. Они работают в унисон, создавая однообразный ритмичный гул. Посреди всего этого в огромных лесах отливает металлом что-то большое и округлое. Только издали можно понять, что это. Огромный металлический младенец в позе эмбриона висит в воздухе между потолком и полом. Его начищают до

блеска, полируют люди, стоящие на лесах. Он сияет. Глаза его закрыты.

Марта резко открывает глаза, она проснулась. На часах 07.47. Марта взглядывает на часы, она еще не вполне вернулась из сна в явь, но вот она вспоминает все – и громко, отчаянно, как подстреленный зверь, кричит.

Марта неподвижно стоит под душем. Сутулая, худая. Глаза закрыты. Она громко поет арию Царицы Ночи из оперы «Волшебная флейта». Голос у нее красивый, сильный, хоть и не профессиональный, и в нем столько отчаяния, что оперным певицам и не снилась такая глубина исполнения. На полотенцесушителе висят два сморщенных мужских носка.

В халате, с мокрыми волосами Марта лежит, свернувшись калачиком, на том же диване. В комнате темно, только полоска света пробивается сквозь шторы, деля всю комнату пополам и перерезая лежащую Марту в талии. Марта не спит – смотрит в одну точку. Рядом – мобильный телефон и городской телефон, довольно старый, невзрачный, почти советского вида аппарат. Она смотрит на телефоны. Пристально смотрит. Вдруг они оба одновременно начинают звонить – громко, внезапно. Она вздрагивает, глаза открываются шире. Хватает мобильный, смотрит на дисплей – «Номер не определяется». Она некоторое время в замешательстве – какую трубку взять. Наконец, решается – и отвечает на звонок мобильного.

Марта (*напряженно, но стараясь быть непринужденной*). Алле? (*Выдыхает, сдувается.*) Васильпетрович... (*Звонит городской.*) Да-да, я помню, что обещала прийти в субботу... Но понимаете, я... Я отравилась. (*Звонит городской.*) Врача вызвала, конечно... В воскресенье? Не знаю. Ммм... Простите, Васильп... Да...

Городской телефон продолжает звонить. Марта напряжена, она нервничает, держит одной рукой мобильный у уха, другая рука уже лежит на трубке городского.

Марта. Да... А можно я... Да, конечно, завтра... (*Звонит городской.*) Васильпетрович, можно я перезвоню?.. Да-да, понимаете... Да, тошнит...

Марта, наконец, дает отбой на мобильном и одновременно хватает трубку городского. Но там уже короткие гудки. Не успела. Она обнимает трубку, из ее глаз брызжут слезы. Она плачет и слушает короткие гудки. Полоска света успела переместиться так, что теперь слепит ей глаза. Но она не обращает внимания.

Марта, шатаясь, выходит на кухню. Свет из окна слепит ей глаза. Она щурится, и, немного привыкнув к свету, оглядывает неубранный стол. На нем с одной стороны – чашка с недопитым чаем, с другой – стакан в подстаканнике. Марта подходит, осторожно и нежно берет стакан. Обнимает его пальцами, держит, изучая подушечками пальцев выпуклости на подстаканнике – мчащийся куда-то паровоз, дымок, облака. Смотрит на дно стакана. Он почти пуст. На дне чаинки. Марта медленно и осторожно ставит стакан. Смотрит на стол. Две тарелки. Вилка с присохшими к ней какими-то крошками. Надкушенный кусочек хлеба с той стороны, где стакан. Сигарета без фильтра, недокуренная, в пепельнице. Марта берет эту сигарету. Нежно расправляет ее. Ищет зажигалку. Не находит. Находит спички возле плиты. Прикуривает. Затягивается глубоко, задерживает дыхание, закрывает глаза.

Марта спит на диване. В неудобной позе, не раздевшись. Лицо ее тревожно. Но

вдруг его освещает улыбка. Улыбка во сне, как у новорожденного ребенка. Непроизвольное сокращение мышц ее тридцатипятилетнего усталого лица.

Ангар пуст. Огромный полированный металлический младенец по-прежнему в позе эмбриона висит в воздухе. Он начищен до ясного белого металлического блеска. Он открывает глаза.

Титр:
Машина любви

Медленный отъезд от стола, за которым сидит Марта. Незнакомое место – полная противоположность неухоженному жилищу Марты. Уютная кухня с прекрасным дизайном. Красивые шторы нежно пропускают утренний свет. Все выдержано в пастельных тонах. Провансальский стиль. Марта сидит за столом и пьет кофе из маленькой красивой фарфоровой чашки. Никуда не торопится. Покой. Камера отъезжает, открывая все новые детали гармонично подобранного интерьера. Неожиданно кухня заканчивается, это выстроенный интерьер в магазине мебели. Марта продолжает пить кофе. Появляется менеджер. Подходит к притолоке, нажимает кнопку – и утренний свет за окном гаснет.

Огромное светлое помещение со стеклянными стенами вместо окон полностью застроено макетами комнат – детских, гостиных, кухонь. Высокий этаж, поэтому видны только верхушки облетающих деревьев. Город где-то внизу. Переступая через пуфики, обходя тумбочки, по торговому залу движется пожилой мужчина – генеральный директор (Васильпетрович). За ним спешат неухоженная, ко всему безразличная Марта и Наташа, женщина лет 35-ти, миловидная, с завивкой и оборкой на юбке. Васильпетрович, не оборачиваясь к женщинам, продолжает давно начатую речь.

Васильпетрович. Нежность! Уют! Покой! Детские голоса! Тепло домашнего очага! Семейные ценности! Вы понимаете, о чем я? На носу весна! Скоро к нам придут мо-ло-до-же-ны!!! Вы понимаете? А мы? Что мы им предложим? Унылый прошлогодний хайтек? Нам нужна новая концепция! Надо задуматься! Надо!

Генеральный выруливает к рабочему столу, за которым стеклянная стена, размашисто кладет широкую ладонь на чертеж.

Васильпетрович. Я жду ваших предложений!

Генеральный задорно смотрит на женщин. Наташа испуганно молчит, Марте все безразлично.

Наташа и Марта возятся с интерьером детской. Марта молча рассаживает на полочке мишек Тедди. Наташа пытается повесить картинку. Но гвоздь выпадает. Она забивает его еще раз. Вешает картинку, но та висит криво.

Наташа. Чего-то ты так неважно выглядишь, Мартусь. Почему не накрасилась?

Марта молча продолжает рассаживать мишек.

Наташа. И свитер этот на помойку надо выбросить давно.

Марта молчит.

Наташа. Мартусь! Ты чего там приуныла? С Павликом, что ли, поссорилась?

Марта начинает плакать, обнимает мишку и садится на детскую кроватку. Наташа прямо с молотком присаживается к Марте.

Наташа. Ну ты что, ты что... Успокойся, не плачь, а то глаза красные будут!

Наташа обнимает Марту, та кладет ей голову на плечо, рыдает. Обе не обращают внимания на то, что звенит какой-то

звонок – это открылся магазин, заработали, зажужжали все кассы, включились все компьютеры у менеджеров зала. Наташа гладит Марту по голове, говорит, глядя в пространство, и явно не верит в то, что говорит.

Наташа. Ну, Мартусечка, ну, успокойся, все будет хорошо, помиритесь, он вернется, еще ноги будет тебе лизать... Оближет всю как миленький...

Марта. Не оближет... Понимаешь? Всё! Не об-ли-жет!!!.. Скажи, ну почему, почему так, что же это такое... Как же так может быть, чтобы вчера, вчера еще все было, а сегодня уже нет! Нет ничего! Вчера любил, а сегодня не любит!

Наташа вздыхает, продолжает гладить Марту по голове. Та рыдает в голос. Появляется невыспавшийся покупатель. Шокированно смотрит на обнявшихся Марту и Наташу с молотком в руке. Открывает рот, чтобы что-то сказать. Но Наташа, заметившая его, делает ему знаки глазами, чтобы помолчал. Марта, между тем, продолжает причитать.

Марта. Куда же она девается, эта любовь? Куда она девается? Ведь если она здесь, вот тут вот исчезает, то где-то она же должна же тогда появляться, правда?.. Ведь должен же быть какой-то закон сохранения этой самой любви?!..

Покупатель, слушающий слова Марты, постепенно меняется в лице. Такое ощущение, что он и сам давно задается тем же вопросом.

Марта идет по улице. Валит густой снег. Все постепенно покрывается мягким белым покровом, на памятнике Пушкину – снежная шапка, на одиноко стоящем под ним пареньком с розами в целлофане – тоже. На пожухлой газонной траве шевелятся припудренные снегом полиэтиленовые пакеты. Марта идет мимо, отворачивается. Подносит к лицу руку, рассматривает снежинки на рукаве пальто. Снежинки медленно тают. Невероятной красоты узоры на глазах исчезают, растворяются. Снежинок много, и все они разные. Марта достает из кармана пачку сигарет, зажигалку. Закуривает, но снежинки пару раз гасят только начинающую разгораться сигарету. Наконец, затягивается. Дойдя до метро, останавливается, чтобы докурить. Стоит, ссутулившись, глядя в снежную круговерть. Марта худа, трудно определить ее возраст. Ее лицо можно было бы назвать красивым, если бы не маска обреченности, сковавшая черты. Одета Марта почти по-мужски: она в брюках, коротком полупальто, на голове – вязаная шапка, можно сказать, вовсе без фасона. Из-под нее выбиваются волосы, не длинные, но и не короткие. Марта курит, смотрит на прохожих, на снег, на Пушкина и беззвучно плачет. Можно подумать, что она плачет от того, что видит. Докурив, Марта бросает в снег окурок, он моментально гаснет с легким пшиком. Марта добивает его каблуком, всхлипывает и спускается в метро.

Марта сидит, погруженная в невеселые мысли, и едва сдерживает слезы. И не замечает, что напротив нее сидит другая женщина – красивая, в дорогой шубе, но в таком же состоянии. Марта поднимает глаза вверх, чтобы слезы не вытекли, но из одного глаза предательски течет. У женщины напротив дрожит подбородок, нос краснеет. Марте уже приходится шмыгнуть носом. Следом шмыгает сидящая напротив женщина. Тут они замечают друг друга. Смотрят друг другу в глаза, полные слез. Слезы переполняют эти четыре глаза и текут по четырем щекам. Красные носы, судорожное дыхание. Женщины отводят друг от друга взгляды и продолжают молча плакать. Сидящие вокруг пассажиры с опаской смотрят на них. Особенно растерян сидящий

рядом с женщиной напротив Марты молодой паренек. Он смотрит то на плачущую красавицу, то на сидящую напротив невзрачную Марту. Не выдержав зрелища, он, в конце концов, встает и уходит в другой конец вагона.

Пять утра, за окном темно. Марта спит на кровати в одежде. Рядом с кроватью на полу пепельница, полная окурков. В тишину комнаты въезжает нарастающий ритм музыки, голоса, шум мотора автомобиля. По потолку едут полосы света, ломая интерьер, как шоколадную плитку. Женщина смеется, мужчина ей что-то отвечает. От шума Марта внезапно просыпается и подскакивает на кровати. Мутным взором смотрит куда-то перед собой. Садится, постепенно просыпаясь. Смотрит на часы. Звуки с улицы затихают. Марта берет телефон и набирает номер. Ждет. Трубку, видимо, не берут. Но Марта ждет, закрыв глаза и как будто перестав дышать, ждет довольно долго. И вдруг резко открывает глаза – ей ответили. Глаза Марты все расширяются и расширяются оттого, что она слышит в трубке. Она открывает рот, хочет что-то сказать, но не может. И не успевает. Глаза гаснут. Марта убирает трубку от уха, смотрит на нее и обращается к ней.

Марта. Прости. Я только хотела сказать, что люблю тебя.

Марта идет по городу, еще совсем рано, светает. Народу – никого. Кошка идет по делам через дорогу, старательно обходя подмерзшие за ночь лужи. Марта ступает на тонкий ледок, он сразу трескается под ее ногой, трещинки разбегаются змейками во все стороны, в образовавшиеся щели протекает грязная водичка. Раздается колокольный звон. Марта оборачивается на него. Вдалеке видна церковь, она вся в лесах, но ворота открыты. В ворота входят люди, крестятся.

Марта входит в церковь, крестится, неловко кланяется. Отходит в сторонку, смотрит на алтарь, но подойти ближе не решается. Перед ней – головы женщин в косынках. Марта, спохватившись, вытаскивает из сумки свою бесформенную шапку, натягивает ее. Начинается служба. Хор поет очень красиво, и от его звучания у Марты наворачиваются слезы на глаза.

Марта покупает свечку. Покопавшись в кармане, находит и протягивает блестящую пятирублевую монетку, из тех, которые кажутся только что отчеканенными на фабрике Гознака. Старушка протягивает ей свечку.

Марта ставит свечу к иконе Божьей Матери. Свечка никак не ставится, все время падает. Марта несколько раз оплавляет ее снизу, чтобы все же заставить пусть кривовато, но стоять. Потом долго стоит, сосредоточенно глядя на лик Пресвятой Девы.

Марта (*шепотом*). Пожалуйста, избавь меня от нее. Не хочу больше. Устала. Не могу. Да и зачем она нужна, эта любовь.

Свеча Марты снова падает.

Марта выходит из церкви. За ее спиной продолжается пение, служба идет. Марта направляется к воротам. На ее пальто следы от воска.

Марта при помощи трафарета и розовой краски рисует на стенах интерьера сердечки. Одной рукой накладывает трафарет с вырезанным сердцем, другой рукой наносит краску. Еще одно сердечко. Еще одно.

Марта стоит на тротуаре у обочины дороги. Рядом стоят еще несколько людей. Все смотрят пристально в одну сторону.

Всматриваются. Становятся на цыпочки. Вздыхают. Подходит еще один прохожий, тоже останавливается и так же пристально всматривается вдаль. У него на ботинки налип снег с грязью. Он топает, чтобы его стряхнуть. Но грязь не отходит. Тогда прохожий делает шаг в сторону, там валяется какая-то металлическая штука – труба с плоским жестяным прямоугольником, похожим на лопату. Но это не лопата, а знак автобусной остановки с расписанием. Прохожий обтирает подошвы ботинок о расписание автобуса. Судя по расписанию, автобус ходит раз в час. Вдруг все стоящие на обочине оживляются. Медленно подъезжает светящийся автобус, в нем есть что-то зловеще-новогоднее. Дверь со скрипом открывается, люди прокатывают проездные, заходят в пустой салон, рассаживаются. Марта – последняя. Она хочет купить билетик. Протягивает деньги водителю.

Водитель. Не надо. Билеты кончились.

Марта. А что же делать?

Водитель. Не знаю. Проходите так.

Марта. А если контроль?

Водитель. Ну тогда садитесь здесь.

И водитель откидывает вдруг внутри своей теплой кабины, без меры украшенной золотистой бахромой, маленькое сиденье.

Водитель. Будешь за кондуктора.

Марта и водитель синхронно подпрыгивают на сиденьях. Перед ними стелется зимняя дорога. Улицы пустынны, это какие-то безлюдные индустриальные места. Водитель игриво посматривает на Марту. Марте это неприятно, она делает вид, что не замечает. Остановка. Люди выходят. Никто не заходит. В салоне остается один спящий старичок. Водитель продолжает смущать Марту. Невзначай на повороте касается плечом ее плеча. Потом наглеет – кладет ей руку на колено. Марта убирает руку. Видит впереди одинокую остановку со стеклянным козырьком.

Марта. Остановите, моя!

Водитель только прибавляет скорости. Марта в ужасе, но старается не подавать виду.

Марта. Остановите! Остановите же!

Водитель вроде бы собирается проехать остановку, но вдруг в последний момент резко притормаживает. Старичок в салоне просыпается. Марта вскакивает, хлопает откидное сиденье. Марта неловко, торопливо, задевая ремнем сумки за ручку двери кабины, кидается к выходу. Водитель смеется.

Автобус скрывается вдали. Марта стоит на остановке одна. Безлюдная пустая улица. Идет снег, застревая в высокой траве, проросшей между трамвайными рельсами посреди улицы. Кажется, что трамваи здесь не ездили уже очень давно. Во мраке фабричные развалины десятых годов прошлого века кажутся замком Дракулы. Марта ежится и собирается перейти улицу. Ступает на проезжую часть. Спотыкаясь о колдобины, почти добирается до рельсов. Вдруг рельсы вздрагивают, осыпав часть снега с травинок. На одном из рельсов что-то глухо звякает, Марта присматривается и видит лежащую на рельсе монетку. Издалека, покачиваясь, неторопливо выезжает трамвай. Монетка блестит в свете его фар. Трамвай проезжает прямо перед лицом Марты, мельтеша ободранным рекламным плакатом на боковой панели. Он скользит бесшумно, как призрак или корабль, приминая траву. Когда он отъезжает, Марта бросает взгляд на рельсы. На блеснувшем рельсе все так же лежит блестящая пятирублевая монетка. Она цела, не раздавлена, не раскатана весом трамвая. Марта наклоняется и берет монетку – новенькую, переливающуюся, как будто только

что с фабрики Гознака. Сжимает ее в ладони. Перешагивает рельс, ступая в сырую, заснеженную, примятую траву.

На весах – одна большая груша. За прилавком продавщица, у прилавка Марта. Обе ждут, когда на весах высветится окончательная цифра. Весы не спешат. Наконец появляется сумма: пятьдесят четыре рубля девяносто девять копеек. Марта протягивает пятьдесят рублей, больше у нее в кошельке ничего нет. Роется в кармане, ищет мелочь. Находит несколько копеечек и блестящую пятирублевую монету. Смотрит на нее, колеблется – отдавать, не отдавать? Продавщица ждет. Марта суёт монетку обратно в карман.

Марта. Извините. У меня нет. Я не буду брать.

Марта идет в сторону выхода, продавщица убирает грушу с весов, смотрит ей вслед.

Марта входит в подъезд, ее тут же хватают под руки двое мужчин и куда-то тащат по грязной стоптанной лестнице. Она сопротивляется, но это бесполезно.

Мужчина. Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь так... (*Грозит пальцем в темноту, где угадывается фигура человека.*) Смотри, Вовка, смотри!

В дворницкой тесно, в углу стоят разнокалиберные лопаты, мётлы, грабли и прочие принадлежности для уборки территории. Вокруг трехногого шаткого стола стоят трое мужчин. За столом сидит милиционер, перед ним – тетрадь в косую линейку, в которой у него записаны под номерами квартир фамилии жильцов с какими-то пометками: «спал», «не было дома», «вернется к утру», «проверить прописку!», «ответс. квартирос.?» и т.д. Входит мужчина.

Мужчина. Готово. Все входят, никто не выходит. Вовка дежурит. Могила!

Второй мужчина следом за первым вводит под руки Марту. Она пытается высвободиться. Ее подталкивают к столу.

Милиционер. Квартира.

Марта. А что случилось?

Милиционер. Квартиру назовите.

Марта. Семьдесят седьмая.

Милиционер. Прописка.

Марта. Здесь.

Милиционер. Паспорт.

Марта. Паспорт в квартире. А что случилось?

Милиционер. Девушка, у нас тут серьезное дело, а вы что случилось, что случилось. Имейте в виду, все, что вы скажете, может быть использовано, как говорится, против вас! Между прочим, погиб человек! И не просто человек, а... а... А вы, видите ли, паспорт забыли дома!

Как бы в подтверждение серьезности слов милиционера все присутствующие мужчины строго и скорбно смотрят на Марту и не моргают.

Марта. Хотите, принесу.

Милиционер. Нет уж. Сам зайду. В порядке опроса соседей потерпевшего.

Марта. А когда зайдете? Просто я собиралась ванну принять...

Милиционер заинтересованно смотрит на Марту.

Милиционер. А вы повремените с ванной. Когда смогу, тогда зайду.

На кухне все по-прежнему. Марта берет стакан в подстаканнике. Заглядывает внутрь. Чай высох. Чаинки прилипли ко дну. На столе остался круг – высохший след чая от подстаканника. Марта ставит стакан обратно на стол. Пододвигает подстаканник, чтобы он в точности стал на круг, где стоял прежде. Раздается звонок в дверь. Марта идет открывать, на пороге – милиционер, у него в одной руке тетрадка, в другой – ручка.

Милиционер (*не входя в квартиру*). Вы где были девятнадцатого ноября между двадцатью тридцатью и тридцатью... тьфу... короче, двенадцатью ночи?

Марта. Да вы заходите. Так дует.

Милиционер сидит в кресле, отхлебывает чай. Марта сидит в кресле напротив. Горит настольная лампа, поставленная на рояль, люстра по-прежнему безжизненна.

Милиционер. Верхнего соседа знаете?

Марта (*приподнимая голову вверх*). Этого?

Милиционер. Нет. Самого верхнего.

Марта. Нет.

Милиционер. Убили.

Марта. Ужас. Как это случилось?

Милиционер. Обыкновенно. По почкам сапогом. Короче, что вы делали девятнадцатого между тридцатью и тридцатью... еклмн, между... ну, вы поняли.

Марта. Не помню. Сейчас у нас какое?

Милиционер. Сейчас у нас... Блин. М-м-м-мм... Двадцать пятое.

Марта. Значит, девятнадцатое – это было... воскресенье?

Милиционер. Пятница. Ну да, пятница.

Марта. Ага, пятница. Ах, пятница... Да, это была пятница. (*Вздыхает.*) Ну, в общем, с работы я шла поздно, пока композицию составили, пока расцветку подобрали для дивана... Шла, настроение было хорошее... (*Опять вздыхает.*) Да! Я шла домой как раз в одиннадцать. От метро. Мимо гастронома...

Милиционер. Вот! Это очень хорошо. Значит, вы видели убийцу!

Марта. Да нет, что вы, я не видела его... Я никого не видела.

Милиционер (*откусывает печенье, отхлебывает чай, придвигается поближе к Марте*). Поймите, дело серьезное. Старика убили какие-то сопляки, но дело не в этом. Он на пенсию как вышел, бухать стал конкретно, гулял туда, гулял сюда... А между прочим, генерал КГБ. В своем деле – ас! Девятнадцатого в девятнадцать, блин, ну, ночью, короче, он шел со своей бывшей работы, нес в чемоданчике чертежи и макет одной секретной установки... По дороге пивка, то-се, ну, короче, по полной. Я так думаю, парни не в курсах были, что в чемоданчике. Они бабла хотели. Торчки сраные. Пардон. Отбили дедуле почки, забрали из карманов мелочь, даже на брюках карманы вывернули. Трупаком не побрезговали. Ну и чемоданчик, суки, спи... сперли. Конечно, убийство – это плохо. Но главное – чемоданчик. Вернуть его надо! Понимаете? Государственной важности дело... А я что, я человек подневольный... Расхлебывай тут это все один...

Марта смотрит на милиционера и вспоминает.

[Мультипликация в стиле аниме]

Нарисованная Марта идет по улице, проходит мимо нарисованного гастронома, в котором хотела купить грушу. Мимо Марты очень быстро проезжает парень на скейтборде, его бледное нарисованное лицо лишь на мгновение оказывается освещено светом фонаря и тут же исчезает в темноте. Марта смотрит не на него, а на лежащего вдалеке мужчину, рядом с которым стоят двое людей... Картинка резко обрывается.

Марта смотрит на милиционера.

Марта. А знаете, я ведь видела какого-то мужчину, он на тротуаре лежал. Вроде прилично одетый, я еще удивилась, неужели пьяный. А над ним стояли двое. Один молодой, другой старый. Про «скорую» что-то говорили...

Милиционер. Вот-вот-вот-вот!.. Это уже что-то, это зацепка! А как они выглядели?

Марта. Не помню. Молодой и... старый. Трезвые.

Милиционер записывает все это в своей тетрадке, так и пишет: «трезвые».

Милиционер. Вы не представляете, как вы помогли следствию. Мы, можно сказать, на пути к разгадке.

Марта. Вы думаете, это убийцы?

Милиционер. А почему нет? Трезвые. Это о многом говорит! Им как раз не хватало на бутылку, чтобы выпить!

Марта. Скажите, пожалуйста... А вот наш район, он это, очень криминогенный?

Милиционер. Очень. Просто, так сказать, насквозь. Один из самых криминогенных в городе. Да что там говорить. Вон в том доме (*машет рукой в направлении окна*), в девятиэтажке, вообще полтергейст. Не знаю, что делать прямо. Шкафы двигает. Зажигает все на хрен. Пацан. Три года. Бабушка плачет, звонит, я прихожу – а у них опять типа перестановка. Паренек стоит, зырит. Я только на ковер ступил, а он – бац! – тлеет. И дым, дым стелется... И стол письменный едет...

Марта. Куда?

Милиционер. Куда-куда. В угол. Медленно так...

Милиционер смотрит на Марту так таинственно, как только у него получается. Начинает мигать настольная лампа, вспыхивает ярко и перегорает.

Марта и милиционер в постели. Дышат, двигаются, но вдруг раздается телефонный звонок. Марта высвобождается, хотя милиционер недовольно урчит, бежит к телефону. Хватает трубку.

Марта. Алле! Алле! Не слышу ничего! Ничего не слышу! Алле... Павлик, это ты? Павлик... Павлик! Ты слышишь меня? Павлик!!!

Марта начинает плакать.

Марта (*сквозь слезы*). Я знаю, это ты... Кто же еще может позвонить мне в три часа ночи? Ну и что, что я не слышу тебя. Но ты ведь слышишь меня, правда? Павлик, только не клади трубку, хорошо? Не клади трубку! Прости меня... Прости, слышишь? Это я во всем виновата. Как всегда. Мне слишком много надо, я жадная, я сука, я хищница! Но я изменюсь, я обещаю, я стану другой, только ты возвращайся... Павлик... Ведь так не может быть, чтобы ты не любил меня больше, Павлик...

Милиционер сидит в постели и тревожно смотрит на Марту.

Милиционер. Алле! Я не понял? Это что?

Марта. Алле... Я не слышу тебя... Ты слышишь меня? Я не слышу тебя... Павлик... Павлик...

Марта плачет. В трубке раздаются короткие гудки. Она кладет трубку. Садится на пол, голая, жалкая. Из постели встает голый милиционер, идет к Марте. Поднимает ее. Марта отталкивает его.

Марта. Не хочу. Отстань.

Милиционер. А ты слова-то выбирай, дура. Я вообще при исполнении.

Марта сопротивляется.

Милиционер (*неожиданно грубо*). А ну пошла!

Милиционер тащит Марту за руку в постель, она больше не сопротивляется.

Марта идет по двору. На еще не опавшие и даже не до конца пожелтевшие листья падает крупный медленный снег. Двор пустой, почти никого нет. Мама тащит сонного мальчишку в детский сад. Старушка кутается в пуховый платок. Крупный мужчина выгуливает здоровенную собаку и отдает ей приказания на немецком языке, заглядывая в разговорник. Вороны клюют рябину. Марта с окаменевшим лицом проходит мимо окон типовой панельной пятиэтажки. И вдруг до нее доносится музыкальная фраза, исполненная на кларнете. Марта слегка замедляет ход. Кларнет играет

что-то очень странное, какие-то обрывки музыкальных фраз, отдельные ноты, внезапные легато и стаккато. Марта вдруг улыбается. Звучание кларнета в ее сознании вдруг встраивается в звучание целого оркестра. Кларнет играет в нем свою партию, она и состоит из обрывков, отдельных нот, она – лишь часть целого, непрерывного, длящегося. Марта невольно ищет глазами окно, за которым кто-то репетирует свою партию на кларнете. Но все окна одинаково немы и непроницаемы. Непонятно, откуда доносятся звуки. Может быть, из-за этих темных штор?

Из узкого просвета между шторами льется свет, он падает на партитуру. Перед пюпитром стоит кларнетист, он играет свою партию – отдельные ноты, фразы. Но он, как и Марта, слышит оркестр. Играя, он смотрит то на партитуру, то в окно и видит блуждающую взглядом по дому Марту. Она медленно идет мимо и вот скрывается за шторой. Больше ее не видно.

Марта ускоряет шаг. Всплески музыкальных фраз становятся все тише. Марта достает из кармана сигареты. На ходу закуривает, затягивается. Идет все быстрее и быстрее. Затягивается, выдыхает дым рваным облаком в холодный воздух. Кларнет почти совсем затихает. Марта затягивается – и снова играет оркестр. Из глаз Марты текут слезы, разбегаясь по щекам за уши от того, что ветер в лицо.

За кадром играет оркестр.

Марта открывает шторы в очередном интерьере жилой комнаты. Скошенная стена а-ля французская мансарда, кованая спинка кровати, картина с изображением фруктов. Марта отходит в сторону посмотреть на интерьер, наклоняет голову. Быстрым шагом подходит к картине, снимает ее, достает из-за кровати другую и вешает. На новой картине изображены целующиеся любовники. Марта обнимает сама себя, стараясь расположить руки, как у женщины на картине.

Марта выбирает постельное белье.

Марта взбивает подушку.

Марта колдует над столом. Делает натюрморт – подобие завтрака. Ставит две чашки. Сахарницу с щипчиками для сахара. Пластиковые круассаны на блюдечке. Посмотрев со стороны, кидается к столу, вырывает из блокнотика, торчащего из заднего кармана брюк, страничку и что-то пишет на ней. Ставит на уголок странички чашку. На страничке написано: «Я тебя люблю».

Запертая дверь кабинки.

Голос Марты. Ты извини, что я тебя потревожила. Я просто так. На минуточку. Как ты поживаешь?

Марта стоит над унитазом, держит в руке телефон. Говорит в пространство.

Марта. А давай как будто ничего такого не было. Мы же близкие люди, зачем нам друг друга терять. Будем дружить. Ну, пока.

Из соседней кабинки доносится звук сливаемой воды.

Голос Наташи. Какая же ты дура, Мартуся. Какая ты дура. Вот зачем ты ему звонишь?

Двери обеих кабинок отпираются, выходят Марта и Наташа.

Марта. Зря ты. Он был рад меня слышать.

Наташа. Ой-ой-ой. А ты вся и разомлела.

Марта улыбается, делая вид, что все действительно в порядке. Но улыбка превращается в гримасу, она начинает плакать. Наташа кидается к ней, как к ребенку, участливо, но без понимания, обнимает, прижимает к себе.

Наташа. Слушай, ты прости, что я бросаю тебя. Но потом у нас уже не получится никак. У Пети такой график ужасный. Едва выцарапали эту неделю. Завтра утром самолет – и через два часа мы в Египте. Мартусь, чесслово, у меня такие угрызения, что я тебя тут бросаю одну в трудную минуту. Ты ведь не обижаешься на меня? А? Не обижаешься?

Марта (*сквозь слезы*). Нет, что ты. Не обижаюсь.

Марта сидит на стульчике перед бухгалтером, та, шевеля губами, отсчитывает зарплату стольниками, складывая их возле ведомости. Видимо, это длится довольно долго, потому что кучка отсчитанных купюр уже большая.

Марта. Может, не надо... Там наверняка все правильно.

Бухгалтер, молча мотнув головой и сделав страшные глаза, продолжает с усилием. Ей трудно не сбиться. В этот момент, мигнув и затрещав, вырубается свет, и в комнате становится темно. Бухгалтер аж вздрагивает.

Марта. Ну я же говорю, зачем это. Давайте так.

Марта и Наташа вместе идут в сторону большого торгового центра. Наташа радостная.

Наташа. Ты бы в церковь, что ли, сходила, свечку поставила.

Марта. Уже.

Наташа. Ну все, прибежит теперь. Я, когда Петька в прошлый раз хвостом вильнул, пошла к Божьей Матери сразу. И такое, знаешь, на меня прям сошло, я прям почувствовала, что Она слышит меня... Так он на следующий день прискакал. Вот и твой Павлик, увидишь, прибежит.

Марта. Да я о другом просила. Чтобы разлюбить.

Наташа. Да ты что, это же грех. Нельзя просить у Бога избавления от любви. Надо самой как-то ее убивать.

Наташа и Марта входят в самооткрывающиеся стеклянные двери торгового центра. Двери закрываются за ними.

Наташа выбирает купальник. Растягивает трусы, прикидывая – влезет или нет.

Наташа. Мартусь, глянь, как тебе.

Марта. Ничего, красивый.

Наташа. Мне лучше сильно жопу не открывать, целлюлит тот еще.

Марта. А как ты думаешь, он вспоминает обо мне?

Наташа – в купальнике. Марта уныло смотрит в зеркало на полуголую Наташу и на одетую себя.

Наташа (*со знанием дела*). Слушай, ну нельзя же так зависеть от мужиков. Это ненормально. Сходи к психологу, что ли.

Марта. Думаешь?

Наташа. Моя сестрица, когда у нее со свекровью были проблемы, пошла к какому-то. В общем, ничего, наладилось все. Свекровь переехала.

Марта. А ты не узнаешь у нее его номер, а?

Наташа. Да не вопрос. Сейчас по дороге позвоню. Там какой-то типа психтеатр, что ли. Нет, вот в груди он мне мал, мал. Вот когда выдыхаю (*выдыхает*) – вроде ничего. А когда вдыхаю (*вдыхает*) – теснит.

Наташа через зеркало смотрит на унылую Марту. Марта смотрит куда-то в сторону, задумавшись и не слушая Наташу.

Наташа. Знаешь, что я тебе скажу? Тебе надо начать новую жизнь. Понимаешь? Выйти! Выйти из этого состояния! Наружу!

Произнося последние слова, Наташа делает движение руками, как будто плы-

вет брассом, что очень соответствует ее одеянию.

Марта стоит в лифте. Тесно, потому что рядом – довольно крупный сосед со здоровенной собакой, она сидит у выхода и шумно дышит. Двери лифта открываются, надо выходить, но собака не двигается с места, так что и Марта, и сосед не могут выйти.

Сосед (*по-немецки, заглядывая в разговорник*). Встать! Встать! Выходи! Давай! Выходи!

Марта отпирает дверь, входит в квартиру, включает свет в коридоре. Он освещает не только коридор, но и половину комнаты. Неубранная постель вызывает у нее рвотный рефлекс, ее рвет прямо в коридоре. Свет, затрещав, гаснет, квартира теперь полностью погружена в темноту.

Марта сидит на лавочке возле подъезда. Ей холодно, она ежится. Курит. На специальной доске возле двери объявления шуршат своими лепестками. Марта встает, подходит к доске. Читает объявления. Курсы английского языка. Шейпинг, солярий, танцы, ча-ча-ча, румба и самба. Ресторану требуется квалифицированый повар. Агентство недвижимости проводит бесплатные консультации. От руки: сдаю свою квартиру в этом доме. Марта отрывает лепесток.

Громко тикают часы. Марта стоит у окна, оно выходит не на улицу, как у нее в квартире, а во двор. И этаж выше. У стола стоит молодой парень делового вида, он считает деньги, шевеля губами.

Парень. ...двадцать четыре, двадцать пять. Все в порядке. Если что, могу вывезти мебель.

Марта. Не надо.

Парень. Да можете сами все на свалку отнести. Мне дедово барахло не нужно.

Марта. Как это все-таки ужасно, что его вот так убили...

Парень. Пить надо было меньше.

Парень осматривается, собираясь уходить. Идет к шкафу, открывает его, достает высокие яловые сапоги, блестящие, столетней давности – но как новые. Кладет их в шуршащий полиэтиленовый пакет. Идет к выходу.

Парень. До свидания. Обживайтесь тут.

Марта. Да, счастливо.

Марта продолжает смотреть в окно. В доме напротив, за окном с темными шторами мелькает силуэт кларнетиста, стоящего перед пюпитром. Он играет, но музыки не слышно. Марта смотрит на него и впервые за долгое время улыбается. Тишину нарушает холодильник, он начинает громко тарахтеть.

Марта еле тащит по лестнице вверх кучу вещей: рюкзак, пара сумок, чемодан, кипа пластинок, а на ней сверху стоит стакан в подстаканнике, позвякивает при каждом шаге Марты.

Марта вприпрыжку бежит вниз по лестнице. Вдруг останавливается посередине пролета. Возвращается назад.

Марта спускается вниз по лестнице, неся половину тех вещей, которые отнесла только что наверх. В свободной руке несет стакан в подстаканнике.

Марта налегке поднимается наверх через ступеньку.

Марта вытирает везде пыль, аккуратно поднимая предметы и кладя их на их прежние места. Проходится тряпкой вдоль книг на книжной полке. Книги все старые, собрания сочинений.

Марта открывает верхний ящичек бюро, там пусто. Марта кладет туда свою тетрадку, какой-то блокнотик, папку с бумагами, коробку из-под сигар, из которой высовываются документы. Закрыва-

ет ящичек и дергает другой, побольше. Но он не открывается – заперт.

Вытирая пыль на подоконнике, Марта видит цветок в глиняном горшке. Листья его опустились, завяли, но он явно еще жив.

Марта поливает цветок.

Марта стоит с проигрывателем в руках. Ищет, куда бы его поставить. Не находит. Ставит на пол посреди комнаты. Перебирает пластинки, выбирает одну. Ставит. Начинает звучать музыка – оркестр, тот самый концерт, который репетировал кларнетист.

Посреди комнаты крутится пластинка. Играет музыка. Марта сидит на подоконнике, пьет чай, смотрит в окно. Кларнетиста не видно. Свет в квартире не горит, поэтому обстановка освещена очень контрастно. Вещи все из прошлого века. Кресла накрыты потертым плюшем. Торшер – привет из семидесятых, по тем временам шик-модерн. Высокий полированный шкаф на ножках, демонстрирующий годовые кольца давно погибшего дерева. В углу – кровать с железными спинками, на которых соблазнительно поблескивают обязательные шишечки. И центр тяжести комнаты – резное массивное бюро, на нем – классическая зеленая настольная лампа. В комнате полный порядок. Марта смотрит в окно. Достает из кармана сигареты, щелкает зажигалкой, затягивается, выдыхает дым носом и видит, что дым почему-то желтого цвета. Закашливается, смотрит на сигарету с омерзением. Открывает форточку, выбрасывает сигарету. В комнату врывается морозный воздух, изо рта у Марты идет белый пар. За окном начинает идти крупный снег, очень быстро маскируя уродство неухоженного двора.

Марта в наброшенном на плечи пальто выбегает из подъезда под снег. Задирает голову, смотрит на большие рваные хлопья, летящие ей в лицо. Пересекает двор, чтобы попасть на детскую площадку, под грибок. Оказавшись под грибком, Марта кладет пачку сигарет на скамеечку, на мгновение задерживается и снова убегает под усиливающийся снег.

Марта в своей квартире, которая, утратив мелкие детали – разбросанные вещи, косметику на трюмо, книги, проигрыватель и прочее барахло, – стала выглядеть чужой и пустой. Марта молча и не двигаясь сидит за столом. Ждет. Смотрит в одну точку. Тишина. Наконец раздается звонок в дверь. Марта идет к двери, открывает ее. На пороге стоит пара – молодой мужчина и уже заметно беременная женщина. Марта отступает назад, пропуская их в квартиру.

Марта. Здравствуйте, проходите.

Мужчина. Добрый день. Мы немного опоздали, извините.

Марта. Ничего. Можете обувь не снимать. (*Добродушно.*) Хотя как хотите, пол-то мыть вам, а не мне.

Мужчина и женщина улыбаются, снимают обувь, причем мужчина наклоняется и помогает женщине снять сапоги, привычным жестом придерживая их за голенище, а женщина для устойчивости упирается рукой в дверной косяк. Проходят в комнату.

Марта. Вот, комната. Она, собственно, одна. Там кухня. Немного течет кран. Да, к сожалению, лампочки везде перегорели. Замените? Шкафы я освободила, но в кладовке осталось всякое старье. Я потом заберу, если вы не против.

Мужчина. Мы не против.

Женщина. А где туалет?

Марта. Вот.

Женщина направляется в туалет походкой утки.

Мужчина. Вот наши паспорта. Можете переписать данные. Или, если хотите, давайте договор подпишем.

Марта. Не надо паспорта. И договор. Я вам верю.

Из туалета доносится слабый голос женщины.

Голос женщины. Митя! Митя!

Мужчина бросается к двери туалета.

Мужчина. Лиз, что-то не так? Открыть можешь?

Женщина. Да, вот, сейчас... Открыла. Просто нога затекла, не могу встать.

Мужчина скрывается за дверью туалета. Марта смотрит ему вслед, как в детстве смотрела вслед подружке на новеньком велосипеде, о котором сама она не смела и мечтать. Из туалета раздаются охи и какая-то негромкая возня. Сливается вода. Наконец, мужчина и женщина выходят из туалета, она опирается на его руку и прихрамывает. Марта смотрит на них с умилением и завистью.

Марта смотрит на себя в зеркало, она немного накрашена, в выгодных ракурсах она кажется красавицей. Делает разные выражения лица – радостное, наивное, счастливое, грустно-романтическое, вдруг широко и искренне улыбается, но взгляд становится снова усталым и безнадежным, улыбка гаснет. Марта одета, она собирается выходить. Наклоняется, чтобы зашнуровать ботинки, когда раздается звонок ее мобильного. Марта отвечает.

Марта. Да, мам, привет. Спасибо. И я тебя поздравляю. Как с чем – с моим днем рождения. А что, для тебя это не праздник?

Разговаривая с матерью, Марта продолжает делать разные выражения лица перед зеркалом.

Центр Москвы, по-прежнему идет снег. Марта идет по пустынной улице. Машин почти нет, на всех светофорах мигает желтый свет. Проезжая часть покрывается снегом. Пешеходов тоже маловато, поэтому следы Марты красиво отпечатываются на покрывающемся снегом асфальте. Марта идет медленно, без цели и смысла. Смотрит прямо перед собой и вдруг видит лежащую на асфальте орхидею. На нее падает снег. Марта нагибается, поднимает цветок. Стряхивает с него снежинки, дышит на него, чтобы согреть.

Марта сидит в полупустом кафе, на столике рядом с ней – орхидея. Марта пьет кофе, перед ней на тарелочке – большое красивое пирожное. Марта берет ложечку и, прицелившись, медленно отламывает от пирожного кусочек. Пирожное немедленно теряет свою красоту, от него отламывается розочка, оно, скривившись, падает на бок на тарелочку. Глядя на это, Марта вздыхает и кладет кусочек в рот. Вкусно.

Марта идет по улице, видит пустое, заснеженное летнее кафе во дворике дома. Почему-то его не разобрали на зиму, и теперь столики повалены или забросаны пожухлыми листьями, на сиденьях витых стульчиков – лужицы, беседки полны мусора. Марта проходит во двор. На столике в лужице замерзли осенние листья. На красный круглый абажур, висящий над столиком, падает снег. Марта присматривается и видит провод от абажура, он тянется куда-то в сторону ближайшего дома. А вот и выключатель. Марта щелкает выключателем, и вдруг в абажуре загорается лампочка. Марта садится на стульчик к столу под абажуром. Кладет на стол орхидею. Лицо Марты освещено красным светом, и на снегу тоже красные отблески. Постепенно темнеет. Марта откидывается на спинку стульчика и прикрывает глаза. Кажется, что она заснула. Вдруг провода, идущие к абажуру, начинают искрить, конструкция, удерживающая их, обрушивается, искры сыплются во все стороны, провод начинает гореть. Марта, забыв про орхидею,

едва успевает выскочить из-под падающих проводов, выбежать из кафе. А там рушится все, и, если бы не снег, кафе уже пылало бы. Марта убегает.

Марта быстрым шагом идет к остановке с поваленным указателем, говорит по мобильному.

Марта. ...Да, на Фадеева. Проводка загорелась. Нет, я не там. Я мимо проходила. Выезжаете? Ну хорошо. До свидания.

Марта подходит к остановке, и как раз в этот момент подъезжает маршрутка. Марта едва успевает в нее сесть.

Маршрутка полна людей. Марта сидит у окна. Собирают деньги за проезд, он стоит 25 рублей. Марта, порывшись в кошельке, достает две десятки, а в кармане не находится никакой мелочи, кроме блестящей, будто только что с фабрики, пятирублевой монеты. Марта, мгновение поколебавшись, отдает ее вместе с десятками. И в ту же минуту начинает звонить ее мобильный. Марта судорожно ищет его в сумке, наконец, находит. На дисплее высвечивается: Павлик. У Марты перехватывает дыхание. Она отвечает на звонок.

Марта (*стараясь быть непринужденной*). Привет. Спасибо. Я так рада, что ты позвонил. Я? Ну, я... отмечаю. А ты... что ты делаешь? А-а. Ну, ладно. Спасибо, что позвонил. А знаешь, я ждала. Да, весь день ждала. Как же я могла не ждать. Нет, ну что ты, я тебя не упрекаю! Прости, прости, я не хотела... Павлик... Я не это имела в виду... Как что? Я имела в виду, что я... Я тебя люблю.

Люди в маршрутке постепенно оставляют свои разговоры и прислушиваются к словам Марты. Марта же совершенно забыла, где находится, она полностью погружена в разговор.

Марта. Я не могу без тебя! Слышишь? Я не могу без тебя жить! (*Начинает плакать.*) Я умираю каждый день, слышишь? Нет, уж ты выслушай меня, хоть раз выслушай! У меня, в конце концов, день рождения сегодня! Имею право! Я не понимаю, как же это, вчера любил, а сегодня уже все?! Это же все равно, что взять ребенка детдомовского, а потом назад его вернуть! Я жить не хочу, ты понимаешь?! Не хочу! Не хочу жить!!!

Шокированный тем, что слышит, водитель маршрутки резко останавливается.

Водитель. Эй, дорогая, слушай, давай я ему морду набью, только потом, после работы, а сейчас давай ехать будем нормально, да! Нервы не железные у людей, да!

Марта (*в трубку*). Ну все, все, я больше не плачу, все, все. Я вот уже смеюсь даже, вот. (*Пытается смеяться.*) У меня же праздник, гости. Прости, это так, эмоции, ну, ты же понимаешь, женщины, они такие. Я же просто обычная женщина, такая, как все. Все, все, давай забудем про это, хорошо? Ага. Подожди, я еще хотела сказать... (*Но он явно не хочет слушать, и Марта сникает совсем.*) Пока.

Опустив телефон, Марта оглядывает людей в маршрутке. Тишина. Маршрутка стоит. Люди смотрят на Марту, как на сумасшедшую. Водитель, вздохнув, заводит машину.

Водитель. Слушай, не люби его так сильно, да! Мужчину не надо так любить! А то он плохой становится, наглый. Взрослый женщина, а не понимаешь... С днем рождения тебя.

Марта и еще около десятка женщин сидят на стоящих кругом стульях. Смотрят на одну из женщин, сидящую приосанившись и со значением. Она явно ведущая этого сборища. Лет пятидесяти, вся в черном, с высокой прической, демоническим макияжем и массивными серебря-

ными украшениями, она явно ловит кайф от власти, которую имеет над этими несчастными. За ее спиной, в дальнем углу комнаты, стоит еще одна женщина, похожая на мышь. Она шуршит купюрами, пересчитывает их и переворачивает, чтобы все лежали одной стороной. Закончив свое дело, она выходит из комнаты, кивнув ведущей.

Первая женщина. Меня зовут Лена, тридцать два года, меня бросил муж, ушел к другой, мне очень плохо, я чувствую, что я плохая, я недостойна того, чтобы меня любили, я поправилась после родов, я все время плачу (*плачет, ее слова постепенно превращаются в поток причитаний*), не могу работать, меня уволят, а у меня сын...

Ведущая (*закрыв глаза, как медиум*). Так, стоп, стоп. Я вижу, у вас проблемы с матерью.

Первая женщина. У меня нет матери...

Ведущая. Вот! В этом и проблема.

Комната для занятий психодрамой.

Елена стоит и смотрит на то, как несколько других женщин разыгрывают какой-то странный спектакль. Марта тоже участвует в этом спектакле, на ее лице мрачное недоумение. Она лежит на полу, сложив руки на груди, как покойница. Над ней стоит другая женщина, на ее груди приколот лист бумаги с именем «ЕЛЕНА». На груди Марты тоже лист бумаги: «МАМА». «Елена» обращается к Марте.

«Елена». Мамочка, прости меня, я тебя люблю, но я больше не принадлежу тебе.

Марта не знает, что делать, скашивает глаза в сторону ведущей.

Ведущая (*шепотом*). Ну прости, прости же ее. Ты должна простить ее и отпустить. Ты же уже в ином мире. Отпусти свою дочь.

Марта (*без выражения*). Я прощаю и отпускаю тебя. Я уже умерла, можешь жить своей жизнью.

Ведущая. Прекрасно!

«Е л е н а» (*Марте*). Спасибо, мамочка! (*Настоящей Елене.*) Теперь я свободна, я чиста, я ни в чем не виновата! Я чувствую, как мне хорошо!

Елена. Ой, а и правда полегчало.

Ведущая. Это только начало, милая, надо быть готовой к долгой борьбе. Еще несколько сеансов – и ваша жизнь полностью переменится.

Марта слушает все это лежа, ей не по себе.

Марта (*тихо*). Простите, а можно мне встать? Пол холодный.

Теперь говорит Марта.

Марта. Меня зовут Марта, от меня ушел любимый человек, без объяснения, внезапно, ничто не предвещало...

Ведущая. Аборты. Сколько абортов?

Марта. Каких абортов?

Ведущая (*с уверенностью*). Вы делали аборты.

Марта. Я не делала абортов. Я никогда не была беременна.

Ведущая. Вот! В этом и проблема...

Марта, не дослушав ведущую, встает и идет к двери.

Марта выходит из лифта и идет к двери квартиры генерала. Снизу доносится какой-то шум, крик. Марта спускается на пролет ниже, чтобы посмотреть. Дело происходит возле двери ее квартиры. В дверь ломится милиционер. Он сильно пьян.

Милиционер. Марта! Открой, полиция! Я знаю, что ты здесь! Марта! Значится, так! Открой, сука! У меня ордер, бля! Марта... Ты пойми, ты такая... Я таких не встречал... Марта... Вот сука...

Марта на цыпочках поднимается наверх, тихонько открывает дверь ключом и скрывается в квартире генерала.

Марта стоит на автобусной остановке, вокруг много народу. Рядом стоит бабушка с внуком, темноглазым серьезным мальчиком трех лет. Мальчик изучающе смотрит на Марту, не замечая никого больше. У него слишком взрослый взгляд. Марта замечает это, улыбается мальчику. Но тот не отвечает на улыбку, продолжает на нее смотреть все серьезнее и серьезнее. Марта явно чувствует какой-то дискомфорт. Слышится какой-то тихий треск. Это у Марты загораются волосы. Кто-то из стоящих рядом людей замечает это, кричит Марте: «Женщина! Женщина!» Марту вдруг обжигает, она хватается руками за голову, начинает мотать ей из стороны в сторону, крича. Люди шарахаются в сторону от ее головы, постепенно превращающейся в факел. Мальчик продолжает смотреть. К остановке как раз подходит кларнетист, он видит эту сцену и бросается Марте на помощь. Кларнетист, оставив кларнет на асфальте, быстро набирает полные пригоршни снега и прижимает их к голове Марты. Голова постепенно гаснет. Марта стонет и плачет, ее волосы обгорели, но лицо цело, только в саже. Кларнетист прижимает Марту к себе, успокаивая. Подъезжает автобус, мальчик с бабушкой, как ни в чем ни бывало, садятся в него и уезжают. Кларнетист смотрит на обгорелые кончики волос, они так близко к его лицу. Смотрит на обожженные ресницы, с которых капают слезы. Марта высвобождается из его объятий.

Марта. Спасибо. Спасибо вам огромное.

Говоря это, Марта отстраняется на шаг, другой, и уже уходит в сторону дома, кларнетист так и не успевает ей ответить.

Марта придерживает плечом мобильный телефон, одновременно накрывая стол в большой красивой гостиной. Длинные гудки. Марта коротко подстрижена, челки почти нет, у нее выщипаны почти полностью брови, и ресницы до сих пор белесые после огня. Марта ставит тарелки, кладет рядом с ними приборы. Наклоняется, чтобы посмотреть – ровным ли рядом стоят тарелки, увидев одну выбивающуюся из строя, подходит, двигает ее на сантиметр вправо. Наконец, берут трубку. Марта резко выпрямляется.

Марта. Павлик?

Голос старика в трубке (*удивленно*). Д-да. А кто это?

Марта. Простите, это девятсот шестнадцать пятьсот три, двадцать два ноля?

Голос старика в трубке. Сейчас, сейчас, я посмотрю... Где-то написал сын, а я не помню, где...

Марта. Извините, а где Павлик?

Голос старика в трубке. Павлик – это я, только меня давно никто так не называл. Сын купил мне телефон вчера, а номер я свой не помню...

Марта. То есть этот номер у вас только со вчерашнего дня?

Голос старика в трубке. Да, девушка. Какой у вас приятный голос.

Марта. Спасибо. Извините.

Марта дает отбой. Растерянно смотрит на идеально расставленные тарелки, красиво лежащие с нужных сторон разнообразные вилки и ножи. Тяжело дыша, берет ближайший нож, на минуту задумывается. И с нажимом проводит ножом по тарелке, морщась от отвратительного до дрожи скрежета.

Марта поднимается пешком, через ступеньку, она уже тяжело дышит, но старается не сбиться со взятого темпа. Наконец на одной из площадок она останавливается. На площадке четыре двери, все обиты одинаковым дерматином. Но Марта знает, какая дверь ей нужна – та, на которой золотые цифры: 56. Мар-

та подходит к двери, останавливается, замирает, стараясь унять дыхание. Несколько глубоких вдохов и выдохов – и она начинает дышать ровнее. Но продолжает стоять, не решаясь позвонить. Очень медленно поднимает руку и дотрагивается до кнопки звонка. Стоит так, прикасаясь к звонку, но не двигаясь, и даже не замечает, что за ее спиной открываются двери лифта и оттуда выходит молодая женщина с двумя маленькими мальчиками-близнецами в одинаковых куртках и шарфах. Женщина, оглянувшись на медитирующую Марту, за шарфы подтягивает мальчишек к своей двери, звякает ключами, втаскивает детей в квартиру и заходит сама, захлопывает дверь. Звук захлопываемой двери как будто будит Марту, она, встрепенувшись, нажимает на кнопку. Раздается довольно неприятный резкий звук с птичьими переливами. Марта вся сжимается, закрывает глаза. Но за дверью тишина. Марта приподнимается на цыпочки, чтобы заглянуть в глазок. Там полумрак, виден неосвещенный коридор. Освоившись в ситуации, Марта снова жмет на кнопку, потом, осмелев, нажимает в третий раз и вот уже трезвонит вовсю, оглушенная псевдоптичьими трелями. И не замечает шарканье ног за дверью и то, что глазок неожиданно темнеет – кто-то смотрит в него. Из-за двери раздается голос.

Голос Павлика. Слушай, лучше уходи.

Марта. Павлик, извини, я просто стала беспокоиться... Зачем ты сменил номер?

Голос Павлика. Уходи, я сказал.

Марта. Павлик... Открой, пожалуйста, нам надо поговорить.

Голос Павлика. Нам не надо.

Марта. Я только хотела сказать, что очень виновата перед тобой... Я не должна была...

Голос Павлика. Ничего, я на тебя не сержусь.

Марта (*обнадеженно*). Правда? Павлик... Ты такой хороший...

Голос Павлика (*постепенно заводится*). Слушай, уходи уже, а? Неужели надо тебя послать? Неужели нельзя вот просто так уйти и все? Надо, чтобы я обязательно повел себя, как свинья, чтобы ты потом была спокойна – он подлец, а я святая?! Надо, чтобы я послал тебя на х**? Тебе так будет лучше, да? Так не вопрос, я ведь добра тебе хочу! Иди, иди на х**, слышишь? Только оставь меня в покое...

Марта, плача, уже бежит вниз по лестнице.

За окнами темно. Марта, не двигаясь, лежит на полу в кухне, голова в духовке. Шипит газ, заполняя тишину. Вдруг раздается звонок мобильного Марты. Он мигает зеленым светом в кармане пальто, висящего на вешалке в прихожей. Марта лежит без движения. Телефон продолжает звонить. Это длится какое-то время, пока Марта вдруг резко не вытаскивает голову из духовки, ударившись головой и застонав. Потирая ушибленное место, она рывком бросается в прихожую, находит телефон в пальто, смотрит на дисплей, видит незнакомый номер и отвечает на звонок. Глаза ее полны надежды, лицо перемазано сажей.

Марта. Алле? Алле, кто это?

Голос девочки в трубке. Мама! Мама, это же я!

Марта (*в недоумении*). Алле?

Голос девочки в трубке. Мама! Ты где?

Марта. Я... дома.

Голос девочки в трубке. Ты когда меня заберешь отсюда? Мама!

Марта. М-ммм... Девочка... Понимаешь, наверное, ты неправильно набрала номер...

Голос девочки в трубке. Что?

Марта. Ты только не волнуйся. Это ошибка. Ты, наверное, какую-нибудь цифру перепутала. Но твоя мама скоро придет.

Голос девочки в трубке. Мама? Где она? (*Начинает плакать.*)

Марта. Я не знаю. А ты где?

Голос девочки в трубке (*плачет*). Я в музыкальной школе. Уже все занятия кончились, охранник меня выгоняет! А вы кто?

Марта. Неважно! Ты не плачь, слышишь? Не плачь! Мама уже наверняка едет. А где твоя музыкальная школа?

Марта с испачканным лицом и в незастегнутом пальто бежит по улице в сторону метро. Она говорит по мобильному телефону.

Марта. Давай так. Сейчас мы попрощаемся, и я попытаюсь дозвониться до твоей мамы. А если не дозвонюсь, то поеду к тебе, хорошо?

Голос девочки. Хорошо.

Марта. Ну и замечательно. Все, не волнуйся, пока, скоро я тебе позвоню.

Марта на бегу дает отбой и начинает набирать номер.

Марта. Ой, извините.

Снова набирает.

Марта. Простите, вы не Ирочкина мама? Пардон.

Снова набирает.

Марта. Добрый вечер! Вы, случайно, не мама Ирочки? Понимаете, она в музыкальной школе... Как дома? Из института вернулась? Извините...

Марта добежала до спуска в метро, бежит по ступенькам вниз, сталкиваясь с людьми и продолжая прижимать к уху трубку.

Марта бежит по вестибюлю метро, вокруг полно народу, люди торопятся, налетают друг на друга. Марта, говоря по мобильному, пробивается к поездам.

Марта. Ирочка, я уже еду к тебе, скоро буду.

Голос девочки. А мама?

Марта. Маме я пока не дозвонилась. Но ты не волнуйся...

Голос девочки (*в сторону*). Мама!.. Ты где так долго была?

Марта слышит в трубке какой-то стук, видимо, девочка куда-то положила телефон, и становится плохо слышно. Марта останавливается на платформе. До Марты доносятся голоса девочки и ее мамы.

Голос мамы. Ирунь, ты чего плачешь, девочка моя? Ну куда же я могла деться, а? Ну как я могла за тобой не прийти? Девочка моя бедная, любимая. А с кем это ты разговаривала?..

Марта дает отбой. Перед Мартой открываются двери подъехавшего поезда, из него прямо на нее вываливается народ. Марту толкают, сбивают с ног, она хочет выбраться из стремительно несущегося человеческого потока, но не может, а люди не обращают на нее никакого внимания.

Марта делает новый интерьер – новогодний. Наряжает большую пушистую искусственную елку. Красиво оборачивает подарочной бумагой пустые коробки, раскладывает их под елкой. Щедро сыплет на пол и на большой стол с пластиковым угощением конфетти. Приклеивает на оконное стекло бумажные снежинки. Наконец, укрепляет вокруг окна гирлянду. Нажимает на кнопку, в помещении выключается свет. И зажигается переливающаяся и такая праздничная гирлянда, освещая лицо Марты то зеленым, то синим, то красным светом.

Марта сидит в углу вагона на трехместном сиденье. Рядом – неопределенного возраста люди с неопределенного пола лицами, все они спят, сжимая руками тесемки бесчисленных подарочных паке-

тов. На какой-то девушке вместо шарфа елочная мишура. В дальнем конце вагона спят две пьяные Снегурочки. Глаза Марты широко открыты и не мигают. Марта со своей короткой небрежной стрижкой очень похожа на мальчика не старше 17 лет, ее тонкая шея высовывается из воротника пальто так беспомощно и нежно. В ушах у Марты наушники, проводки уползают куда-то под пальто. Играет оркестр. Поезд замедляет ход, и темнота за окнами сменяется мельканием элементов декора станции. Поезд останавливается, двери открываются. Оркестр полностью заглушает диктора и шарканье ног выходящих и входящих пассажиров. Выходящих больше, вагон пустеет, рядом с Мартой освобождаются места, напротив тоже теперь пусто. В вагон вдруг входит, а точнее, въезжает брейк-дансом молодой человек. Модный с ног до головы, в ушах – наушники, он дотанцовывает до сиденья напротив Марты и замысловато садится. Танцует он мастерски, но слишком человеческое лицо лишает неживые движения робота убедительности. Лицо молодого человека все время улыбается. Глаза светятся как будто изнутри. Есть в этом лице что-то детское, и это очень контрастирует с его поведением и одеждой. Робот-дитя пристально смотрит на Марту, а она пристально смотрит на него. Мгновение затягивается и перестает быть мгновением. Марта не может сдержаться – губы как будто сами растягиваются в улыбке, отвечая широко улыбающемуся молодому человеку. Поулыбавшись, молодой человек посредством невероятных движений пересаживается к Марте. Достает из своего уха наушник и совершенно бесцеремонно выдергивает наушник из уха Марты, отчего ее голову немедленно наполняет грохот раскачивающегося вагона.

Молодой человек. Что слушаешь?

Марта. Брамса.

Молодой человек. Круто. Типа хаус?

Марта. Что?

Молодой человек вставляет в свое ухо наушник Марты, а в ее ухо – свой. Марта слушает ритмичную очень громкую электронную музыку. Молодой человек слушает Брамса. Они смотрят друг на друга.

Молодой человек (*доставая наушник из уха*). Круто. А ты прикольный. Тебе сколько лет?

Марта. Тридцать пять. И я женщина.

Молодой человек в шоке выполняет несколько брейк-движений. Смотрит на Марту, Марта – на него, оба сдерживают улыбку и, наконец, начинают хохотать. Вдруг в вагоне гаснет свет, и все погружается в ритмично мигающую пролетающими в тоннеле лампочками темноту.

В новогодней суетливой толпе Марта и Саша поднимаются из подземного перехода. Повсюду снег, холодно. Марта и Саша оживленно разговаривают, смеются.

Саша. Красивый снег, правда? А знаешь, я когда тебя увидел, прямо обалдел – такой красивый мальчик! Просто шоколадный. Прям я влюбился. А ты-то, ты... Тридцать пять, это ты круто гонишь, а чо не восемьдесят?

Марта. Я не гоню. Мне правда тридцать пять.

Саша. Да ну на фиг! Да ты меня разводишь!

Марта. Не развожу я!

Саша (*останавливается, берет Марту за плечи и смотрит пристально ей в глаза*). Малыш! Тебе – восемнадцать! Запомни это! Поняла?

Марта. Поняла.

Марта и Саша стоят на ступеньках перехода, их кое-как обходят люди, а они стоят и смотрят друг на друга.

Саша. Какая ты живая. Какая же ты... Удивительная. Я должен рассказать тебе

всю свою жизнь. А ты мне расскажешь всю свою жизнь?

Марта (*растроганно*). Расскажу.

Саша (*так же проникновенно, как раньше*). У тебя горячая вода есть?

Марта (*на волне*). Есть.

Саша. Тогда пойдем к тебе. А то у меня горячую воду отключили.

Марта сидит на краешке ванны и смотрит на худую спину сидящего в воде Саши. Торчат лопатки, похожие на крылышки. Марта смотрит на них с нежностью.

Саша (*не поворачивая головы*). А может быть, я твой ангел-хранитель. А ты – мой. И мы защищаем друг друга, не зная даже того. Просто живем и защищаем – тем, что живем. А?

Марта. Да. Может быть.

Саша. У меня любовник есть, Артур. Он ревнует меня ко всем моим мальчикам, девочкам... Хочет, чтобы я был только его. А я так не могу. Я же не могу любить только одного человека, правда?

Марта. Почему не можешь?

Саша. А как можно одного любить? Остальные ведь тоже такие хорошие... Ну, может, не все. Но многие – очень хорошие.

Марта. Надо же. А я не могу любить многих.

Саша (*убежденно*). А ты попробуй! Люби всех! Это же так обалденно круто...

Голый Саша делает несколько брейк-движений прямо сидя в ванне, и это выглядит даже более впечатляюще, чем в метро.

Марта и Саша лежат на кровати. Они одеты. Лежат лицом друг к другу, близко-близко, глаза в глаза. Молчат, смотрят друг на друга.

Саша. Я как будто знаю тебя всю жизнь.

Марта. Я тоже. И ничего не страшно.

Саша. Да. А зачем бояться? Я когда из колонии сбежал, помнишь, тогда, я рассказывал, я сначала боялся ужасно. А потом, уже на трассе, перестал. Дождь начался, а я иду по обочине. Льет, блин, как из аццкой глотки. И тут менты. Когда меня схватили, я смеялся. Мне так хорошо было. Так хорошо!

Марта. Сколько тебе лет было?

Саша. Четырнадцать. Это пять лет назад было. Я тогда решил четко – не буду больше наркотиками торговать. Буду торговать телом. (*Смеется.*)

Марта. И что, стал торговать?

Саша. Ну да, и сейчас приторговываю. А что, товар ходовой.

Марта. И как тебе?

Саша. Нормально. Только надоело. Знаешь, чего я хочу больше всего на свете?

Марта. Чего?

Саша. Ребенка. Ребеночка! Маленького, хорошего такого, моего...

Марта. Я тоже хочу ребеночка...

Саша. Да ты что? Серьезно? А давай родим?

Марта. Ты с ума сошел?

Саша. Почему, вовсе нет. Это же не случайно вот такое происходит, мы с тобой встречаемся в метро и оказывается, что оба хотим ребенка!

Марта. Нет, я как-то не готова...

Саша (*обиженно*). А, я понял, ты хочешь, чтобы тебе этот твой Павлик ребеночка сделал... Ну, тогда извини.

Марта и Саша замолкают. Марта закрывает глаза.

Саша. А этот твой Павлик-шмавлик, он хотя бы красивый мужик?

Марта. Красивый.

Саша. Ну, и то хлеб. Люблю красивых мужиков.

Марта прижимается к Саше, он обнимает ее крепче. Медленно, постепенно они начинают гладить друг друга. Потом

начинают целоваться. Саша вдруг отстраняется, смотрит на Марту.

САША. Что это мы делаем? Ты же не хочешь ребенка?

МАРТА (*смеется*). Ребенка не хочу.

САША. Ну, это вообще, как будто с сестрой спать. Охренеть, как возбуждает...

Они продолжают целоваться и ласкать друг друга все более страстно.

Полумрак, за окном светает. Марта просыпается от того, что Саша высвобождается из ее объятий. Он встает, начинает одеваться.

МАРТА. Ты куда?

САША. Ухожу.

МАРТА. Не уходи. Останься со мной, пожалуйста.

САША. Зачем?

МАРТА. Не знаю. Позавтракаем вместе.

САША. Мне нельзя оставаться.

Помедлив, Саша ложится к Марте в постель, обнимает ее и сразу засыпает, как ребенок.

Марта и Саша сидят в постели и пьют кофе. У Саши вдруг звонит мобильный.

САША. Алле, Дэн, а можно я сегодня отдохну? Ну Дэн, ну плиз... Нет, не вопрос, я знаю, что должен, но можно я отработаю завтра? Ну Дэн! Ну ты же меня знаешь! Ну и иди в жопу! Не хочешь в жопу? Тогда дуй в п***у!

Саша дает отбой. Смотрит на Марту. Марта немного испуганно смотрит на него.

САША. Неприятности на работе.

Саша и Марта в постели, занимаются любовью. Вдруг – бешеный стук в дверь. Саша и Марта замирают. Дверь начинают выламывать. Саша вскакивает, начинает одеваться, Марта тоже.

МАРТА (*кричит*). Это кто? Кто это? Я сейчас в милицию позвоню!

САША (*шепотом*). Дура, молчи...

Дверь с треском вылетает, в квартиру вваливаются двое мужиков – первый, толстый в бейсболке козырьком назад и в длинной футболке с надписью Hip-Hop, это Дэн, второй в костюме с галстуком красного цвета, сбившемся набок. Марта, увидев их, отползает в угол. Но мужчины ее не замечают, толстый сразу хватает Сашу за шкирку, тащит его по полу.

САША. Дэн, ну извини, я не хотел... Дэн!

Толстый Дэн бьет Сашу округлым кулаком наотмашь в скулу. Костюм брезгливо ударяет Сашу носком ботинка.

КОСТЮМ. Гнида.

САША. Сергей Иванович, я же почти все уже отдал, за что вы...

Дэн снова размахивается, чтобы ударить Сашу, Марта бросается между ними, смазанный удар приходится на нее, она падает, сбивая Сашу, оба падают на бюро, раздается треск и вываливается тот самый ящик, который был заперт. Дэн неожиданно ловко для своего веса хватает Сашу за глотку, поднимает его с пола и толкает к двери. Саша не сопротивляется, только в последний раз смотрит назад, на Марту. Улыбается, несмотря на то, что жирные пальцы Дэна сминают его подбородок. Подмигивает ей и что-то мычит.

САША. Ребеночка береги...

Костюм выходит из квартиры, Дэн выводит Сашу, дверь остается открытой. Марта сидит на полу, держит руку на щеке, которая постепенно наливается цветом от удара. Марта смотрит перед собой и видит на полу блестящую, будто только что с фабрики Гознака, монетку. Марта дотягивается до нее, берет, прикладывает к пылающей щеке.

Милиционер сидит за столом, перед ним – парнишка лет шестнадцати, хилый, плохо одетый, с заостренными чертами лица. Это он, нарисованный, промель-

кнул мимо Марты в ее воспоминании о пятнице. Рядом с ним вертикально стоит потертый скейтборд. Парнишка всхлипывает.

Парнишка. Да не хотели мы его убивать, нам деньги были нужны, на дозняк... А потом какая-то фигня началась... Мы попытались вмазаться, да почему-то расхотелось вдруг... Ну вот, все говорят, типа если подсел, то всё, крантец, а я плотно сидел, год или полтора. Да ни фига, вот вдруг расхотелось и все. А потом... Почему-то пришел домой, маму увидел... (*Начинает плакать.*) И вдруг так захотел ее обнять...

Парнишка плачет навзрыд. Милиционер смотрит на него с некоторым недоумением.

Милиционер (*неуверенно*). Вот до чего наркотики доводят. Хорош реветь.

Парнишка берет себя в руки, успокаивается. Раздается телефонный звонок. Парнишка снова заливается слезами. Милиционер берет трубку.

Милиционер. Супонев на проводе. (*Меняется в лице, в его рубленых чертах проступает что-то болезненно человеческое.*) Сволочи. Я еду. Жди.

Милиционер встает и, забыв про парнишку, выходит из кабинета. Парнишка роняет голову на колени и плачет, плачет, не останавливаясь.

Марта сидит на полу перед бюро, перед ней гора бумаг. Милиционер Супонев чинит дверь, врезает в нее новый замок. Молчат. Марта рассматривает бумаги, старые фотографии с зубчатыми краями.

Марта. Я одного не могу понять. Как же они его нашли здесь. Откуда они знали, что он здесь.

Супонев не отвечает, нахмурившись, орудует стамеской. Марта смотрит на фотографию. На ней – статный мужчина лет тридцати пяти в офицерской форме, он обнимает за талию невысокую, хрупкую женщину в шляпке, выглядящую старше, но с озорным блеском в глазах. Женщина смотрит в объектив, прямо Марте в глаза. Мужчина смотрит на женщину. Марта присматривается к мужчине. К его красиво упакованному в шинель телу. К единственному голому участку его тела – кисти руки, напряженно и страстно лежащей на драповом изгибе пальто спутницы. К его начищенным ботинкам. К развязанному шнурку на одном из ботинок. Развязанному и змеящемуся по земле – и раздавленному подошвой полуботинка озорной дамы. Марта переворачивает фотографию. На обороте надпись: «Моменты счастья. Ты еще рядом. 1948». В этот момент Супонев для пробы захлопывает дверь, язычок замка защелкивается. Марта вздрагивает.

Супонев. Зашибись.

Супонев озирается, ищет что-то.

Супонев. А где ключи? Ё-моё...

Перед дверью Марты на полу лежит связка ключей. Дверь дрожит – это Супонев дергает ее изнутри, пытаясь открыть. Этажом ниже открывается лифт, из него выходит соседка (*женщина с мусором*). Прислушивается к шуму сверху. Идет к своей двери.

Голос Супонева. Эй, кто там из лифта вышел! Там ключи валяются, откройте дверь! Слышите?

Соседка с сомнением останавливается и делает пару шагов по лестнице вверх, потом поднимается на один пролет и видит ключи и трясущуюся дверь.

Голос Супонева. Это милиция! Откройте!!!

Соседка колеблется.

Марта и Супонев сидят на полу в прихожей. Супонев прислушивается к происходящему за дверью. Там тишина, ни шороха. Марта напротив Супонева, у нее на

щеке – ссадина, короткие волосы торчком, в руках – фотография. Ссадина ей даже идет, как-то молодит.

Супонев. Марта... Я вот что думаю... Ты уж на меня не обижайся. Ну, на тот раз.

Марта. Я не обижаюсь.

Супонев. Нет, обижаешься. Так я что хотел сказать. Ты правильно мне позвонила, я ж всегда готов помочь тебе, ну и... Вообще, я, кстати, очень даже чувствительный человек.

Марта. А я совсем бесчувственная, знаешь.

Супонев. Зато красивая. И умная. (*Молчит немного.*) Я о такой всю жизнь мечтал... Марта. Давай я сразу главное скажу. Что-то со мной происходит. По утрам, по вечерам – все подругому. Хочу вот, например, выпить, а почему-то не пьется. То есть пьется, но что-то не то. Думать стал, понимаешь? Наверное, это потому, что я тебя встретил. Это все так сложно. Но я скажу главное. Марта, я люблю тебя. Я прямо весь это...

Супонева прерывает шум за дверью – шаги, звяканье ключей, неразборчивые слова, похожие на мат вполголоса. Наконец, дверь отпирается. За дверью – парень, хозяин квартиры.

Парень. Мне соседи позвонили. Послушайте, мне неприятности не нужны. В следующий раз я милицию вызову.

Супонев молча, не вставая с пола, достает из кармана свое удостоверение и в раскрытом виде показывает парню. Тот осекается. В этот момент у Супонева звонит мобильный телефон.

Супонев. На проводе. Тьфу. Что? Как повесился?

Супонев оглядывается на Марту, ловит ее тревожный взгляд.

Супонев. Сволочей-то этих задержали? Ну молодцы...

Марта начинает плакать. Парень недоуменно наблюдает всю эту сцену.

Марта, Супонев и патологоанатом стоят над телом Саши. У Саши лицо синеватое, на шее след от веревки. Марта смотрит на его закрытые глаза.

Супонев. А родственники?

Патологоанатом. Не нашли, у него и документов-то только справка об утере паспорта.

Супонев. Может, ему помогли?

Марта, не слушая Супонева и патологоанатома, всматривается в Сашино лицо. Он медленно открывает глаза и смотрит прямо на Марту. Марта этому совершенно не удивляется. Саша, не обращая внимания на говорящих, обращается к Марте.

Саша. Нет, это я сам. Как ментов увидел – не, решил, в тюрьму больше не пойду.

Супонев и патологоанатом не слышат Сашу, продолжают говорить.

Патологоанатом. А х*р его знает. Кстати, незадолго до смерти у него был секс.

Супонев (*мрачно*). Так я и думал.

Марта слушает Сашу.

Саша. Я, наверное, поторопился. Может, не надо было. Но что теперь уж поделаешь.

У Марты глаза начинают блестеть от слез.

Саша. Марта. Ты только не грусти. Я все равно живой. И ты живая. И мы будем жить.

Саша медленно закрывает глаза. Патологоанатом, не слышавший и не видевший, как Саша говорит, закрывает его лицо простыней.

Патологоанатом. Да, и самое главное. У него за ухом был вшит маячок. Такие птицам ученые зафигачивают перелетным. Чтобы отслеживать перемещения. Впервые такое вижу у человека...

Ночь. Идет снег. Марта стоит посреди двора и громко, красивым поставленным

голосом поет оперную арию. Прямо на снегу сидит Супонев, слушает Марту, положив голову на колени. Супонев плачет.

Слышно пение Марты. На двуспальной кровати – одна подушка, которую обнимает спящий кларнетист. Он ворочается от громкого пения. Трет глаза. Встает. Подходит к окну, отодвигает шторы. Видит посреди двора поющую Марту. Вглядывается в нее все пристальней, постепенно просыпаясь. Марта продолжает петь.

У метро – елочный базар. Люди выбирают елки. Елки сторожат приплясывающие от холода кавказцы с поднятыми воротниками куцых курток. Жильцы Марты – муж и беременная жена – тоже выбирают елку, муж поднимает, ставит на снег, показывает елочку жене, она просит посмотреть вон ту, которая в углу. У жены уже большой живот. Заметив Марту, муж и жена вежливо ей кивают, здороваются, она тоже им улыбается и подходит к елкам, сваленным в кучу. Смотрит, но не трогает. Стволы елок тонкие, небрежно спиленные, на снегу – иголки и опилки. Марта, наконец, решается приподнять одну елочку. Елочка оказывается почти лысая и с одного бока примятая. Подходит продавец.

Продавец. Девушка, давай красивый выберу тебе! Этот не бери, плохой.

Марта. Почему плохой? Плохая, то есть... Я ее возьму.

Продавец. Зачем его берешь? Денег мало? Так я тебе скидка сделаю, бери хороший!

Марта. Мне этот нравится... эта. Ее ведь никто не возьмет, и вы ее на помойку выбросите. А мне ее жалко.

Продавец. Добрый ты, только не к тому, кому надо. К людям надо быть добрый, они живой, они страдает, плачет, а елка уже мертвый, ей не надо.

Марта кое-как тащит по двору две елки – лысую кривую и красивую, пушистую. Слышно, как играет кларнетист. Шторы его окна слегка колышутся.

Марта едва вылезает из лифта и вытаскивает елки. Несколько раз ее и елки прищемляют двери лифта. Наконец, она выходит на площадку перед своей квартирой, в которой больше не живет. Марта звонит в дверь соседке. Долгая тишина, шаркающие шаги, дверь отпирается, натягивается цепочка, соседка мрачно смотрит на Марту.

Марта. Здравствуйте. С наступающим. Я вот хочу вам елку подарить.

Соседка *(после паузы)*. У меня пластмассовая есть.

Марта. Так это же настоящая, ароматная, она же лучше. Берите.

Соседка. Ну, спасибо.

Небольшая пауза. Соседка ждет, Марта тоже.

Марта. Цепочку придется снять.

Соседка колеблется. Но снимает цепочку. Марта протискивает в дверь елку – ту, которая красивая и пушистая. Елка заполняет всю тесную прихожую, оттеснив соседку в глубь квартиры. Марта остается снаружи, перед дверью, вталкивая торчащую макушку елки в квартиру.

Соседка (*кричит через елку*). Ой! Колючая! А зачем вы переехали наверх?

Марта. Так просто.

Соседка. Не хотите говорить – не говорите. С наступающим вас. Всех вам благ.

Елка окончательно всасывается в квартиру, дверь закрывается.

Отпирается дверь, и в квартиру протискивается Марта, она тащит лысую елку. Протискиваемая в дверной проем, елка теряет еще половину иголок. Она уже наполовину в прихожей, когда раздается звонок телефона. Марта бросает елку,

торчащую из открытой двери, бежит к телефону, хватает трубку, но не успевает.

Марта. Алло! Алло! Ёлки-палки! (*Кладет трубку.*) Ну что такое, а? Ну что же такое?

Марта от досады и обиды плаксиво подвывает, смотрит на лежащую в дверном проеме елку.

Елка стоит у окна, частично увешанная старыми игрушками. Рядом – пыльная коробка из-под советской соковыжималки, в ней – пара сломанных шаров и конфетти, а еще – мятые обрывки старых пожелтевших газет, в которые были завернуты игрушки. Марта стоит на табуретке и копается на антресоли. Вытаскивает какую-то коробку, сдувает пыль, заглядывает внутрь. Спускается, открывает ее. В коробке – верхушка для елки в виде кремлевской звезды. Верхушка просто роскошная. Марта пытается надеть на макушку елки звезду, но веточка тонкая и сгибается под тяжестью украшения. Что Марта ни делает – ровно она не стоит. В конце концов Марта оставляет звезду как есть – слегка наклоненной вправо, как будто задремавшей.

Ночь. Марта сидит за столом одна, на столе – одна тарелка и одна салатница с салатом из моркови. Еще есть банка шпрот и бутылка вина. Играет музыка – тот самый концерт, который репетирует кларнетист. Марта открывает вино, наливает себе бокал, смотрит на часы. На них – 23.58. Марта смотрит на часы на стене – на них без пяти двенадцать. На часах в мобильном – 23.56. Марта берет телефон, набирает 100. После щелчка металлический женский голос говорит: «Московское время двадцать три часа пятьдесят семь минут тридцать четыре секунды». Марта кладет трубку. Смотрит в окно. Видит в окне кларнетиста его силуэт.

Раннее утро. На полу стоит настольная лампа, горит уютным зеленым светом. Марта сидит на паркете, перебирает бумаги, выпавшие из бюро. Среди них много фотографий, на всех – одна и та же женщина, которую Марта уже видела на фотографии с офицером. Женщина очень красивая и всегда модно одетая, во всяком случае, для пятидесятых-шестидесятых она выглядит просто роскошно. На всех фотографиях у нее есть только одна одинаковая вещь – камея, украшающая ее красивую шею. Среди вывалившихся бумаг много писем, они развернуты, к ним аккуратно пришпилены ржавыми скрепками конверты. Марта берет одно из писем, читает.

Голос Марты. Я только что вернулся домой, на губах еще вкус твоего тела. И сразу пишу тебе. Ты получишь это письмо через несколько дней, пусть оно будет тебе весточкой из этого счастливого прошедшего дня...

Голос генерала. ...Как я люблю тебя, как я счастлив с тобой, как я жду тебя каждую минуту...

Марта берет следующее письмо.

Голос генерала. ...Как бы то ни было, твоя семья для меня – святое, хотя бы потому, что это твой выбор, это ты так хочешь, тебе так хорошо. Раньше я ненавидел твоего мужа и даже хотел его убить... Сейчас я люблю его – как часть твоей жизни, как тот твой старый, но любимый шелковый шарфик, как твой продавленный стул в гримерке, который ты не променяешь ни на какой другой. Прости меня, я и сам, наверное, хотел бы быть частью твоего повседневного реквизита...

Марта читает открытку.

Голос генерала. Пишу тебе снова, теперь уже коротко. Я тревожусь о тебе. Тревожусь о нас. Милая, любимая моя, единственная, как я боюсь тебя потерять. Неужели это возможно?

Еще одно письмо, очень толстое.

Голос генерала. Ты вернула мне все мои письма, и я обнаружил, что ни в одном из них не смог передать и сотой доли той любви, которая живет во мне. Неужели теперь уже поздно... Я не хочу и не могу поверить в то, что мы больше не увидимся. Хотя нет. Я даже готов не видеть тебя больше. Но я не могу представить, что настал конец любви. Что ты не любишь меня больше...

Марта (*шепчет*). Милая, любимая моя, доводящая до дрожи, одним взглядом сжимающая столетия в одно мгновение, пронзающее, убивающее, лечащее и мое, мое, только мое... Не может быть, чтобы ты меня разлюбила. Как же это может быть? Любовь – она же такая большая, ее же так много, куда же она могла деться, где же она теперь, если уже не в тебе? Я не понимаю. Я не могу понять. Должна же она быть где-нибудь?..

Марта замолкает. Поднимает голову. Утренний свет заполнил комнату, и горящая настольная лампа кажется теперь такой одинокой. Марта снова опускает голову и читает еще несколько строк письма.

Марта. Я так хочу всю, всю ее, всю любовь, какая только есть на свете, передать тебе, как неразменную материю, вечную, нестареющую, всегда новорожденную... Я сделаю это. Я смогу.

Положив на пол письмо, Марта берет какой-то сложенный во много раз лист бумаги, разворачивает. Это оказывается миллиметровая бумага с каким-то чертежом. Это не единственный чертеж среди бумаг – вот еще и еще чертежи. А вот вычисления – множество листочков с цифрами, формулами, набросками, исправлениями. Марта привстает и заглядывает в глубину ящика бюро. Там что-то застряло. Марта засовывает туда руку по локоть и вскоре вытаскивает застрявший рулон ватмана. Разворачивает его. На ватмане – окончательный чертеж какого-то сложного устройства. Внизу справа – спецификация, в нее четкими буквами от руки вписано название прибора: МАШИНА ЛЮБВИ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ. Марта всматривается в чертеж, пытаясь что-то понять в нем. Но он невероятно сложен. Марта откладывает чертеж и смотрит на разбросанные по полу письма. Все они распечатаны и вынуты из конвертов. Но вдруг она замечает запечатанный конверт. Марта берет этот конверт, смотрит на свет. Ничего не видно. Тогда она аккуратно распечатывает его и достает листочек. Вверху крупно напечатано: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ УСТРОЙСТВА «МАШИНА ЛЮБВИ». Марта погружается в чтение.

Марта переворачивает инструкцию, на обороте написано от руки тем же почерком, которым написаны все письма: «Горячо там, где холодно». Включается холодильник.

Ранее утро. Марта перед тарахтящим холодильником. Это старенький ЗИЛ с характерной ручкой и округлыми углами. Марта слушает его тарахтение, закрывает глаза. Тарахтение прекращается, Марта открывает глаза и берется за ручку. В холодильнике почти пусто, Марта засовывает туда голову и осматривает стенки. В одной из стенок она замечает что-то вроде маленького люка, завинченного двумя винтиками.

Марта отвинчивает винты ножом, он соскальзывает, порезав ей руку.

Марта заклеенной лейкопластырем рукой залезает в открытый люк, что-то нащупывает там. В этот момент холодильник включается и начинает тарахтеть, Марта вздрагивает, ее глаза становятся влажными, рот приоткрывается, она закусывает губу и издает животный стон, ее тело изгибается, она валится на пол, пульсируя и извиваясь – она испы-

тывает оргазм. Постепенно успокаиваясь, она слабеет, начинает улыбаться, ее лицо становится на двадцать лет моложе, глаза сияют счастьем.

1 января, утро, на улицах никого нет, снег усеян конфетти, повсюду обрывки воздушных шаров и осколки игрушек, потерянные шарфы и одинокие варежки, недолепленные снеговики и бутылки, окруженные пластиковыми стаканчиками. Снег полит вином и шампанским, местами черен – в местах запуска фейерверков и петард. На голове безглазого снеговика горит бенгальский огонь – кто его зажег, непонятно. Следы людей и машин припорошены тонким слоем снега. Марта идет по проезжей части, кругом тишина, как будто все автомобили разом отменили. Марта идет и смеется. Лепит снежки и бросает перед собой, как будто бы видя цель, пинает сугробы, кружится сама с собой в танце. Из-за угла навстречу Марте выходит очень пьяная молодая женщина в дорогой шубе и размазанном макияже. У пьяной фатально серьезное выражение лица, которое в такой степени искренности можно встретить только у людей под парами. Марта и пьяная сближаются.

Пьяная (*Марте, мрачно*). С новым счастьем. Если это что-то меняет...

Марта в ответ улыбается и проходит мимо, по-детски проехавшись по заледенелому асфальту. Пьяная останавливается, перестает шататься, внезапно трезвеет и удивленно смотрит вслед Марте.

Весна. На деревьях еще нет листьев, но они уже отсвечивают зеленым, сквозь пожухлую траву на газонах пробивается новая, яркая, молодая. Таджики в оранжевых жилетах приводят в порядок двор, собирая в большие черные полиэтиленовые мешки мусор, пролежавший всю зиму под снегом. Светит солнце. По двору идет кларнетист. Навстречу ему идет Марта. Она кажется совсем молодой, ей очень идет ее короткая стрижка, светлый плащ, юбка выше колен. Она кажется девушкой из шестидесятых, из французского журнала, замусоленного тремя поколениями советских женщин. Кларнетист смотрит на нее восторженно, складывает губы как будто для того, чтобы выдуть какую-нибудь мелодию. Он явно хочет заговорить. Но голос не слушается его, и он говорит беззвучно, одними губами.

Кларнетист. Здравствуйте.

Марта (*улыбаясь, но нисколько не замедляя шаг*). Здравствуйте.

Они расходятся в разные стороны, и кларнетист, неловко поведя шеей в воротнике пальто, не решается обернуться.

Марта и Наташа – в старом интерьере с сердечками на стенах. Мебель сдвинута, повсюду беспорядок. Марта и Наташа обдирают обои.

Наташа. Когда у тебя в последний раз был секс?

Марта. Не так давно. Зимой.

Наташа. Ты смеешься? Это называется не так давно?

Марта. Ну, не три года назад же.

Наташа. И как ты справляешься?

Марта. В смысле?

Наташа. Ну, трудно без секса?

Марта. Трудно. Но терпимо.

Наташа. Понятно.

Они продолжают обдирать обои молча, срывая сердце за сердцем.

Васильпетрович сидит за своим столом, за его спиной за стеклянной стеной – город, высокое небо, летящие облака. Васильпетрович посматривает на Марту и Наташу, которые в другом конце торгового зала срывают обои в выгородке. Васильпетрович не замечает, как за его спиной над городом появляется птичья стая. Сотни птиц летят в сторону окна

торгового зала. Они все ближе и ближе. И вдруг с ужасным треском птицы врезаются в стеклянную стену за спиной Васильпетровича. Васильпетрович подскакивает, Марта и Наташа в шоке смотрят на стаю, продолжающую атаковать окно и осыпающуюся на землю трупиками свиристелей.

Марта идет по супермаркету с тележкой. В тележке – бутылка вина, крекеры, фрукты, пачка стирального порошка. Пол в супермаркете грязный, потому что на улице мокро, и посетители приносят грязь на ботинках. Уборщики не справляются. Марта сворачивает за стеллаж с печеньем, здесь уже недалеко до кассы. И вдруг она видит лежащую на полу старушку. Старушка очень бледная, глаза ее полузакрыты. Марта присаживается над ней на корточки.

Марта. Вам плохо?

Старушка молчит, по лицу ее пробегает то ли судорога, то ли улыбка. Она на глазах становится все бледнее и бледнее, как будто жизнь покидает ее.

Марта. У вас есть с собой лекарства? Может, вызвать скорую?

Старушка закрывает глаза. Марта берет ее за руку. Холодная, неподвижная, тонкая рука кажется мраморной, удлиненные ногти синеют. Марта садится на пол рядом со старушкой, а потом ложится, не обращая внимания на грязь. Ложится рядом, прижимая старушку к себе, крепко сжимая ее руку. Смотрит на ее лицо. Белое, безжизненное, покинутое душой лицо. Марта смотрит на все ее морщинки, на пергаментную тонкую кожу, на синеватый некрасивый нос, на веки без ресниц, на пожелтевшие волоски бровей. Марта нежно смотрит на ее лицо и медленно целует ее в щеку. Старушка не шевелится. Но веки ее вздрагивают. И лицо постепенно начинает приобретать розоватый оттенок. Наконец, веки чуть приподнимаются, она смотрит прямо в глаза Марте.

Старушка. Как давно меня никто не целовал. Как давно меня никто не целовал.

Марта целует старушку еще раз, и та оживает, слабо улыбается. На ее дряблой шее Марта замечает камею со знакомым профилем, под камеей пульсирует синяя жилка. Марта закрывает глаза. Обнявшись, Марта и старушка лежат на полу в супермаркете, пока их не находит здоровенный медбрат с чемоданчиком, вызванный администрацией магазина.

Марта идет по улице. На ее плаще – грязь. Широкий тротуар центральной улицы заполнен людьми, они идут в обе стороны, создавая пересекающиеся и сталкивающиеся потоки. Марту несет такой поток, иногда она сталкивается с кем-то из встречных, но ее несет дальше. Она полностью подчинена потоку, она не сопротивляется, у нее нет цели, она просто идет. Вдруг в море людей появляется шныряющий туда-сюда катерок – оборванная цветастая девочка-цыганка с привязанным к спине младенцем. Девочка протягивает руку то одному человеку, то другому, но все отворачиваются от нее. У выбритого гражданина она, не получив подаяния, на ходу успевает вытащить мобильный из кармана, у гламурной девушки из модной сумочки вытаскивает бумажник. Добравшись до Марты, она протягивает руку, преграждая Марте дорогу. Марта, в отличие от других пешеходов, останавливается. Смотрит девочке прямо в глаза. Они смотрят в глаза друг другу немного дольше, чем мог бы длиться случайный взгляд. Марта роется в кармане плаща, достает монетку. Блестящую, переливающуюся, как будто только что с конвейера фабрики Гознака. Не глядя на монетку, Марта кладет ее в протянутую руку девоч-

ки. Та, наконец, перестав смотреть Марте в глаза, опускает взгляд и смотрит на монетку в своей грязной ладони. Монетка сияет. Марта берет ее ладонь и закрывает и сжимает ее в кулак. Девочка, изменившись в лице, немедленно убегает, исчезает, растворяется в толпе, ее больше нигде не видно. В то же мгновенье у Марты звонит мобильный. Она смотрит на дисплей. Смотрит долго, колеблясь – отвечать на звонок или нет. Отвечает.

Марта. Алле, привет.

Голос Павлика. Привет, Марта. Как дела?

Марта. Хорошо.

Голос Павлика. Это хорошо.

Марта. Да.

Молчат.

Голос Павлика. А что ты делаешь?

Марта. Иду.

Голос Павлика. А. Понятно. Может, встретимся? Я как-то тут подумал, что, может быть, в общем... Понимаешь, я, ну, в общем...

Марта. Не понимаю.

Голос Павлика. Да все ты понимаешь! Все ты понимаешь... Марта, прости меня. Я хочу тебя видеть.

Марта. Зачем?

Голос Павлика. Я люблю тебя.

Марта. Нет. Ни к чему. Все кончилось, Павлик. Все кончилось у меня.

Марта дает отбой, смотрит на мобильный и говорит ему.

Марта. Все отдала.

Марта сует мобильный в карман. И не замечает, как чья-то маленькая грязная рука его немедленно вытаскивает из кармана. Марта разворачивается и идет назад – против людского потока.

Голос Марты. ...Теперь, когда эта звезда остыла и безжизненно вертится во Вселенной, когда тепло и свет ее не долетают до меня больше, заливая веки изнутри слепящим светом и не давая уснуть ночью, когда утренний луч ее не обжигает меня полусонную и беззащитную, теперь, когда нет у меня больше звезды моей, что я могу сказать о ней теперь? Помню ли я еще ее лучи, ее молчание и улыбки? Помню ли я узоры, которые рисовали ее световые волны, обгоняя друг друга, захлебываясь, торопясь и угасая? Помню ли я имя ее, лицо ее, свет ее? Не помню я звезду мою, так же, как, проснувшись сегодня, не вспомнила своего имени и не узнала своего лица в потемневшем зеркале, потому что звезда эта – сердце мое, любовь моя, которой больше нет. Остывшее сердце – хуже, чем рана. Боль моя, не покидай меня. Зажгись, не отпускай, воскресни. Гори, гори, моя звезда...

Зажигаются фонари. Марта идет дальше.

Стемнело. Марта выходит на очень сильно освещенный участок улицы. На проезжей части стоит допотопный автобус, он тарахтит, у его открытых дверей в ярком свете стоят двое – мужчина в военной форме и женщина. Они крепко обнимают друг друга, женщина прячет лицо на груди у мужчины. Они прощаются. Автобус тарахтит все громче. Это снимается кино. Вокруг – киногруппа и случайные прохожие. Марта совсем близко, она, не замедляя шаг, идет мимо. Актриса поднимает глаза, полные слез, на актера. Они целуются. Женщины, стоящие у ограждений и наблюдающие за актерами, плачут. Марта, скользнув взглядом по актерам, идет дальше. Проталкивается сквозь толпу, уходит, не оборачиваясь. Поцелуй длится некоторое время, режиссер мрачно смотрит на целующихся актеров в монитор. До Марты доносится команда режиссера.

Режиссер. Стоп!!!

Марта идет, а за ее спиной, отпрянув друг от друга, актеры немедленно перестают целоваться.

Квартира Марты, утро. Новорожденный младенец открывает глаза, тяжелые опухшие веки приподнимаются, из-под них сурово глядят голубые водянистые глаза. Они осматривают преобразившийся интерьер комнаты Марты – здесь теперь уютно, на окнах симпатичные шторы, у стены – детская кроватка, над ней висит мобиль: маленькие серебристые, золотистые и розоватые котята, щенки и младенцы крутятся под нежную мелодию, похожую на ту, которую играл кларнетист, но только теперь исполняемую синтетическими электроколокольчиками. Новорожденного кладут в кроватку его мама и папа – жильцы Марты. Он смотрит на мобиль. Серебристый, как будто металлический младенец с открытыми глазами кажется ему таким большим. Металлический младенец висит в воздухе в позе эмбриона, мягко кружится вокруг своей оси. Играет музыка.

Лето. Жара. Трамвай едет по бульварному кольцу, задевая открытыми форточками ветки растущих близко к рельсам деревьев. Вдруг трамвай резко тормозит, треск, искры – закоротило питание. Продолжая фонтанировать искрами, трамвай останавливается.

Мы видим весь трамвай с задней площадки. Камера медленно едет от задней площадки трамвая к передней.

Голос водителя. Граждане, трамвай дальше не пойдет, просьба освободить вагон...

Двери трамвая открываются, многочисленные пассажиры начинают медленно продвигаться к дверям, выходят. Камера едет. Трамвай пустеет, как кинозал по окончании сеанса. Чем меньше людей, тем слышнее женский смех. Он все ближе и ближе. Камера едет по уже почти пустому трамваю, приближаясь к затылку сидящей на переднем сиденье женщины. Она смеется, оборачивается на камеру. Это Марта. На фоне лета в окне трамвая и сыплющихся электрических искр она продолжает заливисто, счастливо хохотать. Кто бы мог подумать, что у нее такой заразительный смех. ◆

Елизавета Симбирская
по идее Филиппа Юрьева

СЕЗОН ОХОТЫ

Сценарий

Елизавета Симбирская – драматург. Родилась в 1989 году. Окончила ВГИК (2013, сценарная мастерская Н.Рязанцевой и В.Антоновой). Печаталась как критик в журналах «Огонек» и «Искусство кино». Сценарист сериалов и документальных программ для телеканалов ТВЦ, «Домашний», «Культура». Публикуется в журнале «Сноб». Автор сценария мультипликационного фильма «Чехов Точка Чайка» (2015, с Соней Меламуд). Этот фильм – участник фестиваля в Суздале, лауреат фестиваля «Отцы и дети»; сценарий был внесен в лонг-лист премии «Икар» (2016).

Лиза Симбирская защитила свой сценарный диплом года три назад. Тот курс был веселым и дружным, работа с ним сейчас вспоминается как праздник. Особенно первые годы обучения. Преддипломные муки, когда надо сочинить большой оригинальный сценарий, а он не получается, и нас не миновали. У Лизы Симбирской было свое амплуа: она умела говорить. Редкое качество у молодых сочинителей. Пока они выдавят свое «понравилось — не понравилось», обращаюсь к Симбирской: «Сейчас Лиза вам все объяснит — что вам понравилось и почему не понравилось». И Лиза объясняла, развернуто, убедительно: как готовый кинокритик. Иногда ее заносило — текущий кинопроцесс ее не устраивал, как и другие процессы в обществе, от которых кино слишком зависит. Мы спорили, приходилось включать всю педагогическую мудрость против вгиковского максимализма. Но не поссорились. И никто не поссорился на этом веселом курсе, о чем свидетельствуют фотографии с прощальной — после защиты — вечеринки и редкие наши встречи. Всех не собрать, но многие приходят, иногда приносят сценарии, что удивительно: для такого трудоемкого и рискованного занятия у них нет времени, все где-то работают, понемногу зарабатывают, путешествуют, личная жизнь тоже требует времени и нервов, и если кто-то пишет ночами «в стол», то уж, конечно, не сценарии, а прозу и стихи — в надежде когда-нибудь напечататься и удивить читающую публику.

И вот — сценарий полнометражного фильма, да на такую экзотическую, «нехоженую» тему... Вы бывали на Чукотке? У самого Берингова пролива? Вы видали, как добивают раненых китов? Должно быть, эту тему Лизе Симбирской кто-то подсказал (или заказал), и она долго работала и выстроила увлекательный сценарий про чукотских юношей со всеми проблемами «нежного возраста», но с древнейшим

охотничьим инстинктом. Сценарий большой, перенасыщенный событиями и персонажами, их хватило бы на четыре серии, но в последней и пограничники появляются, и стоит там, в холодных морях, заблудиться — угодишь прямо на Аляску, и кто там чукча, а кто русский, не всегда разберешь, так что красивый приключенческий фильм для семейного просмотра едва ли получится — слишком много производственных трудностей, согласований, разрешений. И защитники китов, наверное, не дремлют. А страдания бедного Лешки, не убившего своего кита, промазавшего, упустившего свой шанс стать героем, меня тронули и запомнились. Я читала и думала: зачем сценарий? Написала бы Лиза Симбирская книгу про этих китобоев — давно бы ее напечатали и расхватали, хоть в мягкой обложке, для дорожного чтения. А там, глядишь, соберется «большая книга». Войдут туда и вгиковские курсовые работы — ведь были у Лизы Симбирской отличные сюжеты, только не хватало «сценарного мастерства». Его всегда маловато, даже у отличников, даже у самых опытных и заслуженных мастеров сапиенса и крутой перипетии.

Наталья Рязанцева

Берингов пролив, утро. На огромных скоростях пять моторных лодок мчатся в глубь Берингова пролива. Лодки синхронно начинают преследовать одного из китов, расходясь веером. На лодках молча и сосредоточенно застыли китобои, в руках у них гарпуны с привязанными к ним «пых-пахами» – надутыми пузырями – и ружья. Каждая из лодок по очереди настигает животное и, когда большое блестящее тело появляется на несколько мгновений из воды, китобои стреляют в него. Кит подныривает под одну из лодок и сильно бьет в воздухе огромным хвостом. На китобоев летит ледяная соленая вода.

Охотники сильнее держатся за бортики, слышится страшный рев. Жестокая океанская коррида продолжается: катера то дрейфуют в полной тишине, то лавируют, то устремляются за малейшими всплесками воды. Бригадир выходит на корму лодки и с силой кидает контрольный гарпун с привязанным к нему красным «пых-пыхом». Он попадает с первого раза, и после этого все охотники начинают кидать свои гарпуны в кита. Кто-то из них промахивается, кто-то попадает. Кит теряет маневренность.

Бригадир. Добивай!

Леша – худой белобрысый парень лет тринадцати-четырнадцати, «смешанный» русский и чукча – одновременно с ужасом и решимостью смотрит своими разноцветными глазами на бурлящую воду и кита в ней. Он с датинг-ганом в руках встает на нос лодки и прицеливается. Лодку качает и он еле держится на ногах. Кит в последний раз взмахивает хвостом и обдает Лешу водой. Мальчика отбрасывает от края лодки. Падая, Леша стреляет, но мимо. Коля – чукча, более крепкий, того же возраста – подхватывает Лешу, не дав расшибиться о борт, перехватывает свой датинг-ган и быстро стреляет. С первого выстрела он добивает кита.

Китобои, поставив лодки параллельно одна другой, вместе вытягивают кита из воды, снимают с него веревки от «пых-пыхов», оставляют один красный контрольный и буксируют к берегу.

Нарспи – чукотская девочка девяти лет – стоит на берегу и кидает гарпун в землю: тренируется. У нее в ушах наушники, а на

поясе старый кассетный плеер. Она слушает уроки по английскому языку.

Плеер. Look at this cake, is it tasty? Cake, cake, cake.

Она смотрит вдаль на море. Там видны лодки китобоев. Она снова и снова, делая вид, будто ловит кита, кидает гарпун в песок. Вокруг нее другие маленькие дети, которые визжат и смеются.

Один из детей. Смотрите, кита вытаскивают!

Из розовой пены и красных кровавых волн китовую тушу вытягивает по песку крепкой лебедкой желтый трактор. Кит – странное темное, как будто инопланетное, тело. Большой мертвый глаз отражает толпы кричащих детей и чаек над их головами. Коля и Леша выпрыгивают из лодки. Коля забирается прямо на тушу морского гиганта. Он ходит по киту, как по завоеванной земле, курит. На берегу Лешу встречает Нарспи.

Нарспи. Это ты добил?

Вдоль берега бегут дети и кричат.

Дети. Колька кита добил! Колька кита добил!

За Лешей из лодки выходит парень постарше – Танат, брат Нарспи. Ему лет шестнадцать-семнадцать, он крепкий, сильный, с суровым грубым лицом.

Танат. Чего тут ошиваешься? Ведра где? Мать зови, без мяса хочешь остаться?

Леша идет к китовой туше и вместе с другими китобоями начинает разделывать ее специальным ножом на длинной палке.

Китобои стоят в красной от крови воде, кидают шмоты жира и мяса в детские и большие ведра, тазы, которые протягивают жители Лорино, собравшиеся у туши. Каждый хочет забрать себе побольше мяса.

Старый китобой (*Коле*). Слезай оттудова! Герой!

Коля спрыгивает с кита на мокрый и красный песок.

Бригадир вытаскивает из лодки «пых-пыхи», гарпуны. Он окликает Таната.

Бригадир. Танат, после зайди ко мне. Разговор есть. Лады?

Танат. Лады, бригадир.

Коля спрыгивает рядом с Лешей у туши и тоже принимается разделывать ее. Он хочет посмотреть на лицо друга, но тот резко уворачивается.

Леша. Я бы сам справился.

Коля. Ты чуть морду не разбил!

Леша. Не разбил бы. Я бы сам его добил. Со второго раза.

Коля. Да он ушел бы, пока ты перезаряжал.

Мальчики молча разделывают кита и раскидывают куски в подставляемые чукчами ведра.

Коля. Ну следующего добьешь, чего такого. Сезону еще пару месяцев.

Леша. Если бы он не дернулся, я бы убил. Там стоять было неудобно. Там бы кто угодно упал. Ты бы там стоял, тоже бы упал.

Коля. А я ничего не говорю. Забей. Пойдем чего покажу.

Леша. А это?

Леша кивает на кита. Коля тянет его за рукав.

Коля. Без тебя справятся.

Друзья бросают ножи и идут в сторону домов, их недовольным взглядом провожает Танат.

Танат. Мазила, куда пошел, не ты убил и разделывать не будешь? Может, и есть не будешь?

Коля. Да мы вернемся… Попозже, чего ты.

Танат. С тебя спросу нет, кто убил – тот отдыхает. А Лешка пусть работает.

Леша смотрит на Колю и уже хочет вернуться назад. Коля ждет, что сделает друг, но Леша молчит.

Коля. Мы с бригадиром договорились. Он в курсе.

Танат. Да? Ну смотри.

Парни уходят.

Леша. С мясом теперь как?

Коля. Потом возьмешь.

Танат злобно сплевывает и провожает их недобрым взглядом. Сбоку от него стоит Нарспи с ведром. В него Танат скидывает куски мяса. Когда ведро наполняется, она подносит таз.

Коля и Леша сидят перед ноутбуком, смотрят на него с вожделением. Ноутбук огромный, старый. Коля нажимает на кнопку «пуск», и экран загорается синим цветом, играет приветственная музыка. Мальчики молча переглядываются, трут руками колени от нетерпения.

Коля открывает браузер и вбивает слова. Он жмет на первую ссылку, и по ней сразу же реклама секс-чата. Появляется женщина с огромной грудью, которая манит к себе пальчиком. Парни издают победный клич, дают друг другу пять и еще ближе садятся к экрану, как будто сейчас в него влипнут.

Коля щелкает по ссылке и их перебрасывает на страницу с картинками голых женщин. Фотографии множатся на экране. Мальчики облизывают губы. Они тыкают пальцами в разных девушек и не могут выбрать, какую из них они хотят рассмотреть поближе. Спорят.

Коля. Эта обычная, че смотреть, давай ту, с большими сиськами.

Открывает девушку, и она оказывается трансвеститом. Они ужасаются, отплевываются. Вскакивают, кричат, показывая друг другу, как им противно, хотя им обоим все равно на кого смотреть, только бы смотреть. Заходит отец Коли, ставит на стол ведро, полное китового мяса.

Отец Коли. Убери. (*Леше.*) Веселитесь? Промазал и веселишься?

Коля. Он не мазал, просто упал.

Отец Коли. Стыдно должно быть, а он сидит веселится!

Коля. Ну хватит!

Отец Коли. А что он, девчонка? Что ты его защищаешь. Пусть знает. Надо серьезно относиться. Надо понимать, что это значит. Помоги занести остальное.

Коля выходит за дверь с отцом, а Леша, насупившись, отчитанный и пристыженный, сидит перед компьютером, водит мышкой туда-сюда. Щелкает на фотографию девушки с голубыми волосами. Появляется ее движущееся изображение. У нее линзы на глазах и от этого она кажется какой-то магической, волшебной. Она танцует в комнате с китайским бамбуком на фоне. Сама она в китайском красном халате. Танцует не пошло, но эротично, улыбается. Ее очень плохо видно, потому что плохой Интернет и изображение пиксельное. В танце она руками приглашает к себе, как будто зовет пойти с собой. Леша завороженно на нее смотрит.

За спиной Леши раздается голос Коли.

Коля. Ниче. Была бы она голой.

Леша меняется в лице, снова становится насмешливо-серьезным.

Леша. Да, точно. Голой. Она нас слышит? Эй, привет!

Коля. Зачем ей тебя слышать? Я бы на тебя смотреть не стал.

Леша. Ты нас слышишь? Кивни, если слышишь.

Девушка кивает в танце, оголяет плечи и смотрит своими странными глазами.

Леша. Видел? Кивнула! Это Коля. Я – Леша, а тебя как зовут?

Коля. Да кончай, еще на свиданку ее пригласи.

Леша. Может, приглашу. Завидно?

Коля. Да она из Америки, куда ты ее пригласишь.

Леша. Может, русская.

Коля. Все такие девчонки из Америки. У той купальник был с флагом американским.

Леша. Пусть тогда в гости приедет.

Коля. Ага, или ты к ней. А потом поженитесь.

Коля захлопывает ноутбук.

Коля. Не слышит она тебя. И не видит. Жрать пошли.

Леша. Ты откуда знаешь? Ты профессионал?

Коля и Леша сидят перед телевизором на кухне и едят суп.

Коля. Отец сказал, за первое место по байдарам отправят на городские соревнования. Я хочу в команду, а ты?

Леша. Ну а чего надо, чтобы попасть туда?

Коля. Не знаю, проявить себя как-то?

Леша. На охоте?

По телевизору показывают клип. В нем девушка с такими же волосами, как у девушки из секс-чата, танцует и поет.

Леша. На ту похожа.

Коля. На охоте. А как еще?

Леша. Не знаю. Твой отец как в команду попал?

Коля. А че отец, он лучший китобой, сильный, ты видел, как он нашу тачку поднимал?

Леша. Прям поднимал?

Коля. Ну чуть-чуть приподнял. Они с бригадиром друзья с детства. Захотел в команду и пошел. (*Пауза.*) Значит, нам тоже надо с бригадиром друзьями стать.

Леша. Не он же команду набирает.

Коля. А кто?

Леша. Не знаю.

Коля. Да пофигу. Скажем, что хотим. Чего там, толпа желающих, что ли?

Леша. Может, и толпа. Я не помню, соревнования были в том году?

Коля. Ты че, они уже сто лет проводятся каждый год. Не помнишь, что ли, в том году ходили, смотрели.

Леша. Неа, вообще не очень помню тот год.

Коля. Потому что ничего интересного не было. А в этом году будет. Победим. Такое не забудешь.

За окном слышится звук подъезжающего ЗИЛа, огни фар освещают комнату. Коля подбегает к окну, отбрасывает штору-тряпку.

Коля. О! Девчонки приехали!

Из грузовика спрыгивают в грязь две девушки, приехавшие из города на летние каникулы. Через окно слышно, как они визжат, слов не разобрать, но понятно, что от радости. Из их дома к ним бегут родственники.

Коля отходит от окна. Потирает руки и улыбается, бьет Лешу в плечо кулаками. Идет в другую комнату.

Леша остается сидеть за столом. Ест суп и смотрит телевизор. На экране все еще синеволосая девчонка танцует на фоне статуи Свободы.

Коля возвращается в новой кепке, ходит в ней кругами по кухне, красуется.

Коля. Крутая?

Леша. Где взял?

Коля. Отец из города привез.

Ночь. Нарспи идет за Танатом по пятам. Мимо матери – худенькой и маленькой – они идут к холодильнику. Танат заглядывает в него. Нарспи стоит за спиной.

Нарспи. Возьми на охоту, возьми на охоту, ну возьми, возьми, возьми.

Танат. Да отвали, достала!

Нарспи. Возьми меня на охоту, я все умею, я лучше, чем Тынгыз или Леша.

Танат. Это несложно, он безрукий мудак.

Мать Таната и Нарспи. Не говори плохо!

Танат. Бесят меня такие. Че ты хочешь? Не ходят девчонки на охоту, поняла? Уймись!

Танат хватает со стола кусок хлеба.

Танат (*выходя*). Я ушел, буду поздно.

Нарспи остается стоять в растерянности.

Мать Таната и Нарспи. Ну зачем тебе на охоту? Ты же девочка, охотятся мальчики!

Нарспи. Нет!

Она выбегает из кухни.

Мать Таната и Нарспи. Нарспи! Куда?

Бригадир сидит за столом, пьет чай. Входит Танат.

Танат. Вы поговорить хотели?

Бригадир. Просто хотел тебе предложить капитаном команды... молодежной стать по байдарам.

Танат. Я с удовольствием! Я могу.

Бригадир. Было бы хорошо. Мне кажется, ты справишься. Ты только пока не говори, соберемся днем, я сам объявлю, чтобы официально было.

Танат. Без проблем!

Леша и Коля подходят к старой рыбацкой лодке. Она стала местом сбора подростков. Приехавшие из города Наты и Таны – близняшки лет пятнадцати. Повидать их и пообщаться пришли молодые китобои и девчонки. Танат, в рыбацкой куртке и резиновых сапогах, с сигаретой в зубах, ведет себя как предводитель стаи – обнимает близняшек, свободно общается с ними. Они смеются и скидывают его руки со своих плеч. Нарспи тоже тут, на правах сестры Таната.

Наты и Таны в городской красивой и чистой одежде. У них длинные темные волосы, раскосые чукотские глаза. За ними с интересом наблюдают девочки помладше.

Наты. Ты че такой гордый?

Танат. Просто настроение хорошее.

Наты. Как будто выиграл чего-то.

Танат. Может быть. С тобой не поделюсь.

Наты. Не очень надо. Что делаете?

Танат. Китов гарпуним, как всегда. Тебе же неинтересно.

Наты. Нам все интересно, нас год не было. Мама не хотела выпускать из дома, такая радостная. Я говорю: ты к нам можешь приезжать хоть каждый месяц, дороги полдня. Че-то не рвешься, сидишь тут.

Таны. Ага, а она такая: ой нет, у меня тут дела. Какие у нее тут дела? Стоит готовит целый день. Даже с работы ушла уже. Тупо просто не хочет в город ездить.

Танат. Потому что там делать нефига. Тут лучше.

Таны. Ты там был хоть раз?

Танат. Да мне тут нравится. Я никуда не хочу ехать. Меня все устраивает.

К лодке подходят Коля и Леша.

Таны (*Коле и Леше*). О, смотри кто. Вы так выросли!

Танат. Малышам спать не пора?

Наты берет Колину кепку и надевает на себя.

Танат открывает бутылку. Кто тянет свою кружку, кому Танат наливает в пластиковый стакан. Коле он наливает, а Леше нет.

Танат. Два повода, короче. Девки приехали и Коля кита загарпунил!

Все улюлюкают и пьют, один Леша и маленькие девчонки в стороне. Нарспи видит, что у Леши нет стаканчика, и, когда кто-то ставит свой на песок, она подбирает его и отдает Леше.

Таны (*Коле*). Страшно было?

Коля. Да это не первый. В начале сезона еще был один.

Таны. Таната подвинуть хочешь?

Таны говорит это в шутку, но Танат с Колей переглядываются.

Коля (*посмеиваясь*). Да не...

Таны (*Леше*). А ты чего молчишь?

Танат. А ему слово не положено.

Таны. Почему?

Танат. Мазила потому что.

Таны. А я в городе в тир ходила, десять из десяти. Моя подружка городская не смогла даже в одну мишень по-

пасть. Я ей такая: ну слушай, я же чукча из семьи охотников, у меня это в крови.

Танат (*Леше*). Слышал? А ты полукровка, поэтому мажешь. Не твое это.

Наты. Ой, ты вообще знаешь, сколько в тебе намешано?!

Танат. Ниче не намешано. Я в темноте могу моржа убить. Спорим?

Наты (*смеется*). Не буду я с тобой спорить. Наливай. Леш, не слушай его.

Коля украдкой смотрит на Лешу. Леша как будто не обращает внимания, но в кулаке зажал стаканчик и не разжимает. Коля спешит сменить тему.

Коля. А чего еще в городе?

Наты. Кинотеатры, магазины, кафе, люди. Как в городах. Тебе понравится.

Танат. Нечего охотнику там делать. Народ стремный, а мы тут все свои, все друг друга знаем, если что – поможем.

Наты. Ой, все.

Танат смеется. Пока все разговаривают между собой, Коля шепчет Леше.

Коля. Че ты молчишь-то, он тебя гнобит, а ты молчишь.

Леша. А че говорить?

Коля. Че хочешь, а чего он, самый главный? Не лучше нас.

Танат наполняет стаканчики. В этот раз Леша тянет руку со стаканом. Танат наливает совсем чуть-чуть.

Леша. Эй!

Танат. Детям не положено.

Леша. Я не ребенок!

Танат. Пока кита не убил – ребенок.

Наты. Что ты смеешься над ним, добьет он твоего кита.

Танат. Когда добьет, тогда и посмотрим.

Нарспи разглядывает платок с бусинами, который висит у Таны. Дотрагивается до него.

Таны. Нравится?

Нарспи молча кивает.

Таны. Хочешь подарю?

Танат. Зверобоям не нужны побрякушки.

Таны. Она же девочка!

Танат. Либо ты охотник, либо баба! Поняла?

Нарспи отдергивает руку от платка.

Танат. Вообще домой иди.

Нарспи. А ты?

Танат. Не твое дело.

Нарспи, понурив голову, отходит от компании.

Леша. В город тебе точно не надо, ты же бешеная собака, тебя застрелить могут.

Танат. Что?

Леша (*испугавшись*). Шутка, не напрягайся.

Все затихают. Танат подходит к Леше вплотную.

Наты. Ребята, ну вы чего. Танат, не трогай его. Он пошутил.

Таны. Давайте выпьем лучше!

Китовой. Да им лучше не пить.

Танат. Пошутил?

Коля влезает между Танатом и Лешей, раздвигая их руками.

Коля (*Леше*). Ну молодец, но лишка. Танат, да не дави ты, кончай. Че вы начали.

Танат. Пошутил? Думаешь, ты можешь шутить? Ты никто тут. Никто. Тебя нет. Ты даже не родился еще, у тебя нет прав шутить, пить, стоять тут. У моей мелкой сестры тут прав больше, чем у тебя. Понял? Ты можешь только кивать и думать, как тебе поскорее стать мужчиной: поймать кита и трахнуть бабу. Вот и всё. Ты понял? И я че-то не вижу, чтобы ты хоть одно из этого мог сделать прямо сейчас. Не вижу.

Все молчат. Танат выпивает один. Леша стоит испуганный, но старается держать лицо. Старается улыбаться через силу.

Наты. Коля, помоги залезть на лодку.

Коля отходит от ребят и подсаживает Наты, потом Таны.

Китобой хлопает Таната по плечам, мол, расслабься.

Китобой. Оставь его. Он мелкий еще. А ты не выступай, промазал, значит, терпи.

На лодке тесно. Девчонки уже клонят головы на плечи парней, парни допивают алкоголь. Леша сидит на самом краю, спиной ко всем, свесив ноги. Ему нет места и пары. Коля придвигается к Наты и пытается ее поцеловать. Пьяными глазами он смотрит на нее, облизывает губы, она его отталкивает и смеется, а потом сама целует коротко и резко. Танат обнимает Таны. Остальные мальчики разговаривают и общаются с девчонками помладше. Леша спрыгивает с лодки.

Коля. Ты куда?

Леша. Домой.

Коля. Ну ладно.

Нарспи сидит на крыльце и очень ловко крутит вокруг себя палку. Мимо идет Леша.

Леша. Чего не спишь?

Нарспи молчит. Сопит.

Леша. Подрастешь и тоже в море пойдешь. Я скажу бригадиру, и он тебя возьмет.

Нарспи. Сам кита сначала добей.

Она встает и уходит в дом, выкидывая палку на улицу.

Леша входит в дом, включает свет. За обеденным столом сидит дед, слушает радио.

Леша. Опять в темноте сидишь?

Дед уставился в одну точку. Он слепой.

Леша. Что делал? Мы кита сегодня гарпунили. Я добивал.

Дед поворачивает к Леше голову, принюхивается, как собака.

Дед. Не добил.

Леша. Ты видел, что ли? Ты слепой!

Дед не слушает Лешу, делает радио погромче. Леша уходит в свою комнату, хлопнув дверью.

Сидя на диване, Леша нюхает себя под мышками – в нос ударяет резкий запах. Он вытягивает вперед руки – они крепкие и не дрожат. Смотрит вперед – на календарь с голой девушкой, висящий на противоположной стене. Закрывает поочередно левый и правый глаз. Зрение у него хорошее, девушку он видит четко. Снимает одежду и ложится на диван, потом садится и включает стоящий на столе телевизор. Ищет нужный канал. Наконец находит тот, на котором показывали клипы у Коли дома. Сонными глазами он смотрит в экран. Дожидается того клипа, где у певицы голубые волосы. Приближает лицо к телевизору и внимательно рассматривает певицу. А потом выключает телевизор.

Леша. Не она это.

Ложится на диван и засыпает.

Дети и подростки толпятся перед женщинами с блокнотами. Женщины записывают участников соревнований. Здесь же проходит отборочный тур. Мальчики, метатели гарпунов, кидают один за другим – кто-то дальше, кто-то совсем слабо. Нарспи со своим гарпуном в руках стоит в сторонке. В ушах у нее наушники. Она снисходительно смотрит на метателей.

Женщина-тренер. Так, ты куда записываешься? В гарпуны? К девочкам иди.

Она подталкивает Нарспи к группке девочек, которые сидят на заборчике неподалеку. Нарспи встает рядом с ними.

Девочка. Что это у тебя?

Девочка указывает на кассетный плеер. Нарспи вынимает наушники, из них слышатся английские фразы.

Нарспи. Плеер. Хочешь послушать?

Девочка. А почему не через телефон? Я через телефон слушаю.

Она вынимает из кармана телефон и включает на нем какие-то народные чукотские песни.

Нарспи. У меня такого нет.

Девочка. А что ты слушаешь?

Нарспи протягивает наушники девочке, та слушает и возвращает.

Девочка. Скукота. А сколько тебе лет?

Нарспи. Девять.

Девочка. В команду с десяти берут.

Нарспи. Я лучше всех кидаю гарпун, мне все равно.

Девочка. Ну конечно!

Нарспи. Я очень сильная, я кину дальше тебя.

Девочка. Это мы еще посмотрим.

Подходит женщина-тренер. Она подталкивает девочек на исходную, к черте, откуда надо кидать гарпун. А на другой стороне другая женщина отмечает, кто дальше кинул. Девочки, одна за другой, кидают гарпуны. Девочка, с которой поспорила Нарспи, кинула далеко. Очередь Нарспи. Она разбегается и кидает так далеко, что даже мальчишки присвистывают.

Соперница Нарспи поджимает губы. Нарспи, очень довольная собой, идет к женщине-тренеру.

Женщина-тренер. Это очень, очень хорошо. Итак, девочки…

Она разделяет девочек на две группы, девочка и Нарспи попадают в одну группу.

Женщина-тренер. Вот из этой группы – вы попадаете в команду.

Нарспи. Йес!

Женщина-тренер. Подходите, говорите имя и сколько лет.

Все девочки по очереди называют свои имена и возраст, всем десять или больше десяти.

Нарспи. Нарспи Иванова. Девять лет.

Женщина-тренер. Девять? Как же так… но до десяти в команду не берут.

Нарспи. Но я дальше всех кинула! Дальше всех!

Женщина-тренер. Я знаю, знаю, но такие правила.

Нарспи. Но я дальше всех кинула, вы же видели! Мне десять будет уже скоро.

Женщина-тренер. Тогда в следующем году ты обязательно будешь в команде и выиграешь, ты очень способная.

Нарспи. Но я же лучше всех кинула!

Женщина-тренер. Так, это не сельские соревнования, это серьезное мероприятие. Здесь все учитывается, вносится в списки, потом в город передается. Я не могу тебя взять, понимаешь?

Девочки стоят сбоку и смотрят. Кто-то с сожалением и интересом, а соперница Нарспи с вызовом.

Женщина-тренер. Извини, но у нас такие правила. Я понимаю, что ты хочешь, но такие правила. Все остальные – в день соревнований вы получите номера.

Девочки расходятся. Нарспи остается стоять перед женщиной.

Женщина-тренер. Слушай…

Она берет Нарспи за руку и ведет к другой группке детей. Ею руководит другой тренер – Тамара, крепкая и веселая.

Женщина-тренер. Вот, Тамара, девочка очень хочет участвовать. Возьми ее к себе.

Тамара. Да не вопрос. У нас как раз на танец не хватает. Танцевать будешь?

Нарспи молча смотрит исподлобья на Тамару и ничего не говорит.

Тамара. Не стесняйся, мы будем открывать соревнования, будет очень красивый танец в национальных костюмах. Загляденье. Я тебя запишу. Если захочешь, еще и на закрытии станцуешь. Там тоже не хватает.

Женщина-тренер. Ее Нарспи зовут. Ей девять лет. Ну и славно, вот и решили.

Бригадир китобоев в очках сидит за компьютером. Он медленно, одним пальцем бьет по клавиатуре. Рядом стоит Танат и диктует.

Танат. За отчетный период выловлено сорок пять китов.

Танат с тоской смотрит на бригадира: тот печатает очень медленно.

Танат. Может, я буду вбивать, а вы диктуйте? Быстрее будет.

Бригадир. Эта машина не любит быстроты. Дальше давай.

Танат. Из расчета квоты для поселка Лорино в пятьдесят шесть китов. Из них все сорок пять – серые.

В сарай заходят Коля и Леша.

Танат. О, вовремя. Торжественный момент. Бригадир щас запишет, что ты вчера загарпунил второго кита.

Коля. Круто. Это прямо записывается?

Танат. Я бы еще записал, что Лешка промазал. Чтобы на века.

Бригадир. Тихо, вы меня сбиваете.

Леша разворачивается и выходит из сарая.

На улице старые китобои растягивают сети, чтобы посушить их.

Китобой (*Леше*). Помоги-ка.

Леша помогает.

Китобой. Мы сегодня за моржами поедем. С нами пойдешь? Потренируешься. Не кит, но тебе полезно будет. На меткость.

Леша. Я умею стрелять, доказать?!

Он заходит в сарай, берет там ружье. За Лешей из сарая выбегают бригадир и Коля. Леша направляет ружье на стоящую на заборчике бутылку и стреляет. Сбивает бутылку, осколки разлетаются в стороны. Бригадир выхватывает из рук Леши оружие и дает подзатыльник.

Бригадир. Это игры, что ли? Совсем уже никаких мозгов.

Танат стоит на крыльце довольный, облокотившись на дверь сарая.

Бригадир. Чтобы я тебя у лодок и склада не видел. На охоту ходить не будешь пока.

Коля. Какого хрена? Ты че, зачем ты это сделал?

К сараю сходятся молодые китобои.

Бригадир. Так, объявление. Молодую команду в этом году берет на себя Танат. Я ему доверяю отбор. Я, как всегда, со своими, но там у нас без изменений, команда та же, проверенная.

Бригадир и все старые китобои расходятся, а Танат выходит вперед, улыбается, его распирает чувство гордости.

Коля смотрит на Таната, на Лешу.

Коля. Капец. Неудача. Хотя ладно, че, прорвемся. Поговорим, просто все спокойно обсудим, да? Ну че он, зверь, что ли? Ты был расстроен из-за кита, он тоже выпил. Бывает. Ты, главное, не паникуй, мы будем в команде, я тебе говорю. На хрена ты стрелял сейчас, конечно… Теперь еще и охотиться нельзя. Но я поговорю с ним, ты не переживай. Он нормальный пацан.

Леша скептически смотрит на друга, а потом и вовсе отворачивается и рисует ногой на песке что-то.

Танат. В моей команде шесть мест. Я на руле. Есть тут, кто уже был в прошлом году?

Несколько человек поднимают руки.

Танат. Вы выбываете. У меня будет новая команда. Я не буду вас отбирать только по тому, как вы гребете. Важно, хотите вы просто победить или для вас это часть жизни. Выиграть важно, но мы не выиграем, если не будем относиться к этому как… к охоте. Серьезно. И бороться все вместе за одно дело. Все, кто хочет попасть в команду, должны быть готовы выполнить любой мой приказ как капитана, понятно?

К Танату подходит Нарспи с гарпуном в руках.

Нарспи. Они меня не пускают, я лучше всех, я дальше всех кинула, а они говорят, что я маленькая. Скажи им. Я же лучше всех.

Танат. И что ты хочешь? Тебе нет десяти, в команду берут с десяти. И чего? Я же сказал, ты мелкая еще.

Нарспи. Но скажи им, ты же знаешь, что я лучше всех.

Танат. Правила есть правила.

Нарспи. Танат!

Танат. Я сказал – нет!

Глаза Нарспи наполняются слезами. Она уходит к воде. Леша провожает ее взглядом.

Танат (*молодым китобоям*). Вопросы есть? Нет?

Танат, проходя мимо Леши, толкает его.

Танат. А ты че трешься, думаешь в команду попадешь? Охотиться научись. Мазила.

Леша и Коля идут вдоль берега и натыкаются на Нарспи. Она бросает камушки в воду и слушает плеер.

Леша берет у нее наушник и слушает: «What a wonderful world. Wonderful, wonderful world».

Леша. Ты понимаешь это?

Нарспи кивает головой.

Леша. Круто. А я вообще нет. Ты забей на все эти соревнования. Кому они нужны? Это просто типа… развлечение, чтобы не скучно было. Правда. Не расстраивайся.

Нарспи. Дурак, что ли?

Леша и Коля идут дальше вдоль берега.

Коля. Вообще-то соревнования – серьезная штука. Не развлечение.

Леша. Ну ты выиграешь, и что? Поедешь в город, и что изменится?

Коля. Ну вообще-то ты станешь крутым. Все тебя будут уважать, про тебя напишут в газете, ты, может, поедешь на соревнования в другую страну. Это почетно, я хотел бы, чтобы мы выиграли и вместе поехали на город. Пошли бы в гости к близняшкам. Они нас ждут, говорят, у них соседи в общаге, но они редко появляются, можно даже на ночь остаться.

Леша. Ты слышал, что он сказал?

Коля. Ну ты же не сдашься? Загарпунишь кита, и все наладится.

Леша. Да не хочу я с ним…

Коля (*не слушая*). Выиграешь соревнования, и вообще другая жизнь начнется. Отец, когда впервые выиграл, им денег дали, он смог себе мотик купить. Я на фотке видел. Вообще крутой. Ну по тем временам, конечно.

Леша. Как думаешь, долго мне нельзя охотиться?

Коля. Хрен его знает. Неделя? Главное, к китовой чтобы можно было.

Леша. Чего неделю делать?

Коля. Возьми мой комп, развлечешься. Так ты че, не хочешь в команду?

Леша. Да нет…

Коля одобрительно бьет по плечу друга.

Леша открывает ноутбук и ищет, как зайти в секс-чат, нажимает на кнопку. Предлагается либо войти, либо зарегистрироваться. Он жмет «войти», пишет Kolian&Lexa. Открываются фотографии девушек разного возраста и национальностей. Они танцуют, вызывающе раздвигают ноги, облизывают пальцы, одинаково строят глазки и вытягивают губы. Наконец появляется та самая – девушка с голубыми волосами. Выскакивает ее профиль и ник – HollySweet999. Долго-долго ползунок бегает по экрану. Появляется дрожащая пиксельная картинка. Почти ничего не видно. Леша видит лишь тесную красную комнату с китайским бамбуком на стене и расплывчатый

силуэт. Постепенно изображение проясняется, меньше дрожит. Голубые волосы, залитое холодным светом лицо. Девушка с голубыми волосами смотрит на Лешу. Она плавно качает плечами, губы беззвучно произносят слова. Картинка виснет и дергается. Леша оглядывается, нет ли кого, не смотрит ли кто.

Леша. Привет. (*Неуверенно.*) Ты помнишь меня? (*Пауза.*) Бред.

Он захлопывает ноутбук. Сидит секунду и открывает ноутбук. На экране застывшее изображение девушки. Рывками оно снова начинает двигаться.

Леша. Коля говорит, ты с Америки. Я тоже так подумал. У нас тут таких особо нет.

Девушка с голубыми волосами неожиданно смеется и смотрит в камеру – ее лицо появляется на экране. Оно четкое и ясное. Он смотрит с нежной улыбкой и молчит.

Леша. Коля говорит, ты не можешь меня слышать. А че тогда лыбишься? Раздеваться будешь?

Изображение начинает рябить и дрожать. Девушка с голубыми волосами уходит куда-то вдаль.

Леша. Эй, ты куда? Погоди. Я пошутил. Я плохо шучу.

Леша сидит и молча смотрит на танцующую девушку. Иногда оттягивает в паху спортивные штаны. Облизывает губы. Заметно нервничает. Встает и ходит вокруг стола.

Леша. Не могу на тебя просто так смотреть. Давай я, что ли, расскажу про себя. Я в Лорино живу, китов гарпуню, моржей. Стреляю хорошо, если что. У вас в Америке у всех пистолеты есть? Каждый может стрелять? У нас бы все друг друга убили. Был бы у меня… я одному бы тут прямо в голову направил… хотя и так могу застрелить из ружья, и всё. Да не, это я так. Я же не дурак. Просто чего он докапывается? А так бы я его напугал… Ты бы его увидела и сразу бы сказала, что он мудак. Это только Кольке кажется, что он норм. Он вообще не норм. Он, может, сестру даже свою бьет или мать, я не знаю. Потому что он злой. А Колька… он только свое видит. Ему приперло в команду попасть по байдарам, ну просто цель жизни – выиграть и в город поехать. И вот он теперь хочет дружить с этим Танатом… А почему я должен? Потому что Коля мой друг. Мы договорились, что пойдем в команду вместе. Я же не могу, не могу отказаться. Я просто не хочу. Меня бесит. На самом деле меня бесит, что меня бесит. Тупо, да? Мне хотелось бы, чтобы мне было плевать, а мне нет. Прям бесит этот чувак, понимаешь?

Девушка игриво смеется. Вдруг на экране появляется надпись: «Нет сети».

Леша. Эй! Куда? Сломался, что ли?

Леша тыкает на кнопки компьютера. Дергает провод зарядки. Подходит к выключателю – свет не работает. Он открывает окно, высовывается в него и курит. Слышит звук. Выкидывает сигарету и идет в кухню.

В кухне дед, опираясь одной рукой на палку, а второй ощупывая все вокруг, идет к плите.

Леша. Дай я. Садись.

Дед садится за стол, ощупывает его руками. Перед ним ничего нет. Он причмокивает губами.

Леша ставит тарелки на стол, наливает из большой кастрюли суп и кладет большие куски мяса. Дед жадно ест, помогая себе руками. Леша тоже ест и посматривает на деда. Хочет что-то сказать.

Дед. Чего смотришь?

Леша. Ничего. Не смотрю.

Включается холодильник. Леша оборачивается на звук. Не доев, бросает тарелку в раковину и убегает в свою комнату.

Леша. Потом помою.

Сумерки. В комнате все синеватое. Леша включает компьютер, снова заходит в чат, находит девушку с голубыми волосами.

Леша. Привет. Это я. У нас часто электричество отключают. А у вас? У вас-то не выключают. Я клип смотрел, ты там танцуешь? Не ты, мне кажется. Ты реально симпатичная, а там дура какая-то. Я наговорил, конечно, всякого. Раньше. Просто круто, знаешь. Ты круто слушаешь. Круто, что ты можешь слушать.

Леша сидит в темноте перед экраном. То молча смотрит в него, то рассказывает что-то и сам смеется, то ходит кругами вокруг стола. Девушка с голубыми волосами танцует, улыбаясь в камеру. Иногда смотрит внимательно, приблизив лицо близко-близко к экрану.

Коля и Леша везут в тачках кости кита. Их нужно выкинуть на горе на окраине поселка.

Коля. Я говорю ему: мы выиграем полюбому.

Леша. Кому?

Коля. Что кому? Ты слушаешь? У Лаврентии на охоте, я сказал. Да блин, всё. Ты не слушаешь. Ты подумал, как с Танатом помириться?

Леша. Не знаю…

Коля. Чего с тобой? Как будто обдолбался.

Леша. Просто не выспался.

Коля. Всю ночь зависал с телочками? Да? Да?

Леша. С одной. (*Пауза. Леша понимает, что он проговорился, он не хотел говорить этого.*) Она прикольная.

Коля. Ты че, всю ночь на нее дрочил, не отвалилось ничего?

Леша. Да, всю ночь. Прикинь. Вообще.

Ребята довозят кости до кладбища китов. С горы виден весь поселок. Они осматривают просторы. Вдруг Коля накидывается на Лешу, валит на землю. У них дружеская потасовка. Леша смеется и пытается отбиваться от Коли.

Коля. Говори, говори, говори! Что там было, что было. Я знаю, что ты врешь!

Леша. Ну хватит, ну всё, всё. Ладно, она разделась.

Коля перестает бить друга, вскакивает на ноги.

Коля. Да ладно! Прямо сиськи показала?

Леша. Да… Показала. Но молчала все время.

Коля. А нафиг надо ее треп слушать. Тоже хочу посмотреть. Комп мой!

Леша. Да она не будет при тебе. Ты ей не понравишься.

Коля. Я? Я вообще всем нравлюсь. Знаешь, что мне Таны на лодке сказала? Что я секси. Хз, чего это значит. Так, стоп, разделась телка из чата? Серьезно? Чувак, у меня идея.

Ребята подходят с тачками к сараю, рядом с которым сидят молодые китобои и Танат. Они строят и ремонтируют байдары. Леша и Коля загоняют тачки в сарай.

Коля. Мы это… В команду хотим.

Танат. Все хотят.

Коля. Ну может, надо сделать что-то?

Танат. Может. Придумай.

Коля (*шепотом Леше*). Давай.

Леша не понимает, что он предлагает.

Коля. Давай предложим ему телку.

Леша. Нет.

Танат. Хорош шептаться. Что у вас?

Коля. Телка в чате раздевается.

Леша бьет Колю, чтобы тот заткнулся.

Леша. Заткнись!

Коля. Хочешь посмотреть?

Леша. Заткнись ты!

Танат. Я с настоящими потрахаться могу, че мне на ваших дрочить.

Коля. Тут тоже живая. Леха говорит, она перед ним разделась без денег. При-

кольно же. Только одна такая. Другие не раздевались. Без денег, не в привате, а так.

Танат. Не может быть такого. Врет он. Врешь?

Танат, ухмыляясь, смотрит на Лешу снизу вверх. И все китобои вокруг тоже смотрят на него. Леша тянет за руку Колю, хочет уйти.

Танат. Не верю. Никто бы не стал раздеваться перед тобой. Даже моя мать. По тебе сразу видно, что ты трус и нытик. Че с тобой ловить.

Леша сжимает губы. Оборачивается к Танату.

Леша. Ну проверь.

Танат. Пошли.

Леша, Коля и Танат в комнате Леши. Танат осматривается. Коля открывает компьютер, там чат и зависшее изображение девушки с голубыми волосами. Леша заметно нервничает. Танат садится перед компьютером. Леша с Колей стоят рядом.

Танат. Ну че встали, валите.

Коля тянет за руку Лешу из комнаты.

Коля сидит за кухонным столом. Леша ходит кругами.

Коля. Ну я не думаю, что нас сразу возьмут, но чуть-чуть ближе к цели мы стали. Прикольно ты придумал.

Леша. Я ничего не придумывал. Это ты все разболтал. Б***!

Коля. Че ты маячишь? Чего случилось?

Леша. Она не разденется. Это случайно, один раз получилось! Он всем скажет, что я трепло. Будет еще хуже. Он меня достал, не хочу, чтобы он там на нее смотрел.

Коля. Все будет нормально. Не ссы. Один раз разделась и второй разденется. Она чего, принцесса, что ли.

Леша прислушивается к звукам в комнате. Потом резко открывает дверь. Леша стоит на пороге.

Танат. Свали.

Леша. Сам свали. Не будет она перед тобой раздеваться.

Танат. Че это? Насвистел? Так и знал!

Леша. Ничего я не врал!

Танат. Еще как. Хочешь казаться крутым?

Леша. Не хочу, чтобы она перед тобой раздевалась. И чтобы ты тут сидел.

Танат встает.

Танат. Оп-оп-оп. Это ты че, влюбился в девчонку из чата? Ты че, псих?! Я слышал, такое бывает у полукровок. Че-то там в голове не так складывается. Не выдерживает голова нашей чукотской жизни.

Леша. Пошел ты!

Леша толкает Таната к двери, а тот в ответ Лешу. Леша падает на пол и тут же встает. Коля все это время стоит ошарашенный в дверном проеме.

Танат (*Коле со смехом*). Компьютер ему не оставляй, а то, может, он в какие-нибудь террористы запишется. Он же псих. (*Леше.*) Еще раз меня толкнешь, я тебя вывезу в тундру и оставлю там на завтрак медведю, понял? Псих.

Танат уходит. Коля и Леша смотрят друг на друга. В этот момент девушка с голубыми волосами закончила танцевать, так и не раздевшись. На ее груди появляется плашка «Want more?». Коля смотрит на плашку.

Коля. Ты же сказал, она тебе сиськи показала. Мы че, как идиоты сейчас…

Леша (*захлопывает ноутбук*). Ну и ладно.

Коля. Не прикидывайся! Он нас в команду должен взять. Так что, если мы хотим…

Леша (*раздраженно*). Я понял уже, ты очень хочешь в команду! Я просто не хотел, чтобы он пялился на нее.

Коля. Просто ты наврал, и всё.

Коля обиженный выходит на улицу.

Леша. Коль!

Леша открывает ноутбук. Девушка снова танцует.

Леша. Довольна?

Китобои на охоте. Танат и Коля в одной лодке. Они отплывают от остальных охотников и в отдалении ловят моржа. Танат ловко кидает гарпун в воду, потом Коля. Потом они вместе тащат мертвую тушу и цепляют ее за борт лодки. Коля хочет завести мотор, но Танат его останавливает.

Танат. Еще одного надо.

Коля. Зачем? Одного достаточно. Бригадир сказал одного.

Танат. Надо.

Танат бьет еще одного. Коля смотрит на это.

Танат. Может, поможешь?

Они привязывают второго к борту. Танат меняется с Колей местами в лодке и сам садится на руль. Они едут, но вдруг мотор глохнет.

Коля. Почему остановились?

Танат не отвечает.

Коля. Чего ты? Чего происходит?

Издалека слышится шум моторки. Лодка приближается, в ней двое мужиков. Один с ружьем. Они подплывают вплотную. Здороваются с Танатом.

Танат. Помоги.

Танат с Колей отгружают мужикам моржа. Те в ответ передают сложенные купюры и уезжают, на прощание махнув рукой. Танат заводит мотор, и они молча едут к берегу. Танат оборачивается и кричит.

Танат. Это вот получше девчонки из чата. Уговор такой, ты молчишь, а я тебя в команду беру.

Коля молчит. Танат оборачивается.

Танат. Договорились? Ты вроде норм.

Коля (*тихо*). Я без Леши не пойду.

Танат. Не слышу.

Коля (*кричит*). Я без Леши не пойду. У нас договор.

Танат глушит мотор, поворачивается к Коле.

Танат. Серьезно? Он же псих. Влюбился в телку из компа, а еще он мазила, а еще он… да просто стремный! А ты нормальный пацан. Нафига он тебе нужен. Ну дружили в детстве, ну всё, детство кончилось. Короче, слушай. Он тебя кинет, я тебе говорю. А я предлагать второй раз не буду. Если ты в команде, ты среди друзей, тебя не подставят, понятно? Но если ты не в команде, я за тебя не отвечаю. И если будешь трындеть про мои дела…

Он разводит руками, заводит мотор, и они плывут к берегу.

Леша сидит перед компьютером, девушка с голубыми волосами танцует.

Леша. Я тупой. Колька на меня рассчитывал, я его подставил. Я хз зачем соврал, что ты раздевалась? Соврал, и всё. Так вышло. Че ты танцуешь-то, танцуешь. У тебя дел нет, что ли? Я вот сижу, делать нечего. Тут знаешь как весело. Либо ты охотишься, либо ты женщина. Классно, да? Меня, короче, вообще загонят теперь. Кита нет, в телку влюбился. Но я же не влюбился в тебя. Нифига. Просто так вышло. Ты мне вообще не нравишься, не воображай. Ну то есть нравишься, конечно. Но ты же далеко. Ты, кстати, знаешь, что между Чукоткой и Америкой вообще…

Леша идет к шкафу, находит там атлас мира, открывает карту Аляски. Берет карандаш и проводит линию между Аляской и Чукоткой, поселком Лорино. Он показывает в камеру карту.

Леша. Вот! Видала! Не так уж мы и далеко. Я мог бы до тебя доехать, если бы захотел. Где ты живешь? У тебя, небось, есть деревья, может, пальмы. Я не видел пальм. Хотелось бы. Если выиграть в регате, то можно поехать в город. В город и так можно поехать, но денег надо много. Близняшки, я тебе про них расска-

зывал как-то, они в городе сейчас учатся. Они говорят там красиво, но они хотят поехать еще куда-нибудь. Мне нравится дома, но просто я хотел бы… мне кажется, что я могу не только китов гарпунить, моржей, что есть еще что-то, что я могу… Не знаю.

Леша бросает взгляд на часы.

Леша. Черт, опоздал.

У берега стоят катера. Старые и молодые китобои выгружают из них добычу. Леша подбегает, запыхавшись. Все поглядывают на него искоса. Коля сматывает сети. В Лешу попадает камушек. Леша оглядывается. Это маленький чукча кинул. За мальчишкой на гальке сидит Танат и что-то шепчет ребенку на ухо и противно улыбается.

Леша. Эй, перестань, нельзя кидать камни в людей.

Мальчик. Ты влюбился в ненастоящую девушку! Ты сумасшедший? Я тебя не боюсь!

Танат, весело приплясывая на месте, крутит пальцем у виска, изображая сумасшедшего. Леша смотрит на всех остальных китобоев: кто-то посмеивается, кому-то все равно. Коля выходит из лодки весь мокрый с ружьем в руках. Он проходит мимо Леши, не смотря на него.

Леша смотрит на себя в зеркало. Приглаживает волосы. Надевает на себя кепку, снимает. Надевает очки. Снимает. Опять надевает кепку. Садится перед компьютером.

Леша. Привет. Это я.

Леша сидит на крыльце и играет с большим походным ножом. Мимо идет Нарспи.

Нарспи. А это правда, что ты влюбился в ненастоящую девушку?

Леша. Ни в кого я не влюбился. Она настоящая. Обычная девушка.

Нарспи. Как вы общаетесь?

Леша. Нормально.

Нарспи. По-английски? Или по-русски?

Леша. По-китайски.

Нарспи. Че ты злой такой?

Леша. Просто достали все.

Нарспи. А ты ей нравишься?

Леша. Не знаю.

Нарспи. Тебе прическу надо другую. Эта дурацкая. Не идет тебе.

Леша стоит перед зеркалом с закрытыми глазами, перед ним Нарспи на стуле. Причесывает его. Он открывает глаза. Нарспи уложила ему волосы, расчесала.

Нарспи. Видишь? Так лучше. Покажи ее? Она красивая?

Леша и Нарспи сидят перед ноутбуком. Смотрят на девушку с голубыми волосами.

Нарспи. И всё?

Леша. А че еще надо?

Нарспи. А тут камера же есть? Давай ей на листках письмо напишем и покажем. Я могу на английском.

Нарспи берет листок бумаги и пишет фломастером.

Нарспи. Очень романтично. Я бы хотела, чтобы мне написали. Ай эм Лешка. Ай лив ин Лорино, ай кил вейлз. Чего дальше писать?

Леша. Че хочешь.

Нарспи. Ладно. Твои волосы такие синие, потому что ты русалочка?

Леша. Че за бред? Пиши тогда уж: «Ты самая красивая, со всех поселков таких нет больше».

Нарспи. Меня сейчас стошнит.

Леша. Эй! Сама предложила!

Нарспи. Ю ар бьютифул. Вери.

Леша. Я бы хотел тебя увидеть.

Нарспи. Гоу фак ер селф.

Леша смотрит на Нарспи с подозрением.

Нарспи. Ладно, нет, ай вонт ту си ю.

Нарспи показывает Леше листки бумаги по очереди. На первом написано: «I AM LESHA». Леша читает с трудом, по слогам. Он недоверчиво смотрит на Нарспи. Та уверенно кивает. Леша смеется, сворачивает листки и кладет их в задний карман штанов. Он смотрит на часы.

Леша. Они вернулись уже. Мне надо идти.

Нарспи. Я с тобой!

Леша и Нарспи подходят к зимнику. В него китобои заносят только что выловленные и специальным образом обработанные туши моржей.

Леша. Много наловили. Дайте одну.

Танат (*с одышкой*). Больше тебе ничего не дать?

Леша. Я не брал мясо кита, я тогда не брал.

Танат. Ну это твое дело.

Леша заходит в зимник и берет одну из туш.

Танат. Посмотрите на него, ловить он не ловит, зато забирает, даже не спросив.

Леша. Я спросил! Я не брал в тот раз, ты же помнишь, я ушел, пока разделывали.

Танат. Да, помню, ты решил сбежать с работы, а теперь ты берешь из зимних запасов. Положи на место.

Леша. Знаешь, что я забыл в тот раз сказать? Что ты не бригадир, чтобы командовать. А сейчас ты все еще не он! Так что… как там было? (*Обращается к Нарспи.*) Гоу фак е селф!

Один из молодых китобоев вынимает из заднего кармана Лешиных штанов сложенные листки.

Леша. Верни на место!

Китобой. Сначала ты верни на место.

Леша медлит. Китобой рассматривает листки. Танат выхватывает их.

Танат. Я даже догадываюсь, что тут написано. И для кого. Любовное письмо для выдуманной подружки?

Нарспи нервничает, засовывает руки в рот и переводит взгляд с одного мальчика на другого.

Танат. Ну, ты писала? Что написано?

Танат хватает сестру за предплечье.

Нарспи. Не знаю.

Танат больнее сжимает ей руку, и она начинает хныкать.

Нарспи. Пусти, не скажу!

Танат. Да и хрен с тобой, не важно.

Он рвет бумажки на мелкие кусочки. Нарспи бросается их собирать. Леша держит тушу, а бумажки падают на него сверху, как снег. Коля стоит в стороне и смотрит на все это.

Танат. Хочешь взять еду – поймай. Правильно я говорю, парни?

Молодые китобои (*вместе*). Правильно.

Танат. Хочешь быть в команде – научись слушаться старших. Не хочешь, чтобы над тобой смеялись, – прекращай выдумывать чушь.

Один из китобоев отбирает у Леши тушу, приговаривая: «Извини», – и уносит обратно в зимник. Леша хочет подойти к зимнику, но путь ему преграждают китобои.

Леша. Ладно. Плевал я на вас на всех. Я не хочу быть в команде. И на тебя мне насрать. Капитан ты или нет, плевать!

Коля. Эй, мы же договорились!

Танат (*Коле*). А ты ради него отказался от места. Я бы тебя без кита не взял, а ты кита не убьешь никогда, ты не настоящий чукча, выродок!

Леша. Хочешь проверить, убью или нет?

Коля. Да ладно! В прошлый раз ты уже проиграл, может, хватит?

Леша. Хочешь поспорить, убью я кита или нет? На команду? Давай! Если я выиграю, капитаном команды стану я!

Молодые китобои шумят, все в недоумении и в ожидании, чем это кончится.

Танат. Ну это неплохой спор. Я хотел спорить на что-нибудь смешное, но раз так. Тогда если я выиграю, то твоя новая подружка из Америки станет моей. Ты больше никогда не зайдешь в этот чат и ее не увидишь.

Коля. Эй, комп-то мой! Да что за бред!

Леша на долю секунды задумывается. Нарспи смотрит на него.

Нарспи. Не надо.

Леша. Давай.

Они жмут друг другу руки. Один из китобоев разбивает.

Ребята расходятся. Нарспи отдает кусочки бумаги Леше. Китобои продолжают перетаскивать туши в зимник.

Первый китобой. Я бы этого мудака просто послал...

Второй китобой. Какого из?

Первый китобой. Да обоих.

Коля и Леша идут по поселку. Коля впереди, Леша за ним.

Коля. Какого хрена ты на мой комп споришь?

Леша. Я выиграю спор, и ничего ты не проиграешь.

Мимо проезжают Наты и Таны на красном мотоцикле с коляской. Останавливаются около парней.

Наты. Поехали с нами кататься? Одним не хочется.

Коля. Некогда. Я устал.

Наты. Отдохнем как раз. Ну нам страшно одним. Ну поехали. Чего вы, не друзья, что ли? Будет весело… целоваться будем…

Таны. Может быть. За себя говори.

Коля. Ладно. Только я за рулем.

Мотоцикл прыгает на кочках, разгоняясь. Коля вцепился в руль, улыбается. Леша, сидя за ним, кричит.

Леша. Прибавь!

Коля прибавляет. Таны и Наты жмурят глаза и улюлюкают, их волосы развиваются на ветру.

Красная точка движется по однотонному темно-серому полотну. Вся земля в мелких и больших лужах, небольших озерах. От воды идет пар. Ребята едут прямо, потом вбок, потом опять прямо. Вдруг мотор начинает чихать и глохнуть. Мотоцикл сбавляет скорость и вовсе останавливается. От мотора идет дым.

Леша и Коля стоят посреди тундры перед мотоциклом. Смотрят на него. Вокруг ни души. Оглядываются. Солнце начинает клониться к закату. В люльке сидят девушки и плетут друг другу косички.

Леша. Надо толкать.

Коля. Неохота. Давай передохнем. (*Девчонкам.*) Эй, слышьте, у вас с собой есть что-нибудь, ну там еда, выпить?

Таны. У меня чуть-чуть во фляжке.

Наты. У меня нет.

Коля. Привал, короче.

Коля ложится на землю, девочки вслед за ним. Снимают с себя куртки и подкладывают их под себя. Леша смотрит на них сверху вниз, вздыхает и ложится рядом. Так они лежат, смотрят в темнеющее небо и передают друг другу фляжку с водкой. Пьют маленькими глотками и морщатся.

Наты. А давайте сыграем в «правду или действие»?

Таны. Точно-точно, я начинаю. Действие.

Наты. Поцелуй того, кто тебе больше нравится.

Таны быстро целует Колю. Коля пытается не улыбаться, но рот сам растягивается от уха до уха. Наты целует в щеку Лешу.

Наты. Чтобы не расстраивался.

Леша ухмыляется.

Наты. Теперь ты.

Леша. Правда.

Коля. Правдолюб!

Таны. Правда, что говорят про тебя? Что ты влюбился в девчонку из чата?

Коля. А других вопросов нет?

Наты. Не ты задаешь вопрос.

Леша медлит с ответом.

Таны. Правила игры нарушать нельзя.

Леша. Да нет.

Наты. Да или нет?

Леша. Нет. Не правда.

Коля. Очень жаль!

Леша. Чего тебе жаль?

Коля (*с иронией*). Так я хоть комп за дело проиграю. А так за что?

Леша. Я же сказал, я выиграю.

Коля. Чушь! Полный бред! Время идет, тренировок нет, соревнования все ближе, а я сижу жду, пока ты… А он мне вообще-то предлагал место в команде, я мог бы уже сто раз тренироваться!

Леша. Что ж ты не тренируешься еще, он же тебе так нравится?

Коля. Потому что у нас был уговор, только тебе наплевать, ты только о себе думаешь!

Леша. Я вообще-то ради нас с ним спорил!

Коля. Ради себя! Ты все время боишься быть…

Леша. Я ничего не боюсь!

Коля. Боишься быть трусом!

Леша. Ничего не боюсь! Его не боюсь, кита не боюсь… хочешь проверить?

Коля. Да пошел ты. Не хочу с тобой вообще разговаривать.

Они стоят друг напротив друга. Девочки сидят внизу на земле и смотрят на них снизу вверх.

Наты. Поиграли.

Таны. Мне холодно.

Мальчики замолкают. Звенящая тишина.

Коля. Домой надо ехать.

Голос его изменился, он стал более грубым и холодным.

Мальчики толкают мотоцикл, девушки идут рядом. Коля толкает с остервенелым лицом. Леша напряжен, но о чем-то думает.

Коля. И компьютер мой отдай.

Издалека доносится шум мотора. Коля с Лешей высовываются из-за мотоцикла. Таны и Наты начинают кричать и прыгать. Из темноты их выхватывает луч фар. Грузовик останавливается, из него с налобным фонариком высовывается отец Коли и бригадир.

Грузовик въезжает в поселок, за ним тянется мотоцикл на тросе. В кабине сидят девочки, в кузове сидит Леша, за рулем мотоцикла остался Коля. После остановки машины Коля с Лешей не смотрят друг на друга, молча расходятся каждый в свою сторону.

Коля стоит на берегу. Он внимательно смотрит, как Танат и команда спускают на воду байдару. Начало тренировок. День солнечный и теплый. Коля прослеживает каждое движение байдарочников и повторяет их на берегу. Он видит, как Танат дает подзатыльник одному из гребцов. Гребец вскакивает и хочет ответить капитану. Танат в ответ выкидывает гребца за борт. Тот всплывает и плывет к берегу. Он выбирается из воды рядом с Колей. Тяжело дышит, сплевывает воду.

Коля. Чего ты?

Гребец. Да пошел он. Не буду я с ним в команде. Лучше уж с гарпунами.

Парень идет в сторону поселка. Коля смотрит ему вслед, потом на байдару, на освободившееся место.

Чья-то рука берет ружье со склада.

Китобой на велосипеде смотрит с горы на море, видит кита недалеко от берега и едет в поселок.

Бригадир в сарае проверяет готовность ружей и сетей. Заходит Леша.

Бригадир. Сегодня без промаха, да? Из молодняка ты один остался. Я раз тоже промахнулся. Со мной отец потом долго не разговаривал. Считал, что это позор на все село. Но раньше все както строже было. Сейчас же никто не стыдит.

Леша. А вы хотели прям китобоем быть?

Бригадир. Не бойся, у тебя все получится. Тоже будешь охотником, и все девчонки будут с тобой хотеть дружить. Так всегда было. Я еще помню это все. Китобоев все любят. Ты не волнуйся, во второй раз обязательно получится.

Бригадир пересчитывает ружья, на каждом из которых порядковый номер.

Бригадир. На вот тебе – первое. Счастливое. Двадцать должно быть, а их девятнадцать, кто-то взял, что ли, уже?

Сам он берет ружье и выходит. С ним в дверях встречается Танат. У Таната в руках ружье под номером 3.

Бригадир. А, ты ружье уже взял, лады, лады.

Танат. У тебя мое ружье. Первый – это мой номер, ясно?

Леша настороженно смотрит на Таната.

Танат. Это бери, а мое отдай.

Леша. Мне бригадир его дал.

Танат. Типа счастливое? Поможет тебе выиграть? Чушь. Дай сюда.

Танат вырывает у Леши ружье и отдает ему свое.

На улице собрались все китобои. Подъезжает тот, что был на велосипеде.

Китобой на велосипеде. Рядом с берегом один. Надо плыть.

Бригадир. Молодняк, стройся.

В шеренгу выстраиваются все молодые парни, Леша среди них.

Бригадир. Сегодня бьет кита Лешка, его сегодня день. Поддержим его в этом. Леша, ты со мной, Коля с Танатом.

Пять моторных лодок опять мчатся в глубь Берингова пролива. Резко все глушат моторы. Кит виден вдалеке. Две лодки включают моторы и с двух сторон окружают его. Кит уходит под воду, и тогда две другие лодки начинают его преследовать. Китобои стоят наготове, чтобы кидать гарпуны. Они летят один за другим. Леша сжимает датинг-ган так, что у него белеют костяшки пальцев. Бригадир бросает на него взгляд. Леша понимает: это значит, надо стрелять. Леша целится. Его бросает из стороны в сторону, но он стоит. Он спускает курок, но датинг-ган не стреляет. Леша еще и еще раз пытается выстрелить, но ничего не происходит.

Коля хочет сам добить кита с другой лодки, но Танат ему не дает, опускает его датинг-ган своим в пол.

Коля. Добьем! Уйдет же.

Танат. Значит, он проиграл.

Леша крутит оружие туда-сюда, еще раз пытается стрелять, но кит уже уходит под воду и поймать его нет никакой возможности. Лодки быстро стараются уйти к берегу.

Бригадир (*в рацию*). У нас пусто. Возвращаемся.

Леша сидит, опустив голову на колени.

Маленькие дети бегут по поселку и кричат.

Дети. Лешка опять промазал, Лешка опять промазал!

Трактор отъезжает от берега. Водитель кричит что-то столпившимся чукчам, и они расстроенные расходятся, покачивая пустыми ведрами. Из причаливших лодок выходят китобои, бригадир, Танат, Коля и Леша.

Танат. Красавчик. Еще один раз тебя поставить добивать – и ты нас без запасов на зиму оставишь.

Леша. Ты ружье испортил, это ты! Оно было сломанное!

Танат. Бригадиру пожалуйся! Ну что, уговор дороже денег? Девчонка моя?

Танат улыбается и вытягивает вперед руки, как будто прямо сейчас он ее заберет. Леша отталкивает его руки. Коля смотрит на Лешу исподлобья. Леша ловит этот взгляд.

Леша. Что?!

Леша бросает датинг-ган на землю и уходит к поселку. Коля остается стоять с Танатом на берегу. Коля хочет поднять датинг-ган под номером 3, но Танат его опережает.

Коля. Что с ним?

Танат. А что с ним? Не выстрелил. Бывает. У меня в команде место освободилось, знаешь?

Коля. Мне все равно.

Танат (*примирительно*). Ты же не думаешь, что спор был настоящим? Никто бы не дал этому идиоту стать капитаном команды.

Коля. Тогда зачем это все? Мы могли бы все вместе быть, выиграть! Быть лучшими! Мы с ним, знаешь, какие в команде.

Танат. Да-да-да, но кто-то же должен проводить воспитательную работу. У него же родителей нет.

Коля. Это нечестно. Он не плохой, просто он…

Танат. Хочет быть лучше других? А ты можешь *стать* лучше других. Хватит хотеть. Делай.

Танат идет вперед к поселку со своим и Лешиным датинг-ганами. Через плечо кричит Коле.

Танат. Хорош страдать. Жду завтра на тренировке.

Нарспи на репетиции концерта, в который ее записали. Она стоит в компании маленьких детей и ее заставляют танцевать народный чукотский танец. Через окно она видит бегущих по поселку малышей, которые кричат, что Лешка промазал. Нарспи выбегает из клуба.

Нарспи идет по поселку и оглядывается, кого-то ищет. Подходит к Лешкиному дому, вбегает на крыльцо, заглядывает в окно. В его комнате пусто. Тогда идет к зимнику.

Она осторожно подходит к зимнику и приоткрывает дверь.

Внутри Нарспи видит тушки моржей и содрогающееся тело Леши. Нарспи садится с ним рядом. Они сидят в ледяном туннеле и дрожат.

Нарспи. Зачем здесь, здесь страшно. Здесь нет никого. Ты не выйдешь? Что ты делать теперь будешь?

Леша. Уеду.

Нарспи. Я с тобой. Я не хочу больше танцевать эти танцы. А куда?

Леша. В Америку.

Нарспи. Я тоже хочу в Америку. Ты ее искать будешь? А вдруг у нее муж есть американский?

Леша. Убью его.

Нарспи вскидывает глаза на Лешу.

Нарспи. А мы все вместе сможем жить?

Леша. Сможем.

Дед сидит за столом слушает радио. Леша рядом, молчит. Дед встает и идет к плите, по пути кладет руку на плечо мальчику. Слезы предательски капают из Лешиных глаз. Он обнимает деда, утыкается ему в живот. Дед постукивает молча по спине внука. Стук в дверь.

Дед. Войди!

В дом входит бригадир.

Бригадир. Добрый вечер. Извини, что поздно. Тут такое дело. Старый Иван

Атоевич умер. Дочь его тебя просит провести обряд.

Дед. Умер. Хороший был. Охотник хороший и человек тоже. Леша мне поможет.

Бригадир. Спасибо. Он болел в последнее время. Тяжело уходил.

Дед. Отмучился, значит.

Бригадир. Леша, ты как?

Леша кивает, пряча глаза. Бригадир уходит, не влезая с расспросами. Дед наливает себе чай, разливая воду по столу.

Леша. Почему тебя просят обряд провести?

Дед. Самый старый. Кто же еще. Хоть что-то есть хорошее в старости, да?

Коля в лодке с Танатом и пятью гребцами. Танат командует, отсчитывает, засекает время, еще и еще раз кричит.

Танат. Быстрее, раз, раз!

Море неспокойное и плыть сложно. Издалека Коля видит, что на берегу собираются люди, происходит какое-то действие, но ему плохо видно.

Коля. Че это там?

Танат. Не знаю. И раз, и раз.

На берегу стоят лодки, в них садятся родственники умершего: женщины, дети, мужчины – все они одеты в национальные костюмы, балахоны с меховыми оторочками, в руках у них гарпуны. Бригадир командует, кому в какую лодку садиться. В одну из лодок загружают тело. К берегу подходит Леша, он ведет под руки деда. Тот еле переставляет ноги.

Леша и дед плывут в лодке вместе с трупом. Леша смотрит на завернутое в ткань тело, потом туда, где Аляска, и на удаляющиеся лодки байдарочников.

Дед. Меня тоже так похоронишь.

Лодки пришвартовываются в бухте, где китовое кладбище и из земли повсюду торчат китовые остовы.

Дед Леши в национальном костюме вместе с другими стариками встает в круг, в центре круга кладут на шкуры тело покойного. В изголовье ставят блюдо с сушеным мясом. Старики обходят вокруг тела, при этом переступают через ноги, пинают их. Сделав круг, они берут кусок сушеного мяса из блюда. Женщины садятся вокруг тела, пьют чай. Мужики укладывают в разгорающийся костер дрова. Тело поднимают и несут на костер. Обряд проходит в тишине, спокойно. Люди подходят к костровищу, каждый по очереди берет золу из костра, обмазывает ей руки и лицо. Женщины начинают кричать, пихаться, бросаются друг на друга с воплями и рычанием, мазать друг друга золой. Происходящее похоже и на драку, и на какую-то детскую игру одновременно. Мужчины курят, наблюдая за этим ритуалом.

Лица, покрытые золой, смотрят по очереди на костер.

Дед сидит спокойно, рядом с ним Леша. Они вместе смотрят на ритуал Лешкиными глазами. Леша то и дело видит в огне танцующую девушку с голубыми волосами из чата.

Леша достает со шкафа сумку и начинает кидать туда вещи: фонарик, свитер, русско-английский словарь, атлас мира с прочерченным путем от Чукотки до Аляски, нож и все деньги из коробки. Там несколько тысячных бумажек, сотенных и мелочь. Из детской книжки достает разорванные листы его обращения к девушке на английском. Берет скотч, садится за стол и склеивает их. Получается не сразу, приходится, как паззл, их составлять. Наконец он доволен результатом. Кладет склеенные листы в карман и выходит из комнаты.

Он идет по темному и пустынному поселку уверенным и быстрым шагом. Подхо-

дит к дому Таната и Нарспи. Заглядывает в окно. В комнате Нарспи что-то увлеченно рисует. Леша стучит в окно.

Нарспи показывает свои рисунки.

Нарспи. Смотри. Это кит, а это я.

Леша. Мне надо еще пару фраз перевести. Напишешь.

Нарспи. Аааа.

Нарспи садится на ступеньки, переворачивает рисунок и карандашом пишет.

Леша заходит в сарай. Там сидит Танат. Он чинит датинг-ган номер 3. За его спиной стоит бригадирский компьютер. Леша замирает на пороге. Танат поднимает взгляд от ружья.

Танат. Какие мы нарядные! Празднуешь проигрыш?

Леша молча идет прямо к компьютеру. Танат ловко вскакивает с табурета и преграждает путь. Леша делает шаг вправо, и Танат делает шаг вправо, Леша – шаг влево, и Танат тоже. Леша хочет схватить датинг-ган со стола, но Танат его опережает.

Леша. Уже стреляет?

Танат. Вполне. Че надо? Компьютер? С телочкой поговорить хочешь? А она моя, не забыл?

Леша. Я уеду. Это последний раз.

Танат. Какое правильное решение. Я всегда говорил – слабакам тут не место. Плати. Я тебе ее продам.

Леша моргает глазами, он весь вытянулся как струна. Танат с ружьем в руках стоит совершенно спокойно и ухмыляется.

Леша. У меня нет денег с собой. Дома.

Танат. Ничего, здесь недалеко.

Леша. Нет!

Он говорит это как-то нехарактерно для себя, жестко.

Леша. Сначала чат, а потом сходим за деньгами.

Танат. Ладно. Минута.

Леша. Пять. И ты выйдешь за дверь.

Танат. Ну ты посмотри, меняешься на глазах. Быстро давай, пока никто не зашел.

Танат уже уходит, но мешкает в дверях. Леша включает компьютер, включает камеру на нем, открывает секс-чат, достает из кармана склеенные листочки. Находит девушку с голубыми волосами. Ищет глазами что-то на сайте, но не может найти. Танат смотрит от двери на это. Не выдерживает.

Танат. Ты лох все-таки. Приват-чат? А бабло где? Дай.

Он отталкивает Лешу от компьютера, нажимает приват-чат, выскакивает кнопка для оплаты. Танат вбивает свой номер телефона.

Танат. Все деньги с тебя, понял. Развлекайся, урод.

Коля сидит перед компьютером. Он листает картинки девушек в секс-чате. Открывает девушку с голубыми волосами. Она танцует перед ним. Он с тоской смотрит на нее и закрывает компьютер.

Леша впервые видит не обычный танец девушки с голубыми волосами, а ее настоящую. Девушка с голубыми волосами сидит на своей кровати и смотрит в камеру. Леша смотрит на нее и не может вымолвить ни слова. Потом соображает, что надо быть быстрее. Она вся в пикселях, ее не разглядеть. Но она улыбается. Она откидывает волосы и говорит.

Девушка с голубыми волосами. Ok sweety, what do you want?

Леша копается в куче бумажек.

Леша. Пронумеровать надо было.

Он достает первую бумажку и показывает в камеру. На ней написано: «YOU IS GOOD AND SEXY». Потом следующая бумажка: «HELLO, I AM LESHA», «LET'S MAKE SEX». Девушка смеется. Леша смотрит на свою же бумажку.

Леша. Не то!

Сминает ее нервно, достает другую. Читает: «WHAT'S YOUR ADRESS?» Смотрит на нее и говорит без бумажки в камеру.

Леша. Я люблю тебя. Как тебя найти?

Девушка с голубыми волосами смотрит на него с недопониманием, на экране появляется еще больше помех. Изображение девушки уплывает куда-то в сторону. Голос ее трансформируется и уже нельзя понять, что она говорит.

Леша. Стой, не уходи! Я пошутил! Стой!

Крутится ползунок, наконец на экране компьютера появляется надпись: «Модель сейчас находится в приватном чате с другим пользователем». Леша тыкает по клавиатуре, но ничего не меняется. Он читает еще раз и еще раз эту надпись. Он не понимает, что произошло, трет лицо руками, встает, ходит туда-обратно.

Леша. С кем – с другим? С каким пользователем?

Заходит Танат.

Танат. Подрочил?

Танат видит, что Леша совсем обезумел. Леша что-то понял и вырывается из сарая, забыв свои склеенные бумажки. Танат бежит за ним.

Коля идет с ноутбуком от своего дома в сторону Лешиного дома. Он сосредоточен и спокоен.

Леша бежит по ночному поселку, впереди он видит Колю. За Лешей бежит Танат. Леша замирает на секунду, увидев Колю, потом бежит к нему еще стремительнее. Он обгоняет его сбоку и встает перед ним. Коля не ожидает такого.

Леша (*дрожащим голосом*). Ты с ней в привате сидишь?

Коля. С кем?

Леша. Ты мне так отомстить решил за команду? Она перед тобой раздевается? Она с тобой?

Он хватает Колю за одежду и трясет друга.

Коля. Ты охренел?

Леша толкает Колю. Тот падает на землю, ноутбук отлетает в сторону. Коля пытается встать, но Леша наступает ему коленом на грудь.

Леша. Ненавижу тебя, его ненавижу, всех ненавижу.

Из окна за дракой наблюдает Нарспи.

Леша (*тихо и зловеще*). Я уезжаю, а ты побеждай, выигрывай, плавай, всех китов здесь можешь перебить, пусть все твои будут. Я никогда не вернусь! Мне не нужны вы все. Мне только она нужна. Только она меня понимает. Только она!

Леша встает и хочет уйти. Коля лежит на земле, встает.

Коля (*кричит*). Ты реально псих. Реально псих. Я тебя вечно выгораживаю, вечно о тебе думаю, а ты просто мудак. Думаешь, он урод, а это ты урод! Тебе на всех плевать, кроме себя. Ненавидишь его? (*Указывает пальцем на Таната.*) Ты на него больше всех похож. Ты такой же, как он, о себе только думаешь! Только себя любишь!

Леша резко оборачивается, бежит к Коле и бьет его по лицу. Из носа и рта Коли брызжет кровь. Он падает на землю от неожиданности.

Леша. Хотел, чтобы я за себя постоял? Так ты хотел? Так тебе нравится?

Танат стоит потрясенный. На улицу выходят люди, кто-то подбегает к Коле, начинает его поднимать. Леша обессиленно плетется в сторону дома. Танат идет за ним.

Леша заходит в дом. Танат за ним.

Танат. Эй, красавчик. Деньги!

Леша на автомате вынимает из сумки все деньги и отдает не считая. Танат засовывает их в карманы.

Танат. А ты ничего.

Посмеиваясь, он уходит. Леша остается один. Без сил он валится на кровать и засыпает.

Леша просыпается до рассвета. У него все болит. Рука немного распухла и на ней ссадина. Он кладет последние вещи в сумку.

На кухне на маленьком диванчике лежит дед. Леша смотрит на него, хочет что-то сказать, но не знает что.

Дед. Возьми на столе.

Леша поворачивается, на столе лежит большой, походный компас.

Дед. С ним не потеряешься.

Леша. Дед...

Дед. К похоронам моим вернись. Похоронишь меня как надо.

Леша хочет сказать что-то, но не может. Он просто выходит за дверь, схватив компас.

Нарспи с гарпуном в руках и рюкзаком за плечами, который ей не по размеру, прячется и наблюдает, как Леша выходит из дома и идет в сторону зимника с сумкой на плече. Она следит за ним взглядом и бежит в другую сторону, к воде.

Леша заходит в зимник, рука у него распухла. Здоровой рукой он отрывает куски льда от стен, заворачивает их в тряпку и оборачивает вокруг руки. Затем кладет одну из моржовых туш в сумку. Сумка становится неподъемной и тянет его к земле.

На берегу стоят лодки. Леша выбирает одну из них. Бросает туда вещи. За его спиной залезает, как ниндзя, бесшумно, Нарспи и прячется под брезентом. Леша не замечает ее, он заводит мотор и отплывает от берега. Он не оборачивается. За ним остается спящий поселок.

Вода спокойная, но пасмурно. Леша все дальше и дальше от Чукотки. Нарспи устала сидеть под брезентом и вылезает.

Леша. Какого хрена? Ты че?

Нарспи. Я тоже поеду. Я говорила.

Леша. Это не шутки, так нельзя! Ты мелкая, я не смогу с тобой.

Нарспи. Я сама по себе. Получше тебя справлюсь. Если ты вернешься, тебя накажут.

Леша совсем не хочет возвращаться.

Леша. Ну и сама виновата будешь, если что.

Он прибавляет газу, и они мчатся в сторону Аляски. Леша смотрит на компас и едет строго на восток.

Поселок заполнился людьми. Все собрались на ежегодную регату. На подъезде к селу много машин. Приехали из Лаврентии, из других поселков. Много молодежи. Все стоят отдельными группками. Лориндцы кучкуются отдельно. На воде растянулись большие байдары и сопровождающие катера. Бригадир бегает с мегафоном перед небольшой сценой, на которой будет проходить награждение, и кричит рабочему, натягивающему транспарант: «Добро пожаловать в Лорино».

Бригадир. Левее тяни, куды ты тянешь! Левее, я говорю! Правее теперь, у тебя глаза есть?

Тут и там раздается смех, обстановка оживленная. Все в ожидании начала соревнований. Участники соревнований в разноцветных майках с номерами на рукавах нервно поглядывают по сторонам.

Первый китобой. Сделаем их на раздва.

Танат. Как и всегда. Думать нечего.

Первый китобой. Я вчера после трени отрубился. Говорят, драка какая-то была.

Танат. Да я тебя умоляю. Фигня.

В другой кучке стоят китобои из Лаврентии, на них жилеты другого цвета.

Первый китобой из Лаврентии. Почему у них проводятся соревнования?

Второй китобой из Лаврентии. В том году у нас было. А разницы? Море одно. Команда у них сильная. Последние годы они приз брали.

Раздается сигнал, и все спортсмены идут к своим байдарам.

Тамара ходит по берегу и ищет Нарспи.

Тамара. Нарспи! Нарспи! Вы не видели ее? Выступать сейчас ей, где она?

Тамара подходит к наряженным детям, которые стоят у сцены. Они готовятся выступать.

Тамара. Ну нет ее нигде. Тогда… Аня, ты будешь за нее, помнишь движения?

Девочка кивает, и они все танцуют национальный танец.

Леша и Нарспи молчат. Леша посматривает на небо, тучи все сгущаются.

Леша. Погода портится.

Нарспи. Только бы не было дождя, как же наши выиграют тогда байдары?

Леша. Дура, что ли.

Танат – рулевой на байдаре. Коля сидит на веслах. У него разбитое лицо.

Танат. Неплохо он тебя. Ты ему хоть раз успел внедрить?

Коля не отвечает.

Первый гребец. А где он? Дома сидит?

Второй гребец. Да не высунется пару дней. Козел, ему бы самому хорошенько дать.

Танат. Разговоры кончай. Все готовы?

Раздается стартовый сигнал. Соревнования начинаются.

Сначала байдара Лорино идет на полноса впереди, но потом что-то меняется, и они начинают отставать, а Лаврентия активно идет вперед.

Танат. Что вы, как бабы, гребете, жми, или он из тебя все силы выбил? Раз, раз, раз!

Танат (*Коле*). Зачем я брал тебя? Ты из Лорино! Лорино не проигрывает!

Коля, разозлившись, налегает на весла сильнее. Лодка идет вперед и снова лидирует. Их лодка приходит первая, и все гребцы падают без сил.

На сцене стоит Коля, Танат и другие китобои, их награждают дипломами.

Бригадир. Поздравляем юношескую команду Лорино с победой. В качестве приза присуждается поездка на региональные соревнования по гребле. Команду Лаврентии поздравляем со вторым местом. Ну а теперь – праздник.

Включается музыка, люди начинают расходиться, посматривая на небо и воду. Стемнело, начинается дождь.

Тамара подходит к бригадиру и что-то шепчет ему, она указывает пальцем в стоящую поодаль мать Таната и Нарспи. На ней нет лица и она растерянно оглядывает толпы людей вокруг, которые радостно пляшут, кричат.

Тамара. Она ее с ночи не видела! Пропала, как сквозь землю. Все уже обходила, я тут тоже искала, она же выступать должна была.

Бригадир окликает Таната. Танат радостный, никогда еще его таким радостным не видели, держит заветный диплом. Коля тут же, рукой держит опухшую щеку.

Бригадир. Сестра могла глупостей натворить?

Танат. Да я не видел ее со вчера. Ниче с ней не будет. Шляется.

Бригадир (*Коле*). А тебя кто так отделал?

Коля. Да это так.

Гремит музыка из плохоньких колонок. Блещет светомузыка, освещая лица мо-

лодых ребят из разных поселков. Все танцуют. Одни при этом пьют из пластиковых бутылок, другие курят. Коля уныло шляется из угла в угол. Танат пьет, чокается с друзьями из поселков, жмет всем руки, принимает поздравления. Каждая вспышка стробоскопа ослепляет Колю. Перед глазами у него все мигает и плывет. Объявляют белый танец, но Танат хватает за руку Наты.

Наты (*перекрикивает музыку*). А из-за чего они подрались-то? Из-за девушки?

Танат прижимает ее лицо к своему и целует.

Вокруг Коли танцует Таны. Она закидывает ему руки на плечи.

Таны. Ты с ним помирись. Он не пришел?

Вспышка. Коля видит кричащего ему в лицо Лешу.

Леша. Я уеду, понял!

Вспышка. Опять Леша кричит так страшно и зло.

Леша. Она моя!

Коле становится плохо, его тошнит. Он отталкивает девушку и бежит к выходу.

На крыльце Колю выворачивает.

Парень. Перебрал? На радостях?

Коля садится на ступеньки и глубоко дышит. Дождь капает ему на лицо с козырька над лестницей. Перед собой он видит море. Оно бьется и воет. Коля бежит обратно в клуб.

Коля ищет в темноте среди вспышек Таната. Танат дрыгается на танцполе.

Коля. Ты Лешу видел? Лешу видел?

Танат. Аааа, поедем в город и там всех сделаем.

Коля. Лешу видел?

Танат. Да забей на этого мудака, он в Америку уехал! Он мне сам сказал, не веришь? Уехал, и хрен с ним, такие не нужны нам, у нас тут команда – понял? Ты и я – мы команда, мы тут вместе держимся, мы тут так только выживаем, только вместе!

Коля отталкивает Таната и выбегает на улицу.

Коля бежит по улице и встречает бригадира. Коля запыхался, он не может найти слова и путается.

Коля. Уехал, лодка, на лодке. В Америку, шторм. Лешка уплыл в Америку на лодке!

Бригадир бежит к воде, смотрит на лодки, считает их, одной нет. Начинается переполох. Китобои садятся в лодки, Коля тоже хочет. Прибегает Танат.

Бригадир. Нарспи, может быть, с ним?

Коля. Не знаю, может… не знаю.

Пьяный Танат лезет в лодку. Бригадир его отталкивает. Едут только взрослые китобои. Колю тоже не берут с собой. Лодки устремляются прямо в темное бушующее море.

Волны захлестывают лодку Леши и Нарспи. Они прижались друг к другу. Леша еще старается рулить, хотя его мотает из стороны в сторону и компас, который он зажал в руке, показывает то одно, то другое. Огромная волна заливает их с головой – и мотор глохнет. Идет дождь. Нарспи сжалась в комок и вцепилась в Лешину ногу. Сумка со всеми вещами вылетает за борт и падает в воду, он хочет ее поймать, но еще одна волна бросает их в сторону, и последнее, что успевает сделать Леша, – это засунуть в карман куртки компас. Нарспи кричит, и волна накрывает ее с головой.

Лодки китобоев кружат, но не видно ничего, волны очень большие. Бригадир кричит в рацию.

Бригадир. Возвращаться надо!

Китобой. А как же?

Бригадир. Сами потонем и их не найдем! Назад, к берегу!

Волны выбросили лодку на берег, между скал. Леша и Нарспи лежат на пятачке острова. Леша приходит в себя, он выплевывает воду. Отдышавшись, начинает приводить в чувства Нарспи. Она долго лежит без сознания, но наконец дышит. Он переворачивает ее на живот, и у нее изо рта выливается вода.

Они сидят совершенно мокрые и дрожат.

Нарспи. Есть хочу!

Леша. И я. В сумке было мясо.

Нарспи. Хорошо.

Леша. Что хорошо?

Нарспи. Хорошо, что было. Море мясо забрало и нас не съело. Выбросило.

Леша идет к остаткам лодки. Она совершенно разбита, не заводится и в боку у нее дыра.

Леша. Пошли. Осмотрим остров.

Остров каменистый, холмистый, почти без растительности. Нарспи среди камней находит травинку и ест ее. Смотрит вдаль и видит сквозь туман, окутывающий остров, большую землю.

Нарспи. Там Аляска или там?

Леша достает из кармана компас, стекло на нем разбилось, но он все еще работает.

Леша. Там. Может, покричать и нас найдут?

Они кричат, и голоса их разносятся эхом среди скал. Они лежат на земле. Идет время. Леша встает и пытается выкопать из земли какие-то коренья, ищет воду. Нарспи просто лежит без сил. Грязная, мокрая, окутанная туманом, она кашляет во сне. Воды нет, Леша возвращается к ней ни с чем. Он принес ей несколько корешков и какого-то жука. Он будит ее. Разбивает жука камнем.

Леша. Его можно есть.

Нарспи ест и ее тошнит. Темнеет. Они засыпают.

Бригадир разговаривает по телефону.

Бригадир. Из Лорино уплыл с девочкой, сами мы ночью искали, но шторм был, нам сейчас самим ехать или вы будете… ну искать их? Может, он к вам на Ратманов прибился? Нету? Ну значит, мы сами?

Он слышит шум лодочного мотора. Выглядывает в окно. На берегу Коля заводит катер, подходит Танат. Они ругаются, Коля кричит на Таната. Танат хочет запрыгнуть в лодку, но Коля газует, и Танат падает в воду.

Сквозь темноту слышен тихий шум мотора. Леша открывает глаза. Он вскакивает и смотрит с холма на воду. Это моторный катер идет к острову и причаливает там, где лежит их разбитая лодка. Из катера выходит американский офицер, пограничник. У него пистолет на поясе, фонарь и рация.

Пограничник (*в рацию, по-английски*). База, прием. Вижу разбитую лодку. Людей пока не вижу, вещей тоже нет. Прием.

Леша толкает Нарспи, она еле просыпается. Они выглядывают из-за кучи камней, и офицер их замечает.

Пограничник (*в рацию, по-английски*). База, вижу двух людей, не уверен, кажется, дети. Видимо, с браконьерами были. Возможно, вооружены. Прием.

Нарспи (*тихо шепчет*). Надо в его лодку, в его лодку забраться.

Леша. Он застрелит нас. Надо спрятаться. Ты можешь идти?

Они пытаются ползти незаметно, но камни из-под них скатываются вниз и привлекают внимание. Пограничник с пистолетом в вытянутой руке.

Пограничник (*по-английски*). Остановитесь или я открою огонь.

Нарспи и Леша замирают.

Пограничник (*по-английски*). Стойте на месте, спокойно. Встаньте. Поднимите руки вверх.

Леша встает, Нарспи тоже, зажав что-то в руке. Офицер медленно подходит ближе к ним.

Пограничник (*в рацию, по-английски*). База, это дети. Они не вооружены. (*Леше и Нарспи.*) Я Лесли. Лесли Брукс, береговая охрана США. Это запретная зона, вы находитесь на пограничной территории.

Леша и Нарспи молчат и смотрят во все глаза на офицера.

Пограничник (*по-английски*). Вы понимаете меня?

Леша мотает головой отрицательно. Нарспи кивает положительно.

Пограничник (*по-английски*). Здесь запрещено находиться. Ты из Чукотки?

Леша. Что он спрашивает?

Нарспи. Откуда мы. С Чукотки или нет?

Леша. Скажи, что да.

Нарспи. Он нас домой отправит тогда.

Леша. А ты чего хочешь, тут умереть?

Нарспи. Ты что, хочешь домой?

Пограничник (*по-английски*). Вы браконьеры? Убиваете китов, моржей? Продаете их?

Пограничник пытается помогать себе жестами, чтобы было понятнее.

Пограничник (*по-английски*). Что вы тут делаете?

Нарспи. Он спрашивает, почему мы тут. Что сказать?

Леша. Я не знаю. Я не знаю. Скажи, что мы с Америки.

Нарспи. We want to see Disneyland.

Пограничник смеется.

Пограничник (*в рацию, по-английски*). База, они вряд ли браконьеры, похожи на детей с той стороны, я отвезу их на Ратманов, пусть русские сами с ними разбираются. Сообщите туда.

Леша. Что он говорит?

Нарспи. Надо бежать.

Нарспи, все это время сжимавшая в руке камушек, с силой бросает его прямо в лицо пограничнику, попадает ему в глаз.

Нарспи. Вниз, вниз.

Леша и Нарспи скатываются вниз с горы и бегут к лодке. Пограничник закрывает один глаз рукой.

Пограничник (*по-английски*). Фак, что за идиоты!

Нарспи и Леша запрыгивают в лодку пограничника.

В рации, которая есть на руле, слышится голос пограничника.

Пограничник (*по-английски*). База, они лодку угнали, идут к нашей границе, база, прием. Оружия у них нет. Дети совсем.

Леша смотрит на Нарспи, она лежит без сил на дне катера.

Леша. У нас получилось. Теперь едем на Аляску, слышишь! Едем!

Нарспи. Видишь, как просто. Надо только быть быстрым. Теперь мы в Америке. В Америке меня возьмут в команду по метанию, и я буду принцессой в Диснейленде, и мы будем ловить маленьких моржей и апельсины, оранж джус.

Леша. Ты чего? Нарспи? Ты чего?

Леша оборачивается посмотреть. Нарспи лежит без сознания, смертельно бледная, она в бреду. Компас в руке Леши показывает, что они едут на восток, прямо к Аляске. Уже виден сквозь туман континент. Он смотрит на недвигающуюся стрелку. На Нарспи, которая болтается, как труп, на дне катера, бормочет и кашляет.

Леша поворачивает руль. Стрелка меняет направление на противоположное. Они едут на запад. Леша прибавляет ходу. В рации идет какой-то шум.

Рация (*по-английски*). Мы их не видим, они точно двигались к нам? Их тут

нет. Все тихо. Мы высылаем за тобой катер. Прием.

Пограничник (*по-английски*). Не могли же они исчезнуть?

Леша снимает с себя куртку, одной рукой он держит руль, другой пытается укрыть Нарспи.

Леша. Домой едем, слышишь? Ты не умирай только, слышишь?

Туман такой, что не видно ничего. Коля глушит мотор лодки и прислушивается.

Лодка Леши и Нарспи глохнет. Датчик бензина на нуле. Леша ищет по лодке канистру, но ничего нет. Вокруг туман. Он смотрит на компас, компас указывает направление, но впереди просто белая пелена. Леша дрожит. Он садится на пол лодки, кладет голову Нарспи себе на колени. У самых замерзших губ он держит рацию и говорит в нее.

Леша. Мы где-то на середине. У нас кончился бензин. Слышит меня кто-нибудь? Услышьте меня кто-нибудь. Слышите? Вы слышите меня? Прием.

В рации шум, что-то неразборчивое по-английски. Они слишком далеко от базы, и рация плохо ловит. Леша крутит ручку рации. Ищет волну.

Коля крутит головой влево и вправо. Не видно ничего.

Коля. Черт! (*В рацию.*) Прием, Лорино. Слышите меня?

Бригадир. Прием, Коля, это бригадир, ты зачем один поехал? Прием.

Коля. Бригадир, у меня с навигацией проблема. Туман такой, ничего не вижу. Прием.

Бригадир. Коля, надо подождать, пока разгонит, недолго, стой на месте. Море спокойное, далеко не отнесет. Прием.

В рации раздается треск. Посторонний шум.

Леша. Нарспи, слышишь меня? Ты же меня слышишь, да? Только ты меня не бросай. Ты должна слушать меня.

Леша все говорит в рацию и все время крутит ручки.

Голос Коли из рации. Бригадир, повторите, прием.

Леша. Коля! Коля! Коля, это я, прием. Коля, слышишь меня?

Коля сидит в лодке и говорит в рацию.

Коля. Бригадир, прием. Повторите.

Бригадир. Коля, глуши мотор. Туман рассеется и вернешься. Ждать не долго. Лешу один не ищи. Прием.

Голос Леши из рации. Коля, это я, слышишь меня? У меня бензин кончился, я рядом. Коля, я рядом. Прием.

Бригадир бьет с какой-то злостью по столу ладонью, но улыбается. Вскакивает, берет компас, фонарь, гарпун и бежит на улицу, к берегу, к лодкам. ◆

Наталья Милантьева

РЕБЕНОК ДЛЯ ОЛИ

Пьеса

Наталья Милантьева – драматург. Родилась в Москве в 1971 году. Окончила издательско-полиграфический техникум по специальности корректор (1990). С 1990-го по 2008-й жила в монастыре. Позже училась в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Участвовала в фестивале «Любимовка»: в 2013-м и 2014-м с пьесой «Подвал», в 2016-м – с «Ребенком для Оли». Работает строителем.

Пьеса Натальи Милантьевой «Ребенок для Оли», появившаяся на последней «Любимовке», внедряет нас как читателей и зрителей воображаемого спектакля в приватную жизнь двух девушек, которые в союзе друг с другом находят те же камни преткновения, что и обычные гетерогенные пары. Это пьеса про любовь, не настаивающая на своей особости и не манифестирующая свою маргинальность. Волнения и тревоги, финальная разлука двух любивших друг друга людей драматичны именно потому, что это самая обыкновенная любовь — то есть то драгоценное, что так редко случается в нашей жизни и что так трудно бывает сохранить. Внимание драматурга к неявным поворотам чужих переживаний и делает историю уникальной.

«Любимовка» (и так всегда было — счастливая судьба у фестиваля и конкурса) держит нос по ветру: если в 2000-е было много экстремистских текстов, брутальной поэзии и погони за речевыми провокациями, то в 2010-е пришли «новые тихие». Всматриваясь в частную жизнь своих сверстников, они ищут способы фиксировать ее в драме — подробно, не гоняясь за увлекательностью и не навязывая «поворот» там, где его нет, где ровная, но не менее драматичная поверхность бессобытийности. Чем более частным, интимным и скрытым является история, тем интересней становится за ней следить — и потому, что в незаметном трудно разбираться, и потому, что авторский голос становится особенно ясно различим, когда блуждает в потемках неявной чужой реальности.

Выбор «Любимовки» все-таки результат не конкурса «на лучшее», а поиска новых голосов, специфических и, если повезет, даже диких. Поэтому по текстам авторов, попавших в ротацию фестиваля, можно наблюдать за тем, как меняется их инструментарий и оптика. Как радикальному отказу Павла Пряжко от «выразительности» сопутствует

появление сразу нескольких драматургов, исповедующих гиперреализм. Или — как ирония Максима Курочкина влияет на поколение младше и появляются пьесы Юлии Тупикиной. Или — как украинская война вызвала к жизни яростное желание писать честно и конфликтно. И — как фокус на реальности в ее микроизмерениях побеждает установку на концептуальность. «Любимовка» живет так, что в какой-то момент перестало быть важным, обращают ли театры внимание на конкретную пьесу или автора: произошла странная, неравномерная диффузия, в результате которой у кого-то есть работа в театрах, есть заказы, есть телевизионные проекты, есть кино, а у кого-то — нет. Но это вовсе не является мерилом успеха. Успех, даже в рамках одной читки на «Любимовке», ценен сам по себе. А дальше круги расходятся по воде.

Кристина Матвиенко

Корпоратив в офисе. Оля, женщины, мужчины.

Женщины. Торт надо разрезать, девчонки… Аллу Михайловну надо позвать, без нее не режьте… Ой, тут еще пироженки… В «Бахетле» покупала… Я в Каляев завтра за шубой, кто со мной? Если будете тянуть, ничего не достанется, все расхватают… Мы уже ездили, купили для Оксанки, за 70 тысяч всего… Народ ломится, завтра прям ехайте… Оль, не купила еще? Поехали с нами.

Оля. Я шубы не ношу.

– Ой-ой-ой. Никто не говорит носить каждый день, в электричке ездить.

– Вот именно, терхаться там обо все.

– А шуба нужна, а как же? В театр вот билеты взяла на первые числа, с Вовкой пойдем, я его тоже приодела, а то ходил как этот…

Оля. В какой театр?

– Да не помню я сейчас, в центре. По 700 рублей всего билеты. Алла Михайловна была, говорит, вполне можно сходить, все прилично.

Оля выходит в холл.

Оля. Макс, дай сигаретку. Спасибо (*выходит на улицу, там курят мужчины*). Привет.

– Привет. А я себе в зале хочу, как у Дэна, сделать над диваном подсветку с потолка, прикольно.

– Ага, все теперь, как у Дэна.

– У меня лучше будет.

– Где такую борсетку отсосал, Мих?

– Сайт один есть, перчатки там же заказал.

– Ссылку кинешь?

– Ищите сами, бля. Я скока облазил (*крутит в руках борсетку*).

Оля заходит в помещение. Мужчины ей вслед:

– Оль, танцевать пойдешь?

Оля. Нет. Я скоро домой.

– А чего так, чего невеселая такая?

Оля подходит к столу, наливает виски.

Женщины:

– Оль, хватит вискарь глушить, вон коктейлей сколько, Сапунов специально заказал для девочек. Самые разные, красота какая, глянь!

Оля (*отходя, тихо*). Сами пейте ваши коктейли, уе…ища.

Женщины шепчутся, одна кричит:

– Девчонки, когда Ольгу замуж-то будем выдавать? Оль, поди-к сюда, поди, поди. Мы выпили, конечно, но ты это (*машет рукой*) хочу тебе сказать – приглядись к Орехову, из «науки», они там меньше получают, но мужик серьезный, детей нет у него, а то ведь схватят. Пошла бы потанцевала, ты сегодня красотка прям.

Оля. Светлана Ивановна, давайте без этого, а то я вообще уйду.

– Господи, ну никто ей не подходит.

Оля выходит на улицу, звонит по телефону.

Оля. Жень, я домой, встреть меня у метро. Да все, нагулялась уже, тошнит. От другого тошнит. Меня тут замуж выдают за ботаника. Ха-ха-ха! А что, шубу только куплю завтра. Ладно, давай скорей, скучаю очень, бегу, давай.

Женя и Славик едут в машине. Женя за рулем.

Женя. Они начали хоть работать? У них три дня на все, и чтоб духу их там не было.

Славик. Я им все объяснил.

Женя. Чего ты объяснил, их носом тыкать надо.

Славик. Я на объекте щас каждый день, на этой, на Авиамоторной, санузел в «сталинке», у меня там хохлы, следить надо.

Женя. Слав, за каждым мешком не уследишь, они все равно свое возьмут, пускай. Они и ночью вывезут, хохлов не знаешь? У нас там все нормально, оставь им «Юнис», господи, это пять тысяч, люди работают.

Славик. Да я че-то из принципа, завелся че-то. Хитрожопые, я бы и так им набавил, не люблю вот это – пи…ят, пи…ят целый день, как бабы.

Женя. Но делают-то хорошо.

Славик. Делают хорошо, не придерешься.

Женя. Ну и х… с ними. Ты за чурками следи.

Входят в квартиру, где идет ремонт. В комнате на полу сидят четыре узбека, пьют чай с батонами.

Женя. Это что за посиделки?

Узбеки. Обед.

Женя. А почему не начали работать?

Узбеки. Э-эээ, аванс мы хотим.

Женя. Какой аванс, работы на три дня, ну-ка быстро встали, или кыш отсюда.

Женя проходит в ванную, там рабочий стоит ногами в растворе, водит вокруг правилом.

Женя. Это ты так стяжку делаешь? Где уровень у тебя?

Узбек (*улыбаясь*). Я не штукатурщик, я водитель.

Женя. Ты кого сюда припер?! Слав, я тебя спрашиваю!

Славик. А где я тебе возьму?! Мы эту квартиру брали сама знаешь как, народу лишних никого, Казбек с овощебазы прислал этих, и то слава-те господи.

Женя. А как они полы наливать будут? Вы полы наливаете, умеете наливать?

Узбеки. Мы все умеем. Да. Наливаем. Да. Хорошо наливаем. Да.

Славик (*ржет*). Мы тоже хорошо наливаем.

Женя. Всё, пошли отсюда, завтра с утра будешь здесь. Два дня на всё, ночью пускай работают, будешь сидеть с ними.

Славик. Бл..., просил же – дай нормальных. Дал, бл...

Женя. Достало все. Пойдем выпьем. Хата есть свободная?

Славик. Так... поехали на Варшавку, там сегодня никого, у меня ключи с собой.

Женя и мама в родительской квартире. Пьют чай. Женя смотрит в телефон.

Мама. Неужели нельзя прическу нормальную себе сделать? Волосы хорошие отрастить, потерпеть немножко, и вот так горшочком, как у Мирей Матье. Как бы тебе пошло, я-то вижу, зачем уродовать себя? Ну что это, все время как солдат. Я же не прошу косы отпускать, но чуть-чуть поженственней-то можно. Потом сейчас все девушки носят, я наблюдала, лосины такие, ну знаешь, лосины что такое, и ботиночки, а цвета... цвета так: песочный очень в моде, хаки, все оттенки бежевого. Нельзя все время в джинсах ходить, свободный такой свитер удлиненный, лосины...

Женя. Ну хватит уже! Самой не надоело?

Мама. Да ты не видишь себя со стороны. На каблучках надо тоже что-то иметь, небольшие даже каблучки – и уже не будешь так раскачиваться. Тебя же никто не просит бедрами вилять, качаться не надо из стороны в сторону, как мужик. Сама за собой следи, почему мать должна до сих пор напоминать?

Женя. Я пойду, у меня дела еще.

Мама. Обижаться не надо, матери не будет – кто еще подскажет. Дочк, подожди, посиди, посиди, видимся редко. Как на работе-то, заказы есть, все нормально, устаешь, наверно?

Женя. Да нормально, работаю.

Мама. Со Славиком ладите? Вроде он хороший парень, вы же вместе все время, вот была бы пошустрей капельку...

Женя. Хватит, я сказала, я сама разберусь!

Мама. Ну ладно, ладно, всё, разбирайся сама. Девочка-то эта все живет у тебя?

Женя. Она снимает, сни-ма-ет.

Мама. А сколько она так будет снимать? Говорила сначала на три месяца, а уже три года, вещи все свои перевезла. Мы с отцом тебе

двушку уступили, чтобы ты семью создала, даже хоть с приезжим, они трудяги, неизбалованные. А это что, присосалась тихоня, знаем мы их, сначала по половицам ходят, а потом не заметишь, как без мыла в жопу влезут.

Женя. Мам.

Мама. Дочк, послушай, я тебя знаю, тебе неудобно будет потом ее вышибать, а сама она не уйдет. Не надо дружб этих, держись подальше. Ну что она там платит тебе? Ну ты и так зарабатываешь неплохо. Скучно одной – вон сходили в кафе, посидели, погуляли. В дом-то зачем тащить кого попало?

Женя. Мама, заткнись! Закрой рот, понятно? Это моя квартира! Затрахала уже!

Мама сдерживает слезы. Женя уходит.

Женя и Оля сидят вечером. На столике виски. В телевизоре футбол. Женя внимательно смотрит, Оля слегка выпивши, с айфоном в руке, другой рукой гладит Женю.

Оля. Ты хоть помнишь, какой сегодня день? Тридцать первое (*вздыхает*). Поняла, что в ресторан все равно тебя не затащишь…

Женя. Мм?

Оля. Ну вспомни, что было три года назад.

Женя. Что? А, слушай, да. (*Обнимает ее.*) Ну а чего не сказала раньше, и пошли бы.

Оля. Лига чемпионов, однако.

Женя. Да фиг с ней, давай сгоняю щас, куплю чего-нибудь вкусненького.

Оля. Да ладно, смотри, вон «желтую» кому-то дали.

Женя. Чего ты хочешь, тортик? (*Встает.*) Или чего-нибудь такого, японского?

Оля (*удерживает ее*). Не уходи, посиди со мной. Так смешно, что я тогда две недели ходила по этому Арбату, все ждала, когда же она меня заметит, а ей пофиг.

Женя. Угу. Зато потом побегала за тобой.

Оля. Да-а, представь, смотрит сквозь меня, глаза печальные, и эта дурацкая шляпа.

Женя. И тогда ты решила разориться на портрет.

Оля. На принцип пошла типа.

Женя. Там место надо держать, на всех не насмотришься, ментов только высматриваешь, чтоб водку не заметили.

Оля. Такая серьезная была. А я села, смотрю на тебя, холод до костей пробирает.

Женя. А я еще такая: «Замерзла?»

Оля. Ага, а у самой пальцы красные, грязные, в угле, так жалко тебя стало.

Женя. А мне тебя было жалко – ветер, уши горят, а девушка сидит не шелохнувшись, ответственная.

Смеются.

Оля (*берет ее руку, разглядывает*). Как я люблю эту руку, сильную и теплую, ммм… fuck.

Они обнимаются, целуются. Из телевизора доносится: «Гоооол!»

Женя оборачивается.

Женя. Так и знала, уже не отыграются (*выключает телевизор*).

После секса, лежат.

Женя. Неужели уже три года? Как один день. Столько лет искала… тебя.

Оля. Представь, сейчас бы вот здесь лежал между нами маленький комочек и сопел. Наш сладкий комочек. Пуся… ну не молчи. Ну ты же знаешь, как мне это больно.

Женя. Эта тема закрыта.

Оля. Для меня – да.

Женя. А для меня так вообще…

Оля. Жень, это все, что я прошу, я ничего не просила никогда, ты знаешь. Ты не представляешь, как все изменится, вся эта рутина – работа, ужин, футбол, Фейсбук, звонки эти дежурные: как у вас дела? – у нас все отлично! И так каждый день, каждый день… у меня седые волосы появились. Женя! Счет идет на месяцы, на дни.

Женя. Я дни не считаю, я просто живу. Все не так плохо у нас.

Оля. Мне очень хорошо с тобой, поэтому… Глупая, кто тебе такие слова скажет? Тебе женщина говорила такое когда-нибудь? Да за это умереть можно. Для женщины дети – это все. И это будет наше, *наше*, наша тайна, наша любовь.

Женя вздыхает, поворачивается на другой бок.

Оля (*тихо*). Сволочь.

Неделю спустя. Оля и Женя дома.

Оля. Мы завтра с девчонками собираемся в мастерской, я сказала, что мы вместе придем.

Женя. Не, я завтра в Химки, у нас дерби.

Оля. Ты же в прошлую субботу была. С кем играют?

Женя. С «Локо».

Оля. Это так важно?

Женя. Конечно, они нас в таблице поджимают.

Оля (*вздыхает*). Я тебя вообще не вижу. Мне надоело только всем рассказывать про тебя, можно хоть иногда появляться на людях, мы все-таки пара.

Женя. Ну чего там делать? П…деть про эти ваши сю-сю-сю, ми-ми-ми, кто кого бросил, кто в кого влюбился. Женский форум, скукотища.

Оля. А откуда вообще взялся этот футбол, это что, для самоутверждения?

Женя. Почему для самоутверждения, почему все должно быть для чего-то, ни для чего, просто нравится.

Оля. Конечно. Славик разбирается в футболе, это круто. Все надо слизывать со Славика – походку, манеры, даже носом стала шмыгать, как Славик. Девчонки увлекаются авангардом, пришла бы послушала, надо же чем-то интересоваться еще кроме футбола.

Женя. Не надо.

Оля. Ну и вали.

Женя (*обнимает ее*). Ну котя, моя сладкая, я еще интересуюсь тобой, а больше ничем.

Оля. Ты художник.

Женя. Я чертежник.

Оля. Потому что ты похоронила в себе художника. Как будто нарочно становишься грубее, примитивнее. Ты думаешь, это круто, сексуально? Может, ты для кого-то там стараешься, для малярши?

Женя. Я всегда такая была.

Оля. Неправда, ты на стройке этим напиталась.

Женя. Да я еще мало напиталась. А то давай пойду сяду опять с мольбертом, будем лапу сосать. Никаких заграниц тебе, ничего…

Оля (*вздыхает*). Ладно, хватит. Сегодня так достали все на работе. Целый день про своих детей, я одна сижу, как дура, слушаю, какие они у них гениальные.

Женя. Ну надо чем-то похвалиться.

Оля. Хвалиться тем, что родила? Все рожают – кошки, коровы, никто своими телятами не гордится.

Женя (*изображая корову*). Му-у-у! Я Буренка, родила Ромашку, моя Ромашка самая талантливая и красивая, а кто так не думает, тот дура-а-ак!

Оля. Если у нас не будет детей, я сойду с ума.

Женя. Опять. Я сказала уже, всё, Оля, всё. Это абсурд (*уходит в другую комнату*).

Оля выходит на балкон, нервно закуривает, под окном детский сад, слышны детские голоса.

Оля. Со всех сторон, бл***.

Бросает сигарету, захлопывает балкон, падает на диван, включает телевизор, там реклама.

Веселый женский голос: «А что нового сегодня? В «Либерокомфорт» обновленный внутренний слой и новые мягкие резиночки вокруг ножек. Подгузник хорошо сидит и сохраняет форму, пока ваш малыш делает открытия!»

Оля выключает телевизор, быстро одевается.

Оля. Я за выпивкой!

Женя. Вот это дело, давай.

Женя в квартире клиентов. Хозяева, Вита и Владислав, – супружеская пара с ребенком. Няня.

Женя. Здесь нужна гардеробная.

Вита. Ой, где же тут, мы хотели, чтобы здесь гостиная была. А в коридоре купе поставить.

Женя. У вас очень узкий коридор, а перегородку между кухней и маленькой комнатой надо ломать.

Влад. Мы хотели, чтобы там детская.

Женя. Вы и кабинет хотите, и детскую, и столовую, надо выбирать.

Вита. Влад, ну правда, у нас кухня 12 метров, вот тебе кабинет.

Женя. Объединяете кухню с лоджией, утепляете пол – и отличный кабинет.

Влад (*одевается на ходу*). Ну ладно, Вита, давайте дальше без меня. В лоджии так в лоджии. Хоть в кладовке, мне уже все равно.

Женя. Владислав, да сейчас все так делают, у вас просторная лоджия, там даже кушетку можно поставить, окна во двор выходят. Будете как в раю.

Влад. Ладно, я пошел. Я подкаблучник. Как жена скажет (*уходит*).

Подбегает ребенок, разглядывает Женю. Женя мнется, достает из кармана дюбель-гвоздь.

Женя. Привет, шпендик, вот тебе чертилка.

Ребенок хватает гвоздь.

Вита (*улыбается, удивленно смотрит на Женю*). Тёма, это не игрушка, это для папы тетя дала (*отнимает гвоздь, ребенок ноет*).

Женя. Сколько ему?

Вита. Четыре годика. (*Пауза.*) А у вас нет еще?

Женя. У меня нет.

Вита. Знаете, мы с такими трудами Артема родили. ЭКО два раза делали. Муж сначала был против, говорил – надо естественным путем. А вот все не получалось. Выносить не могла, матка все время в тонусе…

Она достает из буфета бутылку вина, закуску из холодильника.

Вита. А давайте выпьем.

Женя. Ну я даже не знаю…

Из коридора появляется няня.

Няня. Здравствуйте, Виталия Владимировна. Артем кушал?

Вита. Вы сначала погуляйте с ним. Я не успела.

Женя. Я пойду, наверное, у меня еще две квартиры.

Вита. Вы мне так нравитесь, Евгения, я хотела с вами как-то подружиться. Давайте выпьем. Не стесняйтесь.

Женя. Я не стесняюсь.

Вита наливает вино, они чокаются.

Женя. У вас имя странное – Виталия.

Вита. Это моя мать в честь своей первой любви меня назвала – мужским именем. А вообще Виталия с греческого – жизненная, полная жизни. Я ненавидела свое имя, мне казалось это насмешкой судьбы, но теперь, когда появился Тёма, имя стало неким талисманом, я поверила в себя, в свою связь с предками. (*Пауза. Внимательно смотрит на Женю.*) Мужчины сейчас такие беспомощные, не могут принимать решения.

Женя. Да, везде так, ремонт ведет жена, а муж только мусор выносит.

Вита (*улыбаясь*). А ведь хочется иногда быть слабой.

Женя. Не знаю, мне, наоборот, всегда хотелось быть сильной.

Вита. У вас получается. Вы не замужем?

Женя. Нет.

Вита. Давно занимаетесь ремонтом?

Женя. Несколько лет. Фирму открыли с другом.

Вита. У вас слишком интеллигентное лицо для человека, который работает на стройке.

Женя. Я вообще архитектор. А вы чем занимаетесь?

Вита. Переводами. Восточные языки. Вам вино не нравится? По-моему, чудесное вино.

Женя. Я не пью вино, не понимаю ничего в нем.

Вита. А что ж вы молчите, я вам коньяк налью.

Женя. Да ладно, не надо, вот сбацаем тут все, тогда обмоем.

Вита. Женя, вы расслабьтесь, ремонт никуда не денется, мы же можем просто пообщаться без всяких рамок. Сбросьте уже с себя свой камуфляж, мы отдыхаем.

Женя расстегивает молнию толстовки.

Вита (*смеется*). Я образно говорю, ой, какая же вы смешная.

Женя опрокидывает сто граммов коньяка.

Вита. Вы мне интересны как тип личности.

Женя. Женщина с веслом типа?

Вита. Нет. Хотя… да, вы боитесь расслабиться, боитесь своей природы, вы всегда с веслом… чтобы кого-нибудь шарахнуть, ха-ха-ха!

Женя опрокидывает еще сто граммов коньяка.

Женя. Да что вы знаете, жизнь такая, так сложилось.

Вита. Но мне кажется, под этим камуфляжем прячется нежное сердце. (*Пауза. Прислушивается.*) Так, вернулись с прогулки.

Женя встает, застегивает толстовку.

Женя. Спасибо за коньяк, за компанию. Я вам на почту пришлю чертежи и смету, обсудим там потом все.

Вита. Хорошо, договорились. (*Провожает ее в прихожую.*) Я позвоню, приходите на следующей неделе, обговорим детали. (*Берет ее за руку, Женя крепко сжимает ей руку.*)

Женя. Коньяк за мной.

Вита. Боже. (*Игриво выталкивает Женю за дверь.*) Я позвоню.

Женя и Славик в ремонтируемой квартире. Пьют коньяк.

Женя. Как у тебя со Светкой?

Славик. Да х…во. Че-то крутит, крутит, я не понимаю ничего.

Женя. Баба хочет с тобой жить, а не чтоб ты приходил-уходил.

Славик. Не знаю. Так пока. У нее еще девка такая противная. Мелкая, а вредная, ой. Характер уже показывает мне, бл***. Я прихожу,

она начинает дверями хлопать, носится, как селедка, по квартире, хозяйка, бл…

Женя. Слав, ну это же ребенок все равно. Светка хорошая, любит тебя, а эта скоро вырастет, ей не до вас будет. Это все перетерпеть можно. Одному-то хуже.

Славик. Ты своих роди сначала, вырасти, рассуждать хорошо, все прыгаешь, и эта у тебя такая же, по заграницам, шмотки. Не, я ничего не говорю, но вы же, бл…, бабы, вам детей надо рожать, у вас это должно быть вот здесь заложено (*стучит себе по затылку*).

Женя. Заложено, да, да еще как заложено, основательно!

Славик. Должно быть заложено у вас природой!

Женя (*кричит*). Да, заложено, заложено у одной, весь мозг заложило наглухо, зов природы, бл…! Сама родить не может, не дано, бл…, ну и смирись, не дал Бог, успокойся, – нет, кто-то должен вместо нее, нет, не вместо, а *для* нее, подарок любимой, котеночек в коробочке с бантиком!

Славик. Подожди, это твоя, что ль, подруга ребенка хочет? Так что плохого-то?

Женя. От меня.

Славик. В смысле? Не понял.

Женя. Да куда тебе понять. А мне это ну никак вообще, у меня места такого нет, ненавижу детей и всех этих домашних животных, птичек, рыбок, цветы в горшках! Ну такая я, блин, да, что теперь. Нет, вот давай делай ЭКО, будет нам счастье, а так счастья нет, ага, а потом оно вот сразу хопс – и будет *счастье* (*делает руками круг*).

Пауза. Сидят молча, курят.

Женя. Я просто, Слав, я не смогу без нее… если она меня бросит, я сдохну.

Славик разливает последнее, смотрит на Женю.

Славик. Как поедешь-то?

Женя. Как обычно, с ветерком (*встает, идет к двери*).

Славик. Рожай, Женька, дело хорошее.

Женя. Да пошел ты.

Женя и Вита.

Женя. Але, Вита? Можно я сейчас подъеду? Мм, нет, еще не готовы, но… можно без чертежей прикинуть, так нарисуем на стенах, я потом перенесу. Вы одна? Ага, всё.

Женя и Вита в квартире у Виты.

Женя (*открывая бутылку коньяка, улыбаясь*). Малыш-то где, гуляет?

Вита. Спит. Женя, вы хотели разметить розетки?

Женя. Да я уже прикинула, где чего, все по стандарту, вышлю потом. А я так и подумала, что вы чем-то восточным занимаетесь (*показывает на стены, на них висят японские пейзажи*).

Вита. Из Японии привезли, так, ничего особенного, просто красиво. Я с вами насчет гардеробной хотела поговорить. Честно говоря, нет желания размещать в гостиной этот сарай. Большая комната, много света. Можно гораздо интереснее обыграть пространство. Мне не наливайте, я не буду, мне скоро ехать.

Женя. Ну, дело ваше. Я предложила как удобнее, я не навязываю.

Вита. А вот лоджию будем утеплять, но объединять с кухней не будем.

Женя. Как хотите.

Вита. Косметический ремонт нас вполне устроит.

Женя. На розетках только не экономьте, потом жалеть будете.

Женя подходит к Вите с рюмкой коньяка.

Женя. Хороший коньяк, давайте по чуть-чуть.

Вита. Розеток будет столько, сколько я скажу, самодеятельности не надо, пожалуйста.

Женя. Как скажете. Платье красивое на вас.

Вита. Это пеньюар. Женя, мне надо собираться, извините.

Женя хватает ее за талию.

Женя. Нарочно, что ль? Я все это время вспоминала… наш разговор.

Вита. Вот вы, Женя, нашли свое место в жизни, свой стиль, смóтрите, как волчонок (*кладет ей руку на плечо*), а опытная женщина сразу видит на вас печать.

Женя. Какую печать?

Вита. Конечно, если вы самодостаточны, зачем вам мужчина? Но женщина, не имеющая детей… ущербна. Вам нужно что-то менять в жизни (*убирает с плеча руку Виты*).

Женя. Чушь какая-то.

Вита. Природу не обманешь. Рано или поздно она о себе напомнит.

Женя. Мне все равно, что вы там видите. До свидания, я пойду.

Вита (*улыбаясь*). Да не обижайтесь вы. Приходите, поболтаем. Заберите коньяк, он не дешевый.

Женя (*выходя, тихо*). Ведьма. И чего это я, блин, опять, дура, дура.

Некоторое время спустя.

Оля. Женька, ты у меня такая… (*Гладит ее по волосам.*) Это даже здорово, что он будет на тебя похож, я его буду любить так же, как тебя. Папусик наш (*улыбается, гладит ее по животу*).

Женя (*бьет Олю по руке, соскакивает с кровати*). Может, аборт сделать, пока не поздно?

Оля. Поздно, папусик. Тогда и меня убей сразу, будешь свободным человеком наконец.

Женя. Слушай, а когда это заметно будет, ну… пузо это?

Оля. У тебя скоро, ты ж худая. Что, не пережить? Соседи засмеют? Жень, ну ты как маленькая, да все порадуются за тебя, а на остальных плевать.

Женя. Мне бы только живот этот оттаскать, дальше без меня.

Оля. Без тебя, без тебя, конечно. Ой, господи, не переигрывай только, я не собираюсь девять месяцев тебе тут сопли вытирать. Да я б на твоем месте сейчас прыгала от счастья, ты хоть понимаешь, какая ты счастливая? Дура. Или прикидываешься, не знаю… Или уже такой дядя Женя, что совсем… без понятия.

Женя (*задумчиво*). Ну, перед мужиками мне как-то не стыдно, а…

Оля. Все, пуся, все, берем себя в руки, жизнь продолжается!

Женя. Абонемент пропадет на полсезона… на Новый год не выпить… в лифте пузом расталкивать всех…

Оля (*кидает в нее подушку*). Ну хватит уже! Смотри, хотела тебе показать (*показывает ей в ноутбуке*), женщина вяжет какие штучки, прелесть! И ползунки, и рукавички, и чепчики. Закажем потом у нее.

Женя. Все это в магазинах продается.

Оля. В магазинах отстой, дети все, как детдомовские, а это натуральные вещи, ручная работа, чудо просто.

Женя. Какая разница.

Оля. Настраивайся давай. Нам с тобой еще кучу книжек надо прочитать.

Женя. Я боюсь, Оль. Мне страшно. Ведь это уже все, на всю жизнь. Как это я вообще, как под гипнозом…

Оля. Ну я же с тобой. Все хорошо. Да?

Женя и мама. Телефонный разговор.

Женя. Пятый месяц.

Мама. И ты молчала?

Женя. Сюрприз.

Мама. Доченька, как я рада за тебя. Ох, даже в голове не укладывается. А…папа-то кто ребеночка, хороший человек?

Женя. Мам, давай не будем это, какая разница, я тебе просто сказала, и не надо мне щас тут…

Мама. Ну хорошо, хорошо. Ты в поликлинику-то ходишь? Тебе витамины нужны, питание, он тебе помогает или так, сделал свое дело и…

Женя (*кричит*). Мама, мне есть кому помогать! У меня все есть, я все знаю, не лезь ко мне!

Мама. Эта, что ли, приживалка твоя, все с ней, а я думала, за ум взялась наконец-то дочка, семью нормальную хочет создать!

Женя. Она не приживалка, она зарабатывает. Мама, я щас кину трубку просто.

Мама. Дочка, ну ладно, ну прости меня. Да бог с тобой, живи как хочешь, что ж поделаешь. Сейчас главное – ребеночка выносить. А отец-то как обрадуется! Дожили, слава тебе господи! Мы помогать будем, ты звони почаще, все рассказывай мне как чего.

Женя. Мам, все, ладно, все нормально, давай, у меня дела.

Мама. Я так рада, что мы помирились. Доченька моя. (*Плачет.*)

Женя. Пока, мам.

Женя и Оля дома. Звонок в дверь, входят родители Жени.

Мама. Здравствуй, дочка! Ой, бледненькая какая. Ну-ка, дай посмотрю на тебя, на вас, на вас, хи-хи-хи (*обнимает ее живот*).

Папа. Молодец, Женька! Хе-хе, молодчина! Внуков давай нам!

Проходят в комнату. Оля стоит у окна в напряжении.

Оля. Здравствуйте.

Мама (*не глядя на нее*). Здрасьте. Жень, вот на, ягоды тут, на рынке купили, творог деревенский, сметана. На, прям щас давай ешь.

Женя. Мам, ну… (*Сворачивает кульки неловко, относит на кухню.*)

Мама. Кроватку-то где, здесь, наверно, поставим, да, Ген?

Папа. Подальше от окна надо, или переставить тут все, кровать сдвинуть к стене, чего она посредине стоит.

Оля уходит на кухню.

Мама. Нервная какая.

Папа. Не заводись, Тань, не надо, ну ее.

Мама. Вампирша.

Женя с Олей входят.

Женя. Это Оля. Да вы помните, наверно.

Мама. Да помним. Оля, ну как ты, работаешь?

Оля. Работаю, Татьяна Васильевна, все хорошо.

Мама. А у тебя своих детишек-то нет, не собираешься?

Женя. Мама! Прекрати!

Мама. А что, спросить, что ли, нельзя, что ты орешь на меня?

Оля. Я не могу иметь детей.

Папа. Хе-хе, может, чайку попьем, хозяюшки, кто у вас тут по кухне? Оля, давай, сообрази, хе-хе.

Женя. Пап, мне сейчас по делам надо ехать, давайте в другой раз, правда, не обижайтесь.

Папа. Ну ладно, в другой раз.

Мама. Пойдем уж, Ген. Мы на неделе приедем.

Папа. Ну держись, Женька, держись, хе-хе!

Мама (*открывая холодильник*). На чем ей держаться-то? Холодильник пустой. Чем она ее кормит, ты посмотри. Кожа да кости, один живот торчит. Ты хочешь родить дауна?

Женя (*хлопая дверью холодильника*). Я никого не хочу! Мне вообще это не надо, понятно?! Это случайность, просто глупая случайность, вот и всё. И хватит здесь крутиться.

Папа. Не ори на мать.

Мама. Ладно, дочка, тебе нервничать нельзя, успокойся. Пойдем, Ген.

Женя открывает дверь, провожает родителей.

Мама (*из подъезда*). Он хоть русский?

Женя. Кто?

Мама. Ну… светленький хоть, не от гастарбайтера? Ты хоть трезвая была, дочур, скажи матери?

Женя. Че, вообще, что ль? (*Хлопает дверью.*)

Оля и Женя на прогулке.

Оля. Бухучет ненавистный, крыша едет уже. Если б могла, все бросила бы нафиг. Еще не поздно чему-то научиться. Все живут в свое удовольствие, занимаются творчеством, а я всю жизнь с этой деревней. Может, кинуть их? Жень? Английский у меня вполне приличный. Но деньги. Как без денег-то…

Пауза.

Оля. Уехать бы куда-нибудь, чтобы вообще ни одной рожи знакомой. В Питере квартиры дешевле. Ты подумай, Жень, я серьезно. Ну что нам эта Москва, они нам жить не дадут все равно.

Женя. Кто тебе жить не дает – мать моя?

Оля. Я думаю, она в Питер не будет каждую неделю ездить. Славики все эти твои убогие.

Женя. А в Питере будут новые рожи, новый офис, новые Аллы Михайловны, Славики. Славик-то чем тебе помешал?

Оля. Он меня ненавидит.

Женя. Сама ты всех ненавидишь. Как ты ребенка-то будешь воспитывать?

Оля. Забеспокоилась. (*Смеется.*) Не волнуйся, у меня ребенок все получит – правильное развитие, правильные книжки, язык, студии, общество нормальных людей. Или ты хочешь, чтоб он сидел среди совков твоих, с откормленной жопой перед телевизором?

Женя. Я тоже с бабушкой росла, с бабушкой классно.

Оля. Оно и видно. Женя, это должен быть наш ребенок, ты меня понимаешь, может, мы вообще потом свалим отсюда, зарегистрируемся, не надо ему с детства ломать сознание. Мы вполне справимся без бабушек и дедушек, не будь такой инфантильной. Смотри, мои друзья, Дашка с Милой, ну я тебе рассказывала, обзавелись ребенком, участвуют в ЛГБТ-движении, крутятся там постоянно, выставки всякие, «круглые столы», их уже в Европу стали посылать, они семья, ячейка, ущемленные права и так далее. Еще немного – и им дадут статус беженцев, не в Европу, так в Израиль поедут. Люди что-то делают, а не сидят.

Женя. Оль, не говори ерунду, я никуда не поеду. Ты ребенка хотела? Ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

Оля (*берет ее под руку, прижимается*). Я хочу счастья самого простого, человеческого, с тобой. Не сердись, пусь, просто слушай меня иногда, не только маму.

Оля дома одна. Дверь открывается, входит мама Жени с пакетами.

Мама. На улице вроде зима, а вроде и не зима. (*Кряхтит, шуршит пакетами.*) Женечка!

Оля выходит в прихожую.

Оля. Здрасьте, Татьяна Васильевна, Жени нет, она вечером будет.

Мама. А где она?

Оля. Они с другом на квартире, составляют проект.

Мама. Со Славиком, что ли? Ей же пить нельзя.

Оля. Она не пьет.

Мама. Сегодня воскресенье, какие проекты! Ты ничего не скрываешь, она не в больнице?

Оля. Все нормально.

Мама. На генерала Молокова пекарню открыли, смотрю – бабы берут, очередь. Пирогов взяла осетинских на 600 рублей, Женька любит. Не знаю, наверное, говно.

Оля. Вы бы позвонили сначала, перед тем как ехать.

Мама. Твое-то какое дело, ишь ты. Я что, разрешения буду спрашивать у тебя? А ты почему на выходные домой не уезжаешь? У тебя ведь мать в Подмосковье живет, недалеко. Надо же как-то своим домом жить.

Оля. А чем я мешаю?

Мама раскладывает продукты на кухне, потом ходит по комнатам, заглядывает в шкафы.

Мама. Надо совесть иметь. А если совести нет, приходится подсказывать. Открыток своих тут наставила, картины какие-то жуткие, убирай-ка эту чертовщину отсюда.

Оля. Это эзотерика, Жене нравится.

Мама. Да Женя нормальная девчонка была всегда, волевая, веселая, щас в тряпку какую-то превратилась, нервная вся. Я удивляюсь, как она рожать-то решилась, есть все-таки Бог на свете! Здесь скоро ребеночек появится, ты, Оля, должна понимать, в той комнате детская будет.

Оля. Я буду помогать, что в этом плохого?

Мама. Я буду помогать, понятно?! Я бабушка! Дед будет помогать. Убирай, говорю, свои картинки отсюда, я иконы привезу сюда.

Оля. А давайте без Жени не будем ничего трогать. Женя скажет – я хоть сегодня уеду. Почему такая агрессия по отношению к человеку, с которым дружит ваша дочь?

Мама. Дружите, кто вам не дает, в квартиру-то за каким х… лезть?! Оля, ты поняла меня? Обижаться не надо, я все говорю по делу. А с дочерью я поговорю, не переживай. Всё, пошла.

Уходит.

В этот же день, вечером, Оля дома, входят Женя и Славик.

Женя. Оль, я так устала, покорми Славку, я пойду полежу.

Славик (*улыбаясь*). Привет, Оль.

Оля. Привет. (*Обращаясь к Жене.*) Мама твоя тут продуктов принесла на месяц.

Женя. Заходила, что ль, опять?

Оля. Ты можешь ей сказать, чтоб она сюда не шастала? Почему я свой выходной должна проводить с твоей матерью? И почему вы решили, что меня говном можно поливать?

Женя. Я разберусь (*уходит в комнату, закрывает дверь*).

Оля. Ты разберешься, жди. Да, готовить, убираться, по магазинам – это все Оля, как будто так и надо. Ей мать внушила, что я приживалка, а она и рада. Суп будешь?

Славик. Да.

Оля раздраженно накрывает на стол, ставит тарелку с супом.

Оля. Разберется она. Вот слабо взять и сказать родителям: это моя жена, и она будет жить со мной. А? Ну слабо же!

Славик (*усмехаясь*). Ты чего плетешь-то, какая жена, ну, блин, ну насмешила.

Оля. Ну так же легче – и туда, и сюда, и с Олечкой, и с мамочкой, пускай они там сами, кто кого, а я в сторонке посижу, я беременная, меня надо беречь, жалеть. Я думала, баба забеременеет, хоть немного ума прибавится, хоть повзрослеет немного. Не-ет, как была подростком… а сейчас вообще в грудного ребенка превратилась. Скоро второй появится. И вот увидишь – все это будет на мне, и ребенок, и мамаша, а если меня не будет, она матери сбагрит. Ей ничего не нужно. Футбол включит, сидит, там играют… знаешь, типа какая-нибудь Коста-Рика, а ей все равно, ей лишь бы куда-то уйти от реальности. Раньше так же сидела на Арбате, глаза в одну точку, не знаю… (*Вздыхает.*) Когда начали встречаться, она так ухаживала, так смешно, по-детски. А чего ты сидишь с пустой тарелкой?

Забирает тарелку, дает Славику второе.

Славик. Оль, я вот тебя слушаю… я не понимаю, конечно, ваших этих…

Оля. А чем это так пахнет? Слав, это от твоего свитера, что ли?

Славик нюхает свитер.

Оля. Ты можешь его снять? Здесь жарко, зачем преть сидеть, и так душно.

Славик снимает свитер, расстегивает верхние пуговицы рубашки, похотливо смотрит на Олю. Оля открывает окно, выносит брезгливо свитер в прихожую.

Оля (*тихо*). Запах этот мужицкий.

Славик. Я что хочу сказать – пускай она рожает, маме с папой радость, замуж она вряд ли выйдет, пускай живут семьей. А ты, Оль, ну что ты в ней нашла, чего вы дурака-то валяете, такая женщина красивая, на тебя мужики смотрят, да я бы тебя хоть сейчас к себе увез.

Оля. У тебя же есть кто-то.

Славик. Да это было так, все уже, да и потом – она с дочкой, а ты… я понял, например, что мне детей не надо, а чужих так тем более. Зачем тебе чужие дети? Это же крест на всю жизнь, ноша такая. У меня однушка, правда, зато никаких мам-пап, они далеко, не достанут, хе-хе.

Оля. Славик, пошел вон.

Славик сидит с минуту, потом встает и уходит из квартиры.

Оля заходит в комнату, садится, Женя лежит.

Оля. Может, мне тоже уйти?

Женя. Зачем? Это ты о чем?

Оля. Ну ты скажи. Я ведь скоро буду мешать.

Женя. Оль, я уже сказала, я с мамой поговорю, не надо сейчас вот эту суету разводить, и так тошно.

Оля ложится к Жене, прижимается к ней.

Оля. Ну скажи мне, что все хорошо, что ничего не изменилось, что ты меня любишь.

Обнимает ее, ласкает.

Женя (*уклоняется от нее*). Я щас не могу, не могу, правда, прости.

Оля. Я тебя уже вообще не интересую? А супружеские обязанности никто не отменял.

Женя. Оля… ты… как бы это сказать, ты же должна как-то сочувствовать. Хорошо это или плохо, блин, смешно, может, но я теперь мать.

Оля встает, нервно смеется.

Оля. Это хорошо. Просто прекрасно.

Оля в ночном клубе.

Ночной тематический клуб. Тесно, дымно, грохочет электрохауз. Оля у барной стойки. К ней подходит девушка.

Девушка. Чего одна? Друзья, девушка?

Оля. Одной лучше.

Девушка (*наклоняется ухом*). Чего-чего? Я с друзьями (*кивает на столик*). Улыбайся, больше позитива. Давай-давай, все получится, прям подходи и говори: я тебя хочу.

Оля. Да не хочу я никого. (*Разворачивается к бару.*) Виски сто.

Девушка. О-о, как все запущено.

Оля уходит в курилку, там тише. За столом полная ярко накрашенная дама за сорок и пара девушек, которые демонстративно обнимаются, глядя по сторонам. К Оле подсаживается худенькая девочка с татуировками и выбритой головой. Она очень пьяна, обнимает Олю.

Девочка. Свободна сегодня? Как зовут тебя?

Оля. Какая разница.

Пара. Эй, хорош страдать, сюда народ веселиться приходит.

Оля. Веселюсь как могу (*допивает виски*).

Девочка. Давай водочки еще закажем. А ты как любишь, пожестче?

Оля отстраняется от нее, девочка ходит по залу, со всеми разговаривает, обнимается.

Полная дама. Ты не смотри, что она маленькая, она с виду уе… ная, а в постели оху…ая.

Оля. Ты-то откуда знаешь?

Полная дама. Да ее тут все знают. Забирай ее домой, пока она не ужралась. Не пожалеешь.

Девочка опять наваливается на Олю.

Девочка. Ты водку заказала?

Оля жестом показывает официантке.

Оля. Ты где учишься?

Девочка. Я вожу тролль.

Оля. Ты водитель троллейбуса?

Девочка кивает.

Оля. Ух ты. Это интересно?

Девочка. Ты дура, что ли, совсем?

Они пьют водку.

Девочка. Ты меня «В Контакте» легко найдешь, я Аксель Кавальери. Запомнила?

Оля. Какой ты Аксель, сучка ты вокзальная.

Девочка. Че ты сказала щас, ты? (*Бьет Олю кулаком в лицо.*)

Шум, девочку оттаскивают, Олю кладут на кушетку, умывают водой.

Спустя время в бар протискивается Женя, ищет глазами Олю. На ней смешная одежда для беременных.

Подходит к Оле, берет за руку и тащит к выходу.

Голоса. Опаньки… Жену брюхатую бросила и в клубец… Любовь.

Оля. Жень, ты чего, ты зачем сюда приехала, тебе надо спать.

Выходят, садятся в машину.

Оля. Блин, какая ты неуклюжая с этим животом.

Женя. Ща второй глаз подкрашу тебе, если не заткнешься.

Оля. Пусик, хороший мой, прости.

Дома.

Женя. Быстро спать.

Оля. Да щас тебе, что я старуха, я танцевать хочу.

Женя. Ну давай танцуй, я посмотрю, похлопаю.

Оля. Вот и хорошо, домашние праздники, прикольно (*включает музыку, танцует*).

Женя сидит, смотрит на нее.

Женя. Как с цепи сорвалась.

Оля (*танцуя*). Мамочку не копируй, мне одной свекрови хватает, две уже много. У нас осталось еще?

Женя. Ты у меня спрашиваешь?

Оля заглядывает в шкаф, берет бутылку, наливает, танцует.

Это длится долго, Женя все это время сидит молча, глядя на Олю.

Женя. Скажи честно, зачем тебе все это надо было.

Оля. Я расслабиться могу раз в полгода?

Женя. Я не об этом. Я об этом (*показывает на свой живот*).

Оля (*улыбаясь*). Хотела тебя проверить.

Женя. Что? Проверить?

Оля. «Я взвесил тебя и нашел слишком легким».

Женя. Легким?

Женя встает, трясет свой живот.

Оля. Пуся, ты… как тебе сказать, ты не мама и не папа, и даже не суррогатная мама, ты не муж, не жена, ты… слишком легкий.

Женя. Тебе чего вообще надо? Наш ребенок, наш ребенок! Это теперь что, для чего?!

Оля. Наш? Это ваш ребенок, ваша кровь, матери твоей. Ты изменилась. Ты вся там теперь где-то, в недрах вашего родства.

Женя. В каких еще недрах, господи, что ты мелешь? (*Вздыхает, пауза.*) А что ты хотела? Они что, не люди? Я, может, сейчас их только… не знаю… нашла.

Оля (*перестает танцевать, прислоняется к стене*). Я хотела семью. Глупо, конечно.

Женя. А я хотела тебя. Глупо, конечно.

Оля смотрит в пустоту. Женя долго смотрит на Олю в упор, разглядывает лицо, шею, руки. Потом резким движением хватает ее за одежду и сжимает, потом отпускает и убирает руку. Из колонок звучит музыка.

Прошло две недели. Женя одна дома, лежит на кровати, завернувшись в одеяло. Вокруг беспорядок, разбросаны вещи, на кухне немытая посуда, еда. Пепельница с окурками, пустые бутылки из-под вина. Звонок в дверь, повторяющийся несколько раз. Потом дверь открывается ключом, входят родители Жени, у папы в руках детская кроватка, у мамы сумки.

Папа. Принимайте гостей!

Мама. Че-то куревом пахнет. На балконе вроде курила эта. Дома есть кто?! (*Проходит на кухню.*) Батюшки. Ген, ты посмотри, что здесь творится, это ей рожать через две недели. Ты хоть рявкни на нее, отец все-таки. А хабалку эту я больше не пущу в дом, развела помойку здесь. Помогать она будет с ребенком, щас, еще из ребенка соки сосать, нашла дураков себе.

Папа (*проходит в комнату*). Жень, ты, что ль? Женюх, чего лежишь-то, тебе плохо? А, Жень?

Мама. Дочка, что случилось, ну-ка говори быстро, давай «скорую» вызовем.

Женя. Нет.

Мама. Что нет? Ты с матерью можешь поговорить нормально, почему из тебя вытягивать все надо клещами? Ну повернись к нам, мы ж с тобой разговариваем. Женя, да что с тобой? (*Пытается снять одеяло с ее головы.*) Ты плачешь, что ль, дочка? Господи.

Мать оглядывает комнату, замечает отсутствие ненавистных картинок, встает, проходит в другую комнату, там пустые шкафы, полки.

Мама (*тихо*). Ну слава богу. (*Садится к Жене на кровать.*) Дочур, съехала Оля?

Женя. Вы можете уйти? Пожалуйста.

Мама. А курил кто здесь? Дочк, ты с ума сошла, что ли?

Женя. Я прошу, уйдите отсюда.

Мать садится за стол, видит помятый лист А-4, берет в руки, долго читает. Потом долго сидит молча. Отец прибирает на кухне, ворчит.

Папа. Опрятная вроде девчонка была, а перед уходом насвинячила. Что за люди?

Мать дает отцу лист, он читает.

Папа. Е-мое (*садится*). Кх-кх, Женюх, ты не горюй, мы с матерью тоже всю жизнь то поссоримся, то помиримся.

Мать, укоризненно глядя на отца, крутит пальцем у виска.

Папа. А чего, всякое бывает.

Мама. Ген, мусор собери везде. Иди, иди. Жень, я сейчас вещи соберу быстренько, в машину сядем и домой. Нечего тебе тут одной, здесь тяжелый дух. Я вчера борщ сварила. Отец на кухне поспит, он привык. Радость-то какая скоро будет, дочур, надо вместе держаться нам, ну давай, давай, унывать нельзя, а то ребеночек тоже плачет. А нам нужен здоровый, веселый внучок.

Женя. Получите, не волнуйтесь.

Прошло шесть лет. Женя сидит в спортбаре, смотрит футбол. Подходит Славик.

Славик. Здорово. По нулям? Пиво хорошее? Е-мое, как тебе тут нравится, тут одни придурки. Ты ж дома всегда смотрела, Жень. Выглядишь неважно, приболела, что ль?

Женя. Да так.

Славик. Пьешь много.

Женя. А что, заметно?

Славик. Заметно. Я тебя сколько – полгода не видел. Ты это самое, возвращайся в контору, дурака-то не валяй, одна не потянешь, вместе-то повеселее все-таки. Посмотри на себя.

Женя. Нет. Не веселее.

Славик. Как хочешь. Столько лет отхе…или на пару, не ругались никогда.

Женя. Слав, я ничего не слышу, ни игру, ни тебя, я пришла на «Барсу» посмотреть; если тебе скучно, можешь идти.

Славик. Ладно-ладно. Я тут на французский чемпионат подсел. Очень крутой сезон у них, не ожидал даже.

Женя. Ну не знаю. Старики все в Китай свалили, на кого там смотреть?

Славик. А ты посмотри, посмотри. Там аутсайдеры, знаешь, как зажигают, просто весело.

Женя. Пока нет денег, всегда весело. До десятой строчки поднимутся – всё, конец дворовой команде, потом только бизнес, шоубиз. Смотри, смотри, чего вытворяет, о-ох, красава!

Славик. Че ты хочешь – Неймар.

Женя. У меня малой уже тоже так пробует, ха-ха-ха, пяточкой, смешно ужасно.

Славик. Как он вообще там, нравится ему?

Женя. Нравится, да, привыкает.

Славик. Не скучает?

Женя. Скучает, по бабке с дедом в основном, они его избаловали. Ничего, пускай мужиком растет. Ну так, конечно, когда в понедельник сажаю его в машину, у самой сердце сжимается. Ну это пока маленький, лет пять еще – весь с головой там будет.

Славик. Жень, ты ведь одна совсем, ты ведь всех от себя отфутболила, тебе самой-то как?

Женя (*кричит*). Это ее сын! (*Пауза.*) Как родился, только и хныкал, хныкал, а года в три уже губки так же научился делать! Я не собираюсь всю жизнь сопли Олины об себя вытирать. Вымолила, блин, себе замену. Чего ты глазами хлопаешь сидишь, что ты знаешь? Мне рожать вот-вот, а я по полу катаюсь. Все вещи ее выкинула на х… из квартиры, чтобы уже ничего… И вдруг какая-нибудь (*пауза, сдерживает слезы*)…

Славик. Ну ладно, ладно.

Женя. Какая-нибудь бусинка в углу, пыльная такая, такая родная… (*Обращаясь к официанту.*) Пива повторите.

Славик. Успокойся, Жень.

Женя. Ну правда – если б не мать с отцом, я бы вообще не знала, чего со всем этим делать. Знаешь, так лучше, и Лешка совсем другой стал, на пацана хоть похож, на выходные приезжает – у него рот не закрывается, там жизнь.

Славик. Да о чем ты, киснуть тут у компьютера, может, и правильно.

Женя. Я же с таким трудом его туда устроила, академия ЦСКА все-таки, не хухры-мухры.

Славик. Голы все пропустили.

Женя. А зачем ты это все начал, что ты все лезешь?

Славик (*смотрит настороженно на Женю*). Да, тяжелый случай. Может, правду говорят: вас лечить надо таких?

Женя. Лечить надо… так ведь не лечат, гады.

Смеются оба.

Славик. А то давай попробуем. Ты одна, я один.

Женя. Будь мы кролики, то да…

Славик. Знаем друг друга как облупленных. Родишь еще одного (*подмигивает*).

Женя. Мм, ребенок для Славика? Все бы можно, Слав, но не в этой жизни, не в этой жизни.

Футбольный комментатор истошно хрипит, не успевая озвучивать плетение каталонского кружева:

– Неймар… снова обошел середину. Суарес себя предлагает… увел защитника, пас Месси под левую…вратарь отыгран… Да-а-а! Вот та-а-ак! Лионель Месси снова творит чудеса! Это «Барселона». Прошу встать, господа. Ваши аплодисменты! ◆

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2016 ГОД

Цифрами обозначен номер журнала

«Искусству кино» – 85 1
Дондурей Даниил. Не юбилейное «ИК» поздравляют **Юрий Арабов, Бакур Бакурадзе, Роман Балаян, Анатолий Васильев, Борис Гройс, Ульрих Зайдль, Отар Иоселиани, Виталий Манский, Кира Муратова, Юрий Норштейн, Андрей Плахов, Мирослав Слабошпицкий, Игорь Сукманов, Майя Туровская**

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

Бюрократия – новое дворянство 5
Левинсон Алексей. «Вы такие... Живите!» (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)
Год российского кино 11
Березин Олег. Что год (кино) прошедший нам готовит
Гусятинский Евгений – Дондурей Даниил – Зархи Нина. Это не кризис
Долин Антон. Опять ёлки
Кинополитика: отчетность и реальность. «Круглый стол» «Искусства кино» в Екатеринбурге (*«Уралкинофест»*). В дискуссии участвуют **Даниил Дондурей, Наталья Иванова, Валерий Кичин, Владимир Макеранец, Владимир Меньшов, Лилия Немченко, Сергей Соловьев, Елена Стишова**
Документальное кино – пропаганда? «Круглый стол» журнала «Искусство кино» и фестиваля «Артдокфест». В дискуссии участвуют **Зара Абдуллаева, Бруно Ашчукс, Виктория Белопольская, Сонора Брока, Даниил Дондурей, Андрей Ерастов, Иветте Лёккер, Виталий Манский, Цви Миркин, Матвей Трошинкин, Улдис Цекулис** 1
Из двух углов: поединки профессионалов (Сочи-2016) 6
Мокрицкая Наталья – Дорофеев Роман. Гликман Елена – Шапрон Жоэль, Тыркин Стас. Система сложилась. Как выживать. (*В дискуссии также участвуют Ситора Алиева, Виктория Белопольская, Олег Березин, Даниил Дондурей, Сабина Еремеева, Нина Зархи, Виктор Матизен.* Модератор – **Даниил Дондурей**.)
Файзиев Джаник – Борисевич Роман. Меликян Анна – Абдуллаева Зара. Подмена понятий. (*В дискуссии также участвуют Ярослав Катаев, Лариса Малюкова.* Модератор – **Даниил Дондурей**.)
Киноконтекст: вчера – сегодня – завтра 12
Арабов Юрий: «Посторонним вход воспрещен». (*Беседу ведет Никита Карцев.*)
Гремина Елена: «Частных историй не бывает». (*Беседу ведет Нина Зархи.*)
Мишин Игорь: «Про нормальную жизнь труднее снимать». (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)
Канн-2016 7
Дондурей Даниил – Карахан Лев – Плахов Андрей. За пределы нормы
Культура и экономика 2
Культура: за или против развития. «Круглый стол» авторской телепрограммы Александра Архангельского «Тем временем». В дискуссии участвуют **Александр Архангельский, Александр Аузан, Александр Баунов, Михаил Давыдов, Алексей Козырев, Кирилл Разлогов, Ирина Стародубровская**

Раппопорт Андрей: «Главное – правильно задавать вопросы». *(Беседу ведет Даниил Дондурей.)*

Памяти Анджея Вайды 9
Вайда Анджей. Кино – мое призвание
Соболевский Тадеуш. Под его командованием мы выиграли много сражений

Сказка как способ существования 8
Абдуллаева Зара. Сказкобыль
Ерофеев Виктор: «Россия – как волшебная сказка». (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)

Телесериалы: версии реальности 10
Грушевский Станислав. Криминал побеждает
Рувинский Владимир. Фабрика эскапистских мифов

Фестивальная политика: принципы и технологии 3
Алиева Ситора. Панацея. (*Беседу ведет Даниил Дондурей.)*

Фонд кино: направления поддержки 4
Малышев Антон. Риски – сумасшедшие. (*Беседу ведет Даниил Дондурей.*)

ИМЕНА

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ 1
Карасев Леонид. Нобель и литература. Случай Алексиевич

БАКУР БАКУРАДЗЕ 5
Майзель Евгений. Брат Бакур

НОА БАУМБАК 2
Локшин Борис. Ноа Баумбак. Прага. Юность

ЛАВ ДИАС 10
Диас Лав: «Жизнь – это случайность событий». (*Интервью ведут Анжелика Лоренцон и Марианджела Мартелли.*) (*Венеция-2016*)

НИКОЛАЙ ДОСТАЛЬ 9
Досталь Николай. Война на пути к Богу. (*Беседу ведет и комментирует Наталья Сиривля.*)

ОЛЕГ КАРАВАЙЧУК 11
Занин Арсений. Олег Каравайчук: «Не по вашей земле – брожу по небесному лугу»...»

ЕРБОСЫН МЕЛЬДИБЕКОВ 4
Фоменко Андрей. Аффективный концептуализм

ЛЕОНАРД РЕТЕЛЬ ХЕЛЬМРИХ 4
Ретель Хельмрих Леонард. Кино одного кадра. (*Беседу ведет Борис Караджев.*)

ПЬЕР РИССЬЕН 7
Риссьен Пьер: «Великими делают фильмы, а не призы». (*Интервью ведет Марина Торопыгина.*) (*Канн-2016*) 7

УИТ СТИЛЛМАН 3
Закревская Анна. Золотое время (*ММКФ-2016*)

ФРЕДЕРИК УАЙЗМЕН 3
Казючиц Максим. Фредерик Уайзмен: психопатология обыденной жизни

АМАТ ЭСКАЛАНТЕ 10
Эскаланте Амат: «Мне нравится рассматривать разные табу» (*Венеция-2016*)

КОММЕНТАРИИ

Архангельский Андрей. Выстоять! Хотя бы в очереди 5
Архангельский Андрей. «Интересно» – «неинтересно» 10
Архангельский Андрей. Принуждение к бесчувствию 7
Архангельский Андрей. Третья реальность 1
Гудкова Анна. Чем пахнет спертый воздух (*Сочи-2016*) 6
Гусятинский Евгений. Синдром рынка 4

Карась Алена. Театр – оппозиция формы 2
Локшин Борис. Он утешает 5
Потоцкий Игорь. Спроса на перемены нет 8
Савельев Игорь. Революция не погибла 2

КОРОТКИЙ МЕТР: ИТОГИ

Карцев Никита. Смерть им к лицу (*Сочи-2016*) 6
Стишова Елена. Короткий метр: территория свободы (*Сочи-2016*) 6

КРУПНЫЙ ПЛАН

«В ЛУЧАХ СОЛНЦА», *режиссер Виталий Манский* 9
Архангельский Андрей. Смонтировать дракона
Казючиц Максим. Дети солнца
Манский Виталий: «Я всего лишь наблюдатель». (*Беседу ведет Вика Смирнова.*)
«ДУЭЛЯНТ», *режиссер Алексей Мизгирев* 11
Карцев Никита. Воля и представление
Савельев Игорь. Бонд из России, которую мы потеряли
«ОГОНЬ В МОРЕ», *режиссер Джанфранко Рози (Берлин-2016)* 3
Абдуллаева Зара. Пересеченная местность
Плахова Елена. Земля дрожит – море горит
Рози Джанфранко: «Оказаться перед замочной скважиной»
«ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ», *режиссер Влад Фурман* 10
Савельев Игорь. Общество мертвых поэтов
Тарханова Катерина. Вселенская смазь не случилась
«УЧЕНИК», *режиссер Кирилл Серебренников (Сочи-2016)* 6
Катаев Денис. Клин клином
Серебренников Кирилл: «Экстремизм – от пофигизма». (*Пресс-конференция на кинофестивале «Кинотавр».*)
Стишова Елена. Крестоносец

ОПЫТ

Аде Марен: «Юмор рождается из отчаяния» (*Канн-2016*) 7
Бардин Гарри: «Собираюсь депрессировать». (*Интервью ведет Татьяна Вилькина.*) (*Канн-2016*) 7
Бедеров Алексей. Product Placement – всё на продажу 4
Грин Эжен: «Сатира – приятный способ избавиться от гнева». (*Интервью ведет Юг Перро.*) (*Берлин-2016*) 3
Кастинг: 90 процентов успеха. Мастер-класс голливудских кастинг-директоров (*Нью-йоркский кинофестиваль «Трайбека»-2016*) 5
Косслик Дитер. Наша система работает (*Берлин-2016*) 3
Крыжовников Жора. Комедия: положений и/или характеров (*Сочи-2016, мастер-класс*) 6
Либергал Григорий: «Документального кино – много». (*Беседу ведет Сергей Сычев.*) (*ММКФ-2016*) 8
Лозница Сергей: «Герой – это люди» (*«Артдокфест»-2015. Скайп-конференция режиссера.*) 1
Молль Доминик. Два полюса безумия. (*Беседу ведет Юлия Гулян.*) (*Берлин-2016*) 3
Оттингер Ульрике. Три года, шестнадцать месяцев и двенадцать часов. (*Беседу ведет Марина Торопыгина.*) (*Берлин-2016*) 3
Соловьев Сергей: «Мы все лекальные люди». (*Интервью ведет Елена Некрасова.*) (*ММКФ-2016*) 8
Херцог Вернер: «Всем, кто делает кино, придется перетаскивать корабль

через гору». (*Мастер-класс режиссера. Модератор Алексей Медведев.*) (*Санкт-Петербург, «Послание к человеку»*) 11

ОСНОВНОЙ КОНКУРС. ИТОГИ

Лебедев Николай: «Кино – это сказка». (*Беседу ведет Виктор Матизен.*) (*Сочи-2016*) 6
Сукманов Игорь. Мне не больно (*Сочи-2016*) 6

ПУБЛИКАЦИИ

Забродин Владимир. Эйзенштейн на рандеву с Европой 3–4
Злобин Алексей. Сказочник 6
Мамет Дэвид. Обязаны ли мы прощать друг друга? 8
Памяти Анджея Вайды 10
Вайда Анджей: «Зритель отказывается смотреть сюжеты из недавнего прошлого». (*Беседу ведет Ирина Рубанова.*)
Вайда Анджей. Кино – мое призвание

РАЗБОРЫ

Абдуллаева Зара. Подозрение (*«Артдокфест»-2015)* 1
Анимация: заметки посторонних. «Круглый стол» Суздальского фестиваля анимации (2016). В дискуссии участвуют **Юрий Аввакумов, Олег Аронсон, Антонио Джеуза, Дмитрий Леонтьев, Лариса Малюкова, Анатолий Прохоров, Екатерина Соколова, Алёна Сычёва.** Модератор – **Лариса Малюкова** 4
«Без кровопролития». «Круглый стол» Общественной коллегии по жалобам на прессу. В дискуссии участвуют **Даниил Дондурей, Юрий Казаков, Анна Качкаева, Виктор Лошак, Татьяна Мерзлякова, Леонид Млечин, Павел Одинцов, Эдуард Сагалаев, Николай Сванидзе, Алексей Симонов, Григорий Томчин.** Модератор – **Анна Качкаева** 9
Белопольская Виктория – Караджев Борис. Док. Автор раздваивается 1
Богомолов Юрий. Смены вех 9–10
Богословская Кира. Запрос на идеалы ... 5
Венжер Наталья. Кино на ТВ в зеркале статистики 5
Десятерик Дмитрий. Шум и ярость 2
Дондурей Даниил – Зархи Нина. Хорошие мальчики и девочки (*Сочи-2016*) 6
Исламский терроризм в кино и сериалах 7
Давыдов Сергей. «ИГИЛ»: образ врага
Давыдов Сергей. Насилие как объект осмеяния
Каширских Олег. У тоталитаризма нет вероисповедания
Савин Никита. «Холодная война» и/или война с террором?
Круглова Татьяна. Стокгольмский синдром в российской школе 11
Леонтьева Ксения. Далеко от Москвы 8
Майзель Евгений. Кошмары истории (*«Зеркало»-2016*) 8
Мультивидение или опера? «Круглый стол» в Московской школе кино. В дискуссии участвуют **Любовь Бугаева, Василий Корецкий, Всеволод Коршунов, Алексей Попогребский, Анна Шарова.** Модератор – **Всеволод Коршунов** 4
Назаретян Карина. Саморегулирование ради демократии 9
Семенов Максим. Освобождение от контекста (*«Белые Столбы»–2016*) 4
Стишова Елена. Мейнстрим: культурные акценты (*Берлин-2016*) 3

РЕПЕРТУАР

Абдуллаева Зара. Без дистанции (*Канн-2016*) 7
Абдуллаева Зара. Туристический синдром (*Венеция-2016*) 10
Анашкин Сергей. Боготворец и визионер 1

Бобылев Илья. Рождение мира из духа графики (*Суздаль-2016*) 4
Бобылев Илья. Спиритический сеанс (*Екатеринбург-2016, кинофестиваль «Россия»*) 11
Бобылев Илья. Три Брута (*ММКФ-2016; КРОК-2016*) 8
Василенко Андрей. Без катарсиса (*Санкт-Петербург, «Послание к человеку»*) 11
Василенко Андрей. Будущее, сраженное ударом (*Берлин-2016*) 3
Василенко Андрей. Обвиняя смертный грех 8
Васильева Жанна. Тонкое обаяние традиции (*ММКФ-2016*) 8
Гусятинский Евгений. Все – другие (*Канн-2016*) 7
Десятерик Дмитрий. Бочка пороха. Финал (*Берлин-2016*) 3
Долин Антон. Дорожные знаки (*Венеция-2016*) 10
Долин Антон. Тот свет (*Берлин-2016*) 3
Долин Антон. Эпифора (*Канн-2016*) 7
Дроздова Марина. Он – нем. Я – глух (*Сочи-2016*) 6
Дроздова Марина. Черная дыра (*Берлин-2016*) 3
Казючиц Максим. «Война и мир»: синтетический вариант 5
Казючиц Максим. Метафора возвращения (*«Артдокфест»-2015*) 1
Казючиц Максим. Неполная индукция 2
Казючиц Максим. Член правительства (*ММКФ-2016*) 8
Карцев Никита. Безответный роман (*«Артдокфест»-2015*) 1
Карцев Никита. Погружение (*Санкт-Петербург, «Послание к человеку»*) 11
Карцев Никита. Что в имени тебе моем? (*Канн-2016*) 7
Катаев Денис. Дорогу к раю покажете? (*Венеция-2016*) 10
Катаев Денис. Поэзия.doc (*Санкт-Петербург, «Послание к человеку»*) 11
Кузьмина Лидия. В безвоздушном пространстве 4
Кузьмина Лидия. Рыцари Готэма 2
Латышева Марина. Дорога уходит вдаль (*Венеция-2016*) 10
Майзель Евгений. Армянский глобус (*Ереван-2016*) 9
Малюкова Лариса. Замри – умри – воскресни (*«Артдокфест»-2015*) 1
Малюкова Лариса. Пейзаж – имя собственное (*Канн-2016*) 7
Матвиенко Кристина. Ткань сочинения (*ММКФ-2016*) 8
Медведев Алексей. Обида (*Берлин-2016*) 3
Мокрушина Наталия. Путешествие сквозь невозможное (*Санкт-Петербург, «Послание к человеку»*) 11
Немченко Лилия. Перформанс с трагическим финалом (*Сочи-2016*) 6
Плахов Андрей. Коварный русский след (*Берлин-2016*) 3
Плахов Андрей. Милый Франц, дорогой Адриен (*Венеция-2016*) 10
Плахов Андрей. «Она» в отсутствие любви и смерти (*Канн-2016*) 7
Плахов Андрей. Эмоции и аналитика (*Вильнюс-2016*) 4
Плахова Елена. Оптимистическая элегия (*Канн-2016*) 7
Рутковский Вадим. Новый каталог (*Венеция-2016*) 10
Савельев Игорь. В жанре «приговоров истории» (*ММКФ-2016*) 8
Савельев Игорь. Денег нет, но вы держитесь 5
Савельев Игорь. Умри ты сегодня, а я завтра (*ММКФ-2016*) 8
Семенов Максим. К генеалогии чертей (*Канн-2016*) 7
Сиривля Наталья. Все женщины делают это (*Канн-2016*) 7
Сиривля Наталья. За спиной – ад (*Гдыня-2016*) 9
Сиривля Наталья. «Мы движемся к началу своему...» 5

Сиривля Наталья. О пользе провокаций (*Сочи-2016*) 6
Сиривля Наталья. Поединок (*«Артдокфест»-2015*) 1
Спутницкая Нина. Джунглиполис 4
Спутницкая Нина. Когда Дано встретил Гарри (*ММКФ-2016*) 8
Спутницкая Нина. Королевства кривых зеркал 2
Спутницкая Нина. Любовь рептилии: антропология одиночества ... 11
Стишова Елена. Закат имперской звезды (*«Артдокфест»-2015*) 1
Стишова Елена. Семья и школа (*Карловы Вары–2016*) 10
Стишова Елена. Формат: «Уралкинофест» (*Екатеринбург-2016, «Уралкинофест»*) 11
Стишова Елена. Box-office как идеология 9
Сукманов Игорь. Ностальгия уже не та (*Анапа-2016*) 9
Сычев Сергей. Властелин колец (*Сочи-2016*) 6
Сычев Сергей. Остановить Холокост в одиночку 2
Тарханова Катерина. Аул крепчал (*Анапа-2016*) 9
Тарханова Катерина. Здоровым там не место 4
Тарханова Катерина. Любовь на живодерне 2
Хлебникова Вероника. На заборе нарисован мальчик (*Сочи-2016*) 6
Хлебникова Вероника. Ушедшая по лезвию (*Венеция-2016*) 10
Цыркун Нина. Королевство миражей 5
Цыркун Нина. Левиафан и Кристина 11
Цыркун Нина. Фейк и нон-фикшн (*Берлин-2016*) 3
Цыркун Нина. Теория заговора (*ММКФ-2016*) 8
Шепотинник Петр. Пять евро мелочью (*Локарно-2016*) 9

ЧТЕНИЕ

Богатырева Татьяна. Говори 8–9
Буланов Николай. Синяя чашка с белой ручкой 5
Странное чувство тишины 5
Голос Дженифер 5
Гринштейн Нана. Машина любви 12
Долгопят Елена. Кровь 1
Корнеев Роман. Феминизм 11
Милантьева Наталья. Ребенок для Оли ... 12
Некрасова Евгения. Не отсюда 7
Пулинович Ярослава. Земля Эльзы 5
Савельев Игорь. Ля нувель ваге 10
Симбирская Елизавета. Сезон охоты ... 12
Финн Павел. Конспект воспоминаний 2–4
Шубина Варвара. Самобранка 2
Яхнис Аркадий. Поиски Мессии, или Как Иисус помогал лошади найти льва 12

ФИЛЬМЫ, ТЕЛЕФИЛЬМЫ И СЕРИАЛЫ, О КОТОРЫХ ПИСАЛИ В «ИСКУССТВЕ КИНО» В 2016 ГОДУ

«4 месяца, 3 недели и 2 дня» (4 luni, săptămâni si 2 zile) (Елена Плахова) 7
«24 недели» (24 Wochen) (Елена Стишова) 3
«37» (37) (Игорь Савельев) 8
«1944» (1944) (Игорь Сукманов) 9
«235 000 000» (Елена Стишова) 1
«Алеша» (In-ruun) (Елена Стишова) 1
«Алиса в стране войны» (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Аустерлиц» (Austerlitz) (Зара Абдуллаева) 10
«Афоня» (Жора Крыжовников) 6
«Аэропорт Донецк» («Здесь и теперь») ... 1
«Бандитский Петербург» (*ТВ*) (Владимир Рувинский) 10
«Барабан» (Tabl) (Вадим Рутковский) 10
«Безбожники» (Godless) (Петр Шепотинник) 9

«Безумцы Титиката» (Titicut Follies) (Максим Казючиц) 3
«Белорусский вокзал» (Юрий Богомолов) 10
«Беременть» (Prevenge) (Вадим Рутковский) 10
«Бог Дьесегей» («Дьөһөгөй Айыы») (Сергей Анашкин) 1
«Больница Никербокер» (The Knick) *(ТВ)* (Катерина Тарханова) 2
«Большая семья» (Юрий Богомолов) 10
«Борис без Беатрис» (Boris sans Béatrice) (Андрей Плахов) 3
«Брат Дэян» (Евгений Майзель) 5
«Бриллиантовая рука» (Жора Крыжовников) 6
«Брут», *реж. Константин Фам* (Илья Бобылев) 8
«Брут», *реж. Светлана Филиппова* (Илья Бобылев) 8
«Взорванные дни» (Максим Семенов) 4
«Винер» (Weiner) (Максим Казючиц) 8
«В лучах солнца» (Андрей Архангельский 9
Виктория Белопольская – Борис Караджев 1
Максим Казючиц 9
Виталий Манский – Вика Смирнова) ... 9
«Водолей» (Aquarius) («Здесь и теперь») ... 7
«Водочный завод» (Vodkafabriken) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Война и мир» (War & Peace) *(ТВ)*, *реж. Том Харпер* (Максим Казючиц) 5
«Война против всех» (War on Everyone) (Нина Цыркун) 11
«Волга» («Здесь и теперь») 11
«Волк и овца» (Wolf and Sheep) (Денис Катаев) 11
«Волны» (Fale) (Наталья Сиривля) 9
«Все бессонные ночи» (Wszystkie nieprzespane noce) (Наталья Сиривля) 9
«Все пылает» (Елена Стишова) 1
«В тихом омуте» (Ma Loute) («Здесь и теперь» 7
Лариса Малюкова) 7
«Выпускной (Bacalaureat) («Здесь и теперь» 7
Елена Плахова 7
Елена Стишова) 10
«Где-то еще» (Elsewhere) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Глубина два» (Dubina dva) (Никита Карцев) 11
«Глухарь» *(ТВ)* (Владимир Рувинский) 10
«Голограмма для короля» (A Hologram for the King) (Нина Цыркун) 5
«Гончие любви» («Свора любви», Hounds of Love) (Вадим Рутковский) 10
«Горько!» (Жора Крыжовников) 6
«Госпиталь» (Hospital) *(ТВ)* (Максим Казючиц) 3
«Готэм» (Gotham) *(ТВ)* (Лидия Кузьмина) 2
«Гримм» (Grimm) *(ТВ)* (Нина Спутницкая) 2
«Гринберг» (Greenberg) (Борис Локшин) 2
«Груз 200» (Юрий Богомолов) 10
«Да здравствует Цезарь!» (Hail, Caesar!) (Нина Цыркун) 3
«Да здравствуют антиподы!» (¡Vivan las antípodas!) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Девицы в беде» (Damsels in Distress) (Анна Закревская) 8
«День солнца и дождя» (Максим Семенов) 4
«Джульетта» (Julieta) («Здесь и теперь» ... 7
Наталья Сиривля) 7
«Дикая местность» («Дурное место», La región salvaje) (Амат Эскаланте) 10
«Дикий. Дикий пляж. Жар нежных» (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Дневник машиниста» (Dnevnik masinovodje) (Игорь Савельев) 8
«Дни Франции» (Jours de France) (Вадим Рутковский) 10

«До боли» (Do bólu) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«До любви» (Нина Спутницкая) 11
«Домашнее насилие» (Domestic Violence) (Максим Казючиц) 3
«До наступления зари» (Stefan Zweig: Farewell to Europe) (Петр Шепотинник) 9
«Дон Жуан» (Don Juan) (Зара Абдуллаева 1
Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Дорога в Мандалай» (The Road to Mandalay) (Вадим Рутковский) 10
«До свидания мама» (Юрий Богомолов) 10
«До скорого свидания!» (Максим Семенов) 4
«Дочь» (Dokhtar) (Игорь Савельев) 8
«Дураю» («Здесь и теперь») 11
«Дурное место» («Дикая местность», La región salvaje) (Амат Эскаланте) ... 10
«Дуэлянт» (Андрей Архангельский 10
Антон Долин 11
Никита Карцев 11
Игорь Савельев) 11
«Евангелие» (Vangelo) (Вадим Рутковский) 10
«Елена» (Юрий Богомолов) 10
«Если слепит, открой глаза» (Wenn es blendet, öffne die Augen) («Здесь и теперь») 1
«Еще один год» (Another Year) (Андрей Василенко) 11
«Женщина, которая ушла» (Ang Babaeng Humayo) (Лав Диас – Анжелика Лоренцон – Марианджела Мартелли 10
Вероника Хлебникова) 10
«Жил певчий дрозд» (Наталья Сиривля) 5
«Забелин» (Никита Карцев 6
Елена Стишова) 6
«Забыть и вспомнить» («Руками и ногами», Kicking and Screaming) (Борис Локшин) 2
«Заветный путь» («Сказочный путь», Der traumhafte Weg) (Петр Шепотинник) 9
«Закат» (Елена Стишова) 6
«Закон и порядок» (Law and Order) (*ТВ*) (Максим Казючиц) 3
«Застава Ильича» (Юрий Богомолов) ... 10
«За холмами» (Dupa dealuri) (Елена Плахова) 7
«Землетрясение» (Антон Долин) 11
«Земля просвещенных» (The Land of the Enlightened) (Евгений Майзель) 8
«Земляничная поляна» (Smultronstället) (Борис Локшин) ... 5
«Зима в огне» (Winter on Fire) («Здесь и теперь») 1
«Зимняя песня» (Chant d'hiver) (Наталья Сиривля) 5
«Зоология» (Даниил Дондурей – Нина Зархи 6
«Здесь и теперь» 11
Наталья Сиривля 6
Игорь Сукманов) 6
«Иван» (Даниил Дондурей – Нина Зархи) 6
«Иван Васильевич меняет профессию» (Жора Крыжовников) 6
«Интимное освещение» (Intimni osvetleni) (Елена Стишова) 10
«Ирония судьбы, или С легким паром!» (Жора Крыжовников) 6
«Истерзанные сердца» (Scarred Hearts) (Петр Шепотинник) 9
«Истина в вине» (Adieu, plancher des vaches!) (Наталья Сиривля) 5
«Каменное сердце» (Hjartasteinn) (Вадим Рутковский) 10
«Ке-ды» (Кристина Матвиенко 8
Сергей Соловьев – Елена Некрасова) ... 8
«Кин-дза-дза» (Жора Крыжовников) 6
«Класс коррекции» (Игорь Мишин – Даниил Дондурей) 12
«Клуцис – неправильный латыш» (Klucis – Nepareizais latvietis) («Здесь и теперь») 1

«Книга джунглей» (The Jungle Book) (Нина Спутницкая) 4
«Когда тебе семнадцать» (Quand on a 17 ans) (Елена Стишова) 3
«Козни» (La macchinazione) (Игорь Савельев 8
Нина Цыркун) 8
«Коллектор» (Юрий Арабов – Никита Карцев 12
Лилия Немченко) 6
«Кольца мира» (Сергей Сычев) 6
«Колыбельная скорбной тайне» (Hele sa hiwagang hapis) (Андрей Василенко) 3
«Коммуна» (Kollektivet) (Алексей Медведев) 3
«Конец империи» (Елена Стишова) 1
«Коробка» (Елена Стишова) 11
«Кредит» (Никита Карцев 6
Елена Стишова) 6
«Кредит на убийство» (Credit for Murder) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Кровный брат» (Blood Brother) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Кровь в твоем мобильном» (Blood in the Mobile) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Крокодил Геннадий» (Crocodile Gennadiy) (Виктория Белопольская – Борис Караджев 1
Наталья Сиривля) 1
«Крым. Путь на Родину» *(ТВ)* («Здесь и теперь») 1
«Левиафан» (Юрий Богомолов) 10
«Ледокол» (Андрей Архангельский 10
Антон Долин 11
Елена Стишова) 9
«Лес для деревьев» (Der Wald vor lauter Bäumen) (Евгений Гусятинский) 7
«Лесной принц» (Królewicz Olch) (Наталья Сиривля) 9
«Легкое сияние счастья» («Настоящее блаженство», Gleißendes Glück) (Елена Стишова) 10
«Лжец, лжец» (Liar Liar) (Жора Крыжовников) 6
«Любовники и деспот» (The Lovers and the Despot) (Марина Дроздова) 3
«Любовь и дружба» (Love & Friendship) (Анна Закревская) 8
«Макбет» (Macbeth), *реж. Джастин Курзел* (Дмитрий Десятерик) 2
«Макбет» (The Tragedy of Macbeth), *реж. Роман Поланский* (Дмитрий Десятерик) 2
«Макбет» (Macbeth) *(ТВ), реж. Бела Тарр* (Дмитрий Десятерик) 2
«Макбет» (Macbeth), *реж. Орсон Уэллс* (Дмитрий Десятерик) 2
«Мария», *реж. Григорий Коломийцев* (Никита Карцев) 6
«Местное время 28:94» (28:94 teghakan zhamanak) (Евгений Майзель) 9
«Метод» (Максим Казючиц) 2
«Метрополитан» (Metropolitan) (Анна Закревская) 8
«Милая Фрэнсис» («Фрэнсис Ха», Frances Ha) (Борис Локшин) 2
«Мирская девушка» (La ragazza del mondo) (Вадим Рутковский) 10
«Мистер Вселенная» (Mister Universo) (Петр Шепотинник) 9
«Мистер Ревность» (Mr. Jealousy) (Борис Локшин) 2
«Можно я просто буду» («Здесь и теперь») 1
«Монах и бес» (Николай Досталь – Наталья Сиривля) 9
«Море в огне» («Огонь в море», Fuocoammare) (Зара Абдуллаева 3
Елена Плахова 3
Джанфранко Рози 3
Нина Цыркун) 3
«Морфий» (Юрий Богомолов) 10
«Мосгаз» *(ТВ)* (Андрей Архангельский) ... 10
«Муниципальное жилье» (Public Housing) (Максим Казючиц) 3
«Мы ли не коты» (Are We Not Cats) (Вадим Рутковский) 10

«Наследники» (Елена Стишова) 11
«Настоящее блаженство» («Легкое сияние счастья», Gleißendes Glück) (Елена Стишова) 10
«Национальная галерея» (National Gallery) (Максим Казючиц) 3
«Неевропа» (Никита Карцев) 6
«Неизвестная» (La fille inconnue) («Здесь и теперь» 7
Никита Карцев) 7
«Не лучшее время моей жизни» («Семейное счастье», Ernelláék Farkaséknál) (Елена Стишова) 10
«Неоновый демон» (The Neon Demon) (Максим Семенов) 7
«Неразгаданная любовь» («Таайыман тапталы») (Сергей Анашкин) 1
«Не смотри в мою тарелку» (Ne gledaj mi u pijat) (Вадим Рутковский) 10
«Никто» (Los nadie) (Вадим Рутковский) 10
«Новая Эва» (Eva Nová) (Андрей Плахов) 4
«Новости с планеты Марс» (Des nouvelles de la planète Mars) (Доминик Молль – Юлия Гулян) 3
«Ночные животные» («Под покровом ночи», Nocturnal Animals) (Антон Долин) 10
«Ну, здравствуй, Оксана Соколова!» (Елена Стишова) 6
«Огонь» («Здесь и теперь» 11
Денис Катаев) 11
«Огонь в море» («Море в огне», Fuocoammare) (Зара Абдуллаева 3
Елена Плахова 3
Джанфранко Рози 3
Нина Цыркун) 3
«Однажды в Ростове» (*ТВ*) (Андрей Архангельский) 10
«Однажды в сказке» (Once Upon a Time *(ТВ)* (Нина Спутницкая) 2
«Она» (Elle) («Здесь и теперь» 7
Андрей Плахов) 7
«Охотник» (Евгений Майзель) 5
«Память забвения» (Quase Memória) (Игорь Савельев) 8
«Пастораль» (Наталья Сиривля) 5
«Патерсон» (Paterson) (Антон Долин 7
«Здесь и теперь») 7
«Питон и сторож» (Нина Спутницкая) 11
«Плохая партия» (The Bad Batch) (Марина Латышева) 10
«Под покровом ночи» («Ночные животные», Nocturnal Animals) (Антон Долин) 10
«Пока мы были молоды» (While We're Young) (Борис Локшин) 2
«Полина» (Polina, danser sa vie) (Вадим Рутковский) 10
«Последние дни диско» (The Last Days of Disco) (Анна Закревская) 8
«Последний из нас» (Akher Wahed Fina) (Вадим Рутковский) 10
«Последняя семья» (Ostatnia rodzina) (Петр Шепотинник) 9
«Послеобразы» (Powidoki) (Наталья Сиривля) 9
«Поющие башмаки» (Peeshtite obuvki) (Игорь Савельев) 8
«Поющие на кладбище» (Singing in Graveyards) (Вадим Рутковский) ... 10
«Премьера» (Елена Стишова) 6
«При смерти» (Near Death) (Максим Казючиц) 3
«Путешествие с Жириновским» (Tripping with Zhirinovsky) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Разбойники. Глава VII» (Brigands, chapitre VII) (Наталья Сиривля) 5
«Разбуди меня» (Данил Дондурей – Нина Зархи) 6
«Рай» (Денис Катаев) 10
«Рассвет» (Ausma) (Игорь Сукманов) 9
«Революционер поневоле» (The Reluctant Revolutionary) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Река» (Денис Катаев) 11
«Родина» (*ТВ*) (Владимир Рувинский) ... 10

«Родина» (Homeland) (*ТВ*) (Никита Савин) 7
«Родные» (Елена Стишова) 10
«Розыгрыш» (Prank) (Вадим Рутковский) 10
«Руками и ногами» («Забыть и вспомнить», Kicking and Screaming) (Борис Локшин) 2
«Русский дятел» (The Russian Woodpecker) (Максим Казючиц) 1
«Сады осенью» (Jardins en automne) (Наталья Сиривля) 5
«Саламанка» (Виктория Белопольская – Борис Караджев 1
«Здесь и теперь» 1
«Здесь и теперь» 11
Лариса Малюкова) 1
«Сафари» (Safari) (Зара Абдуллаева) 10
«Свора любви» («Гончие любви», Hounds of Love) (Вадим Рутковский) 10
«Семейное счастье» («Не лучшее время моей жизни», Ernelláék Farkaséknál) (Елена Стишова) 10
«Слава» (Slava) (Петр Шепотинник) 9
«Слепота» (Zaćma) (Наталья Сиривля) ... 9
«Слезы капали» (Жора Крыжовников) 6
«Служанка» (Agasshi) (Андрей Василенко 8
«Здесь и теперь») 7
«Служебный роман» (Жора Крыжовников) 6
«Смена королей» (Karalių pamaina) (Андрей Плахов) 4
«Смерть в Сараево» (Smrt u Sarajevu) (Дмитрий Десятерик 3
Нина Цыркун) 3
«Смерть господина Лазареску» (Moartea domnului Lazarescu) (Зара Абдуллаева 7
«Здесь и теперь») 11
«Смоленск» (Smolensk) (Наталья Сиривля) 9
«Событие» (The Event) (Сергей Лозница 1
Елена Стишова) 1
«Соединенные штаты любви» (Zjednoczone stany miłości) (Наталья Сиривля) 9
«Сонита» (Sonita) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Специальный полуночный выпуск» (Midnight Special) (Антон Долин) 3
«Средняя школа» (High School) (Максим Казючиц) 3
«Старше на 10 минут» («Здесь и теперь») 1
«Страна ОЗ» (Игорь Мишин – Даниил Дондурей) 12
«Странный роман с эго» (A Strange Love Affair with Ego) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Суд по делам несовершеннолетних» (Juvenile Court) (Максим Казючиц) ... 3
«Счастье» (Happiness) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Счастье мира» (Szczęście świata) (Наталья Сиривля) 9
«Сын Иосифа» (Le fils de Joseph) (Эжен Грин – Юг Перро) 3
«Сьераневада» (Sieranevada) (Зара Абдуллаева 7
«Здесь и теперь» 7
«Здесь и теперь» 11
Елена Плахова) 7
«Таинственная страсть» (*ТВ*) (Игорь Савельев 10
Катерина Тарханова) 10
«Тайны следствия» (*ТВ*) (Владимир Рувинский) 10
«Такого прекрасного сына я родила» (Takiego pieknego syna urodzilam) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Твин Пикс» (Twin Peaks) *(ТВ, 1990–1991)* (Игорь Савельев) 2
«Телец» (Юрий Богомолов) 9
«Тень» (Shadow) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) 1
«Тень Шамиссо» (Chamissos Schatten) (Ульрике Оттингер – Марина Торопыгина) 3

«Темный зверь» (Oscuro animal) (Евгений Майзель) ... 8
«Тиран» (Tyrant) *(ТВ)* (Олег Каширских) ... 7
«Тони Эрдманн» (Toni Erdmann) (Марен Аде ... 7
Евгений Гусятинский ... 7
«Здесь и теперь») ... 7
«То, что будет» (L'avenir) (Елена Стишова) ... 3
«Трон в крови» (Kumonosu-jô) (Дмитрий Десятерик) ... 2
«Трудно быть богом» (Юрий Богомолов) ... 10
«Тукуман» (Илья Бобылев) ... 4
«Тупик» (Pakughi) (Евгений Майзель ... 9
Игорь Сукманов) ... 9
«Усталая смерть» (Der müde Tod) (Нина Цыркун) ... 3
«Утро понедельника» (Lundi matin) (Наталья Сиривля) ... 5
«Ученик» (Даниил Дондурей – Нина Зархи 6
«Здесь и теперь» ... 11
Денис Катаев ... 6
Кирилл Серебренников: пресс-конференция на «Кинотавре» ... 6
Елена Стишова ... 6
Игорь Сукманов) ... 6
«Училка» (Татьяна Круглова) ... 11
«Учительница» (Ucitelka) (Елена Стишова) ... 10
«Уязвимость нулевых дней» (Zero Days) (Нина Цыркун) ... 3
«Фауда» (Fauda) *(ТВ)* (Виктория Белопольская – Борис Караджев) ... 1
«Фауст» (Юрий Богомолов) ... 10
«Финансовый монстр» (Money Monster) (Игорь Савельев) ... 5
«Франц» (Frantz) (Андрей Плахов) ... 10
«Фрэнсис Ха» («Милая Фрэнсис», Frances Ha) (Борис Локшин) ... 2
«Хеди» (Inhebek Hedi) (Елена Стишова) ... 3
«Хорошая жена» (The Good Wife) *(ТВ)* (Сергей Давыдов) ... 7
«Хороший мальчик» (Даниил Дондурей – Нина Зархи ... 6
Вероника Хлебникова) ... 6
«Человек без имени» (Wu ming zhe) (Андрей Василенко) ... 11
«Человек – швейцарский нож» (Swiss Army Man) (Нина Спутницкая) ... 8
«Четыре льва» (Four Lions) (Сергей Давыдов) ... 7
«Чечен» (Никита Карцев) ... 1
«Чужая работа» (Даниил Дондурей – Нина Зархи ... 6
Марина Дроздова ... 6
Елена Стишова) ... 1
«Чума в ауле Каратас» (The Plague at the Karatas Village) («Здесь и теперь» ... 11
Игорь Сукманов ... 9
Катерина Тарханова) ... 9
«Шантрапа» (Chantrapas) (Наталья Сиривля) ... 5
«Шекспир на новый лад: Макбет» (ShakespeaRe-Told) *(ТВ)* (Дмитрий Десятерик) ... 2
«Шоу войны» (The War Show) (Вадим Рутковский) ... 10
«Шультес» (Евгений Майзель) ... 5
«Экипаж», *реж. Николай Лебедев* (Юрий Арабов – Никита Карцев ... 12
Антон Долин ... 11
Лидия Кузьмина) ... 4
«Элвис и Никсон» (Elvis & Nixon) (Катерина Тарханова) ... 4
«Энергия и земля» (Power and the Land) (Виктория Белопольская – Борис Караджев) ... 1
«Эттрик» (Ettrick) (Наталья Мокрушина) ... 11
«Я – актриса» (Максим Семенов) ... 4
«Я, Дэниел Блейк» (I, Daniel Blake) («Здесь и теперь») ... 7
«Ян Карский. Праведник мира» (Karski i wladcy ludzkosci) (Сергей Сычев) ... 2
«Я – Катя Голубева» (Илья Бобылев) ... 11
«Я – киллер» (Jestem mordercą) (Наталья Сиривля) ... 9
«Я, Ольга Гепнарова» (Ja, Olga Hepnarova) (Евгений Майзель) ... 8
«Я шагаю по Москве» (Юрий Богомолов) 10
Turnaround (Никита Карцев) ... 6

ИСКУССТВО КИНО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1931 ГОДА

№12 (*декабрь*) 2016

ГОД РОССИЙСКОГО КИНО 2016

12

Издатель: Некоммерческое партнерство
«Редакция журнала «Искусство кино»

главный редактор Даниил Дондурей
заместитель главного редактора Нина Зархи
исполнительный директор Елена Левченко
ответственный секретарь Лариса Калгатина
редакторы Елена Стишова, Нина Цыркун
обозреватель Зара Абдуллаева
специальный корреспондент Лев Карахан
верстка Галина Зайцева
фоторедактор Елена Плоткина
корректоры Евгений Аввакумов, Татьяна Фирсова
секретарь редакции Анна Закревская

автор макета Сергей Андриевич

шеф-редактор сайта kinoart.ru Евгений Майзель

АДРЕС РЕДАКЦИИ
119002, Москва, ул. Арбат, 35, офис 341
Телефон *(499)* 248 28 22
Факс *(499)* 241 08 52
e-mail: filmart@yandex.ru
www.kinoart.ru

Сдано в набор 13.01.17. Подп. к печати 20.01.17
Формат бумаги 70X100 1/16. Бумага мелованная 90
Гарнитура Charter. Печать офсетная
Печ. л. 9,75

Заказ 22124
ПО «Периодика», Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ № 01632 от 7.10.92

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии

Телеканала ТНТ

Телеканала РЕН

научный совет журнала:
З.Абдуллаева, к.иск.
Ю.Богомолов, к.иск.
А.Голубовский, к.иск.
И.Гращенкова, д.иск.
Л.Гудков, д.филос.н.
Д.Дондурей, к.филос.н. *(председатель совета)*
Н.Дымшиц, к.иск.
В.Зверева, к.ист.н.
А.Качкаева, к.филол.н.
С.Медведев, к.ист.н.
А.Плахов, к.иск.
И.Полуэхтова, д.соц.н.
О.Рейзен, д.иск.
И.Рубанова, к.иск.
М.Теракопян, к.иск.
М.Туровская, д.иск.
Н.Цыркун, д.иск.
А.Шатских, д.иск.
М.Швыдкой, д.иск.
С.Экштут, д.ист.н.

ИСКУССТВО КИНО распространяется во всех странах СНГ. Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи по каталогам агентства «Роспечать»:
СНГ — с. 138, РФ — с. 237, Москва — с. 256
Индекс 70402

Our address:
Arbat street, 35, 119002, Moscow, Russia
Tel. *(499)* 248 28 22
Fax *(499)* 241 08 52

© Журнал «Искусство кино», 2016

16+

ISSN 0130-6405